

Михаил Смирнов

ОПЕРАЦИЯ «ТЕАТР»

Военно-приключенческая драма

18+

Михаил Смирнов

**ОПЕРАЦИЯ
«ТЕАТР»**

Военно-приключенческая драма

Екатеринбург
2016

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
С50

Смирнов М.М.

С50 Операция «Театр». Екатеринбург: Издательство
ИП Пиджаков А.В., 2016. — 276 с.

ISBN 978-5-905351-50-1

Произведение является продолжением романов «Хранитель» («Операция "Элегия"») и «Операция "Призрак"».

Октябрь 1941 года. Жестокая, смертоносная война идет полным ходом. Несмотря на большие потери, немецко-фашистские войска наступают по всем фронтам, рвутся к Москве. Ленинград уже в полной блокаде...

Главный герой Ермолай Сергеев, сотрудник Госбанка СССР, залечив травмы и раны, становится участником спецоперации под кодовым названием «Театр».

Россия веками хранила и приумножала свои материальные и культурно-художественные ценности. В годы военного лихолетья многие хотели бы поживиться, заполучить художественные ценности страны. В тылу, как и на фронте, идет беспощадная, кровавая война, война разведок и контрразведок. В нее неразрывно вовлечены многие и многие человеческие судьбы. Порой жажда наживы толкает людей на преступления...

Герою предстоят серьезные, порой смертельно опасные задания. Сумеет ли Ермолай преодолеть выпавшие на его долю испытания?..

А жестокая война продолжается, у героя новые особые задания...

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-905351-50-1

© М.М. Смирнов, 2016

Часть первая

ОПЕРАЦИЯ «ТЕАТР»

Глава 1

21 сентября 1941 года

**Смольный, кабинет Первого секретаря
Ленинградского обкома ВКП(б)...**

В кресле за рабочим столом расположился полноватый, с чисто выбритым лицом мужчина в возрасте, в военном, серо-зеленом френче. Он что-то сосредоточенно пишет. А писал высший партийный работник блокадного города раскладку съестных запасов для населения. С 1 сентября была запрещена свободная продажа продовольствия, нормы выдачи продуктов снижались еженедельно. После того, как в результате массированных авианалетов германской авиации 8 и 10 сентября сторели крупнейшие в городе Бадаевские продовольственные склады, ситуация с продовольственным обеспечением жителей стала критической. Вместе с тем, расцветал «черный рынок» продовольствия...

Подает сигнал один из трех стоящих на столе черных телефонных аппаратов. Мужчина недовольно отрываясь от писанины, рывком снимает трубку и бросает:

— Да.

— Товарищ Жданов, — раздается напряженный женский голос секретаря. — К вам по записи директор Государственного Эрмитажа, академик Понаровский Эльдар Иосифович.

Хозяин кабинета делает явно недовольное выражение лица и нехотя изрекает:

— Пусть заходит, только ненадолго.

Через мгновение входит лысый пожилой мужчина в очках и помятом черном костюме.

— Здравствуйте, товарищ Жданов.

— Здравствуйте, товарищ Понаровский. Проходите, присаживайтесь и рассказывайте. Мне уже сообщили, что у вас задержали женщину, пытавшуюся вынести мраморную статуэтку Родена.

Академик прошел к рабочему столу и сел на стул. Тяжело вздохнув, вымолвил:

— Увы, бедняга говорит, что хотела ее обменять на продукты. Ведь люди живут впроголодь. Но я ее не оправдываю.

— Органы разберутся, — бросил Жданов. — Сделано это специально по злему умыслу или по глупости.

— Вместе с тем, — продолжил академик, — оставшийся в городе героический персонал музея подготовил к вывозу очередную часть собрания. Научные сотрудники Эрмитажа, работники его охраны, технические служащие — все, все принимали участие в упаковке картин — мировых шедевров, затрачивая на еду и отдых не более часа в сутки. Работы ведутся круглосуточно, все мы находимся на казарменном положении, заклеиваем окна. Сотрудники живут в подвалах, занимаемся консервацией зданий...

— Я все понимаю, уважаемый академик, — перебил Жданов. — Эх! Вы же знаете, немецко-фашистские войска с юга, финские с севера полностью блокировали город! Чем же я вам помогу, уважаемый академик?

— Но баржи через Ладожское озеро ходят.

— Ходят, — бросил Жданов, взял со стола лист бумаги. — Вот вчерашняя сводка, полюбуйтесь. Из Ленинграда отправлено две баржи, одна, с тремя сотнями эвакуированного населения, потоплена немецкой авиацией. Почти 100 человек утонуло! В город с Большой земли также направлено две баржи и одна

с продуктами питания потоплена. Видите, какие риски! Какие потери! Вашими бесценными, мировыми шедеврами я не имею права рисковать.

— Вы должны что-нибудь придумать. Шедевры надо срочно вывозить из города! Вы слышите!? Мы не в состоянии создать для них приемлемых условий хранения, в подвалах сыро и душно. Они просто разлагаются! Недавно огромная фугасная бомба взорвалась на Дворцовой площади. А вчера один снаряд попал в Гербовый зал, погиб сотрудник...

Хозяин кабинета устало покачал головой.

Вдруг он что-то вспомнил.

— Впрочем, буквально вчера Государственный Комитет Обороны страны принял очень важное для города решение. Оно поможет решить ваши проблемы.

— Не наши, Андрей Александрович, а государственные, вернее даже, общемировые. Мы должны спасти мировые художественные сокровища. Должны...

— Хорошо-хорошо, — согласился Жданов...

1 октября 1941 года

Верхний Тагил, Свердловская область, районная больница...

Молодой и сильный организм Ермолая Сергеева успешно боролся с травмами, полученными при встрече с бурым медведем. А заодно и со вскрывшимися во время болезни некоторыми старыми ранениями.

Медперсонал делал все, чтобы быстрее вылечить молодого человека. Несомненно, способствовала этому и неожиданно прибывшая, по указанию майора Истомина, знакомая медсестра Мила. Поэтому неудивительно, что Сергеев практически через неделю вместе с Милой отправился домой, то есть в свой гостиничный номер...

— Да у тебя не гостиничный номер, а нормальная трехкомнатная квартира с ванной и телефоном! — осмотрев номер, воскликнула Мила.

Подруга в это время рассматривала гобеленовый ковер над диваном.

— Ну, мне, как начальнику хранилища, положено, — скромно выдавил Ермолай.

Он пошел и обнял девушку.

В это время в номер вошла раскрасневшаяся, улыбающаяся Молева с огромной сумкой. Окинув взглядом парочку, заместитель Сергеева по хранилищу весело пропела:

*В чарах звездного напева
Обмлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.*

Ермолай и Мила с некоторым удивлением смотрели на женщину.

— Здравствуйте, молодежь, — изрекла Молева. — Как вам стихи Есенина в моем музыкальном исполнении?

— Здорово, — лишь смог выдавить Ермолай.

— То-то, молодежь! Война войной, а жизнь продолжается! Я принесла вам, молодежь, продукты: картошечку, капустку, огурчики, грибы, вина свойского. Кушайте на здоровье, поправляйтесь.

— Спасибо, Ольга Олеговна, — вымолвила Мила.

— Спасибо, — буркнул Ермолай.

— Ну, отдыхайте, милуйтесь сегодня, — весело изрекла Молева. — А завтра, товарищ Сергеев, мы ждем тебя в хранилище, — махнула рукой и быстро покинула номер.

— Сначала ванна, потом обед, — всматриваясь в глаза Ермолая, вымолвила Мила.

Рассматривая девушку, он широко улыбнулся, обнял и поцеловал.

— Ты такая красивая, Милочка, и необычная.

— Не преувеличивай, пожалуйста. Я самая обыкновенная и очень даже грешная...

Восточная Пруссия, вила в Штейнорте, резиденция рейхсминистра Риббентропа...

В небольшой деревянной беседке стояло кресло-качалка. Рядом располагался небольшой столик, на котором дымилась чашка душистого кофе и тарелочка с любимым рейхсминистром баварским голубым сыром. Слегка раскачиваясь в кресле, Риббентроп рассматривал каталог художественных ценностей, или, вернее, произведений искусства, захваченных сотрудниками его министерства в странах Восточной Европы.

Рейхсминистр порой любил в спокойной непринужденной обстановке полюбоваться уникальными работами мастеров. Поразмыслить об их истории создания... будущем... Причем, будущем шедевров, связанном исключительно с ним... Рейхсминистр мечтал создать музей изящных искусств своего имени, и не только мечтал, действовал...

«Скоро каталог пополнится», — довольно раздумывал Риббентроп.

Ведь 18 сентября 1941 года немецкими войсками был оккупирован город Пушкин (до 1918 года — Царское Село, императорская резиденция), это в 25 километрах от центра Ленинграда. В городе находится Большой Царскосельский или Екатерининский дворец с несметными богатствами, включая единственную в своем роде Янтарную комнату. Вот-вот падут и другие города-пригороды русской северной Пальмиры со своими многочисленными дворцами и вилами.

«А впереди захват Ленинграда или Санкт-Петербурга. Город 200 лет был столицей могущественной Российской империи, притягивая к себе все и вся. Нашим людям будет, где развернуться. Просто дух захватывает!..».

Риббентроп сделал два глотка кофе, бросил в рот кусочек сыра. Жизнь прекрасна!

Вместе с тем, рейхсминистр прекрасно понимал, что у него много своих конкурентов на русские ценности: ищейки Гимлера и Шелленберга, агенты, диверсанты и убийцы ведомства Канариса, мародеры гауляйтера Восточной Пруссии Коха...

Риббентроп вспомнил недавнюю свою закрытую встречу в Швеции с одним американским бизнесменом. Усмехнулся:

«Американцы, да, пожалуй... и англичане, тоже не прочь урвать кое-что у России. Но... им и прочим нейтралам фиг, а не русские шедевры. Все должно достаться нам, победителям! Ха-ха!!!».

Думать о проваленных с треском в последнее время в России операциях своего ведомства «Золото Северной Пальмиры» и «Argentum» Риббентропу не хотелось. Это в прошлом. Непременно хотелось думать о новых, интересных приобретениях в России...

Рейхсминистр вызвал к себе полковника Шульца, главного разведчика министерства, и спросил:

— Кто из наших людей сейчас работает на ленинградском направлении?

— Легально к группе армий «Север» прикомандирован майор Свенберг, нелегально в Ленинграде работает офицер под псевдонимом Сонет.

У рейхсминистра была прекрасная память. Но майора он никак не припоминал. А вот офицера, скрывающегося под псевдонимом Сонет, неплохо знал.

— До войны наши люди хорошо работали в Ленинграде, — медленно, в раздумьи вымолвил Риббентроп. — Были выявлены и налажены контакты с рядом серьезных коллекционеров, через них мы приобрели некоторые художественные работы. Надо поднять эти материалы, проанализировать и наиболее полезные передать Сонету. Он толковый офицер, должен правильно сориентироваться...

Ночью натужно зазвонил телефон. Сергеев аккуратно, чтобы не будить рядом спящую Милу, встал с кровати. На цыпочках прошел к аппарату. Шепнул:

— На линии Сергеев.

Он внимательно слушал с минуту строгий мужской голос. Затем бросил:

— Есть, Николай Максимович, — осторожно положил трубку, сел на стул и задумался.

«Новое, неизвестное задание... Я сильно сблизился с Милой, а вот теперь разлука...».

— Что там, дорогой? — вскоре спросила Мила.

— Звонил майор Истомина, мне присвоено звание лейтенанта по его ведомству и еще медаль дали. Как-то это...

— Это все вполне заслуженно! — воскликнула подруга. — Сердечно поздравляю!

— Спасибо. Завтра надо ехать в Свердловск. Предстоит какая-то новая операция.

— Поедем вместе, мне тоже пора в свой госпиталь в Ярославль.

— Да, дорогая. А мне вот, увы, придется бросать свое хранилище.

— Надолго эта операция?

Немного задумался:

«Еще в госпитале Истомина говорил о новых предстоящих операциях Банка России, вероятно связанных с перемещением ценностей. Видимо, что-то в этом роде...».

— Ермолай? Ты где? Слышишь меня?

Ермолай отвлекся от своих мыслей.

— Извини. Не знаю точно про операцию.

— Нужно будет тебе тепло одеться. А сейчас, дорогой, иди ко мне...

Берлин, штаб-квартира армейской разведки и контрразведки (Абвера), кабинет начальника...

Из радиоприемника доносилась веселая легкая мелодия.

Адмирал Канарис стоял у висевшей на стене топографической карты Восточной Европы. Только что адъютант, оберлейтенант Генрих Рар отметил на карте текущее положение на фронтах в России. Адмирал внимательно рассматривал Ленинград и окружавшую его красную линию фронта.

«Блокадное кольцо вокруг Ленинграда! Сколько еще продержатся русские? — раздумывал. — Месяц, три... Петербург — это культурная столица России. Сколько там сосредоточено художественных ценностей мирового уровня?! Войны начинаются и заканчиваются, воинская служба тоже. А несколько картиншедевров могут обеспечить комфортную жизнь и благополучную старость где-нибудь в теплых краях, в его любимой Испании. Например, под Валенсией на теплом Средиземном море...».

По молодости Канарис служил в военно-морском германском флоте и достаточно намерзся в Северном и Балтийском морях.

Адмирал прошел к небольшому мраморному кофейному столику, на котором стояла фарфоровая чашка с душистым кофе. Сделал пару глотков и задумался. Вспомнил провалившуюся операцию «Золотой трезубец» по перехвату советского золота, хранящегося в Петербурге. Вспомнил и вторую неудавшуюся операцию «Эшелон» из этой серии.

Канарис помнил почти все свои удачные и неудачные операции. Помнил и героев этих операций, как положительных, так и отрицательных для него.

«Этот русский хранитель из Ленинграда Сергеев, приложивший руку к срыву наших двух операций, еще жив? — подумал. — Если жив, — усмехнулся, — то радуется, наверное, что переиграл нас. Пожалуй, стоит его, моего личного врага, Хранителя, огорчить...»

Прочитал про себя одно из своих любимых стихотворений на французском языке...

Всю дорогу до Свердловска Ермолай и Мила молчали. Девушка определенно ждала каких-то слов от Сергеева. А он не знал, что сказать. Ведь шла война. Он, конечно, был ей благодарен. Но давать пустых обещаний не хотел... Они как-то быстро и скомкано, так и не сказав много друг другу, простились у железнодорожного вокзала...

Немного поплутав по городу, Сергеев прибыл в штаб округа Красной армии. С трудом нашел в недрах большого здания отдел Главного разведывательного управления.

Начальником отдела оказался капитан с выбитым зубом и свежим синяком под одним глазом.

— Не обращай внимания на мой внешний вид, — рассмотрев документы Ермолая, прошепелявил капитан. — Вчера задерживали одного диверсанта. Оказался здоровенным таким, пришлось повозиться, ну и... частично пострадать.

Сергеев сел на стул, а капитан стал куда-то звонить. Не дозвонившись до нужного абонента, выругался.

— Тебе надо срочно связаться со своим начальником, майором Истоминым, — бросил капитан. — Да связь у нас, видишь, хреновая.

Он снова стал звонить и вскоре передал трубку Ермолаю.

Услышав голос Истомина, Сергеев изрек:

— Здравия желаю, товарищ майор. Какое мне будет приказание?

— Здравствуй, Ермолай. Приказание следующее: первым же самолетом отправляешься в Москву. Я тебя встречу на аэродроме Щелково и все изложу. Вопросы?

«Точно, новая операция», — решил Сергеев и бодро ответил:

— Нет вопросов, Николай Максимович.

— Хорошо, тогда до встречи. Передай трубку капитану.

— До встречи, — выдавил Ермолай и передал трубку хозяину кабинета.

Через пять минут капитан и Сергеев выезжали в аэропорт...

Москва, штаб-квартира Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (в настоящее время – ГРУ ГШ ВС РФ), кабинет начальника...

В типично служебном кабинете находились трое военных мужчин. Комиссар (по современной воинской иерархии соответствует генерал-лейтенанту) Голиков проводил совещание со своим заместителем по западному направлению деятельности, полковником Селезневым и ведущим сотрудником управления по Германии майором Истоминым.

Слово сразу взял хозяин кабинета. Прямо за его головой, на стене красовался черно-белый портрет строгого Ф. Дзержинского.

Не спеша и тихо, комиссар излагал свои мысли:

— ...и все же у меня есть сомнения в части использования в операции «Театр» лейтенанта Сергеева. Во-первых, не совсем его сфера профессиональной деятельности. Во-вторых, ему на Урале поручен важный участок работы. В-третьих, он еще не совсем здоров. Что скажете, товарищи офицеры?

— С кадрами у нас сейчас проблема, — быстро бросил полковник. — Большие потери.

— А я верю в Сергеева, — тихо вымолвил майор. — Он уже по нашим меркам, достаточно опытный перевозчик и хранитель ценностей. Да, и по сути, контрразведчик. Он молодой и здоровый парень, а на Урале в хранилище, уверен, справятся и без него...

В самолете Сергеев думал о своей жизни, о своих родных и близких: маме, Миле... Подумал о работе.

«Как Молева Ольга Олеговна будет без меня? В хранилище столько еще всего предстоит сделать, дооборудовать!..».

Конечно же, думал и о войне. Немецко-фашистские войска по-прежнему все наступали, захватывали все новые города и селения...

«Как там мой блокадный Ленинград?..» — горько размышлял.

Подумал и о возможной будущей госбанковской операции... Внезапно вспомнились стихи Есенина в музыкальном исполнении, недавно пропетые Молевой:

*Там, за рощей, по гороре
Раздается звон копыт.
Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повод.
В чарах звездного напева
Обмлели тополя.*

*Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля...*

Незаметно задремал...

Приземлились на щелковском военном аэродроме. Выходя из самолета, Ермолай издали заметил крупную фигуру Истомина.

Майор широко улыбнулся, протянул руку:

— Здравствуй, уже лейтенант Сергеев. Прими мои сердечные поздравления, Ермолай, — похлопал рукой по спине Сергеева.

— Здравствуйте, Николай Максимович. Спасибо за поздравления, службу Советскому Союзу!

— Пойдем друг в столовую, перекусим, заодно и поговорим...

За столом, рассматривая Сергеева, Истомин вымолвил:

— Похудел, осунулся ты, брат, как-то возмужал.

Сам майор выглядел неважно: несвежее лицо, мешки под глазами, уставшие глаза. Но говорить об этом, равно как и спрашивать о его жене Ирине, Ермолай не стал. Лишь бросил:

— Война никого не красит. Что за задание мне предстоит?

— Тебе предстоит участвовать в секретной операции «Театр». Заруби — секретной.

— «Театр»? Не понимаю?!

— Потом, не сразу все поймешь. Ты наверняка в Ленинграде ходил в Эрмитаж?

— Несколько раз. А что?

— Сколько там разных экспонатов, картин, скульптур и прочих ценностей?

— Ну... наверное, миллионы единиц.

— Так вот, друг Ермолай, на сегодняшний день большая часть экспонатов из Эрмитажа вывезена на хранение на Урал. Как понимаешь, вывозили бегом и стихийно, что-то взяли, что-то забыли, а что-то просто не успели. Так вот, сейчас значительная часть нашего народного достояния находится в Эрмитаже. Это колоссальные материальные и культурные ценности. Кроме того, с началом войны в Эрмитаж стали свозить на хранение

культурные ценности из пригородных дворцов и различных учреждений Ленинграда. Кое-что другое, например, ценнейшие рукописи архива Академии наук СССР, секретная оборонная документация, закрытые партийные архивы. Понимаешь?

Сергеев кивнул.

— Тебе, друг, — продолжал майор, — предстоит принять участие в вывозе этих бесценных экспонатов, ценностей и документов.

«Идет смертельная война, а я... — раздумывал Ермолай. — Возить музейный хлам и партийные бумажки?» — спросил:

— А как же Госбанк? Я ведь сотрудник Госбанка? Там, на Урале, золотой запас страны...

— Не переживай, — перебил майор, — мы все решили. Ты что загрустил?

— Неожиданно это.

— Так надо, Сергеев. Мы должны непременно сохранить народное достояние для себя, потомков и истории. Это приказ, операция одобрена на самом верху. Понимаешь! Важнейшая государственная задача! Я за тебя, друг, поручился.

«Конечно... дело это важное», — осознал Ермолай и вымолвил:

— Понял, Николай Максимович и вас не подведу.

— Так-то лучше, брат. Сейчас я посвящу тебя в некоторые детали. На днях принято решение об организации транспортной воздушной связи между Москвой и Ленинградом. Риски конечно есть. Так, позавчера фашисты сбили один наш самолет. В рамках операции «Театр» полеты будут проходить в ночное время со всеми выключенными огнями. Тебя встретит в Ленинграде и окажет всестороннюю помощь наш сотрудник, участник операции, капитан Максимов.

Передал майор Сергееву и вещевой мешок с пайком...

Через два часа, когда на улице стемнело, Сергеев вылетел в Ленинград на двухмоторном транспортном самолете ПС-84К серого цвета с выбитым бортовым номером в хвостовой части — 13. В грузовом салоне находилось две тонны продовольствия в ящиках и мешках. Хоть небольшая, но все же помощь

блокадному городу. Сергеев познакомился с командиром самолета, майором Тепловым, а также другими членами экипажа — вторым пилотом и штурманом.

Расположившись в грузовом салоне, Ермолай задумался о предстоящей операции.

«Сколько предстоит рейсов этим самолетом?..»

Визуально определил размеры салона, его полезную площадь. Ранее, перед вылетом, Истомин сообщил ему характеристики, включая грузоподъемность самолета, скорость и дальность полета...

Ленинград, Литейный проспект, нелегальная квартира резидента Абвера...

Резидент Абвера в Ленинграде под псевдонимом Пэн (в переводе с греческого — пастух) от своего агента-информатора получил сведения о подготовке экспонатов Эрмитажа к отправке на Большую землю. Правда, было неясно, когда и каким путем будет осуществляться вывоз. Резидент сообщил в центр.

В ответ адмирал Канарис поставил перед резидентом задачу: всеми силами воспрепятствовать вывозу экспонатов всех музеев города.

В конце шифровки следовала приписка:

«...Сейте панику и разруху в тылу врага, взрывайте, уничтожайте, убивайте...».

«Им хорошо рассуждать в теплом и сытом Берлине или Кенигсберге, — ворчал Пэн. — Как эту задачу можно выполнить?.. Как можно воспрепятствовать вывозу музейных экспонатов? Где их ориентировки по маршрутам вывозов?.. Взрывайте...».

Вспомнил и неудавшуюся попытку взорвать один из отправляемых эшелонов с художественными ценностями еще до блокады города. Тогда был застрелен один его ценный агент.

«Еще личного врага Канариса, некоего русского хранителя Сергеева надо искать...» — возмутился Пэн и зло выругался.

Тем не менее, начал готовить план противодействия вывозу музейных ценностей...

Глава 2

Семьсот километров самолет преодолел за два с половиной часа. Полет проходил спокойно, без обстрелов и погонь. Приземлились во втором часу ночи на окраине Ленинграда на Командантском аэродроме.

У самолета Сергеева встретил капитан ГРУ Максимов. Прибывшие с ним две женщины в телогрейках и экипаж самолета приступили к выгрузке привезенного груза.

— Сейчас три часа отдыха, затем мы отправляемся в Эрмитаж, — слегка заикаясь, изрек капитан.

Ермолай хотел было помочь женщинам с выгрузкой. Но капитан строго изрек:

— Люди справятся без нас. У нас, лейтенант, другие задачи.

В это время пошел дождь.

«Узнаю питерскую погоду», — усмехнулся Ермолай.

Они с капитаном направились в небольшое аэродромное деревянное помещение. Зашли в полутемный небольшой кабинет, где стояли две железные кровати, стол с телефоном и три табуретки.

— Располагайся, лейтенант, — бросил капитан и, не раздеваясь, в шинели упал на одну кровать.

Последовал его примеру и Сергеев.

— Как у вас тут обстановка?

— Блокада, брат, есть блокада. Завтра все сам увидишь, — тихо выдавил капитан.

Вскоре раздался его храп...

— Подъем, лейтенант!

Сергеев проснулся и быстро принял сидячее положение. Под потолком слабо горела лампочка. Капитан Максимов сидел

за столом и разливал в кружки какой-то темный напиток. На столе стояла банка тушенки и ломоть хлеба.

— Иди в коридор, ополоснись, лейтенант, — вымолвил капитан, — а потом за стол. Перекусим и отправимся по своим делам в Эрмитаж.

Ермолай взглянул на свои наручные часы, они показывали половину пятого.

— Хорошо, — бросил и поднялся с кровати...

После приема пищи Максимов сделал несколько звонков по телефону. Разговаривал капитан на повышенных тонах, требовал транспорт.

Закончив разговоры, невесело бросил:

— Напряженная и нервная обстановка сейчас в Ленинграде, трудности во всем. Не хватает транспорта, бойцов, — махнул рукой.

Вскоре с улицы послышался шум от работы двигателей автомобилей. Капитан, следом Сергеев, вышли на улицу. Стало уже светать. У дома стояли два изрядно пошарпанных ГАЗона зеленого цвета — грузовики-полупотрки с брезентовым крытым кузовом. Из кабины вышли два уже в годах, растрепанных бойца.

— Сразу видно, мобилизованные горожане, — кивая на водителей, бросил Сергееву Максимов, обращаясь уже к бойцам, добавил. — Бойцы, вы поступаете в мое распоряжение на сутки. Я — капитан Максимов, и лейтенант Сергеев на ваших машинах сейчас выдвигаемся в город, конкретно в музей Эрмитаж. Там загружаемся грузом и возвращаемся на аэродром. Вопросы?

— Никак нет, — тихо выдавил один из водителей.

— Тогда по машинам и вперед, — скомандовал Максимов.

Оба грузовика подъехали к КПП (контрольно-пропускной пункт), а проще говоря — проходной аэродрома. Из деревянной будки вышла полная женщина в черной телогрейке и сером платке на голове. Она взглянула на машины, сидящих в кабинах мужчин и не спеша открыла шлагбаум. Грузовики выехали с территории аэродрома...

Не обращая внимания на сквозняки в дырявой кабине машины, Сергеев внимательно через стекло рассматривал свой

любимый город. Вскоре они оказались на реке Большая Невка, вот пошла Выборгская набережная, за ней Пироговская... Город сильно изменился, стал хмурый и серый, и почти безлюдный. Кое-где виднелись следы бомбардировок, воронки и разрушенные дома, дома с черными глазницами-окнами. На некоторых улицах и крышах домов ощетинились зенитки, где-то лежали мешки с песком, стояли и противотанковые металлические ежи. Слева показался мало узнаваемый, затянутый чем-то черным Финляндский вокзал, они въехали на Литейный мост, свернули на Кутузовскую набережную. Какие-то умиротворенные и тихие стояли церковные храмы...

Ермолаю было больно смотреть. Ему очень хотелось побывать у себя дома, конечно же, на работе в Госбанке. Но... он понимал, что сейчас это невозможно... Вот уже и улица Миллионная...

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Калиновский Федор Федорович, известный в определенных кругах как Негоциант, всю свою сознательную жизнь собирал произведения искусств. Можно сказать, что эту страсть он получил по наследству. Его отец длительное время возглавлял один из крупнейших музеев города, Русский музей, и являлся коллекционером. Умер Калиновский-старший внезапно пять лет назад, как оказалось после вскрытия, от неизлечимой, страшной болезни.

В квартире Калиновского-младшего находилось множество различных художественных ценностей: картин, скульптур, изделий из металла, в том числе драгоценных, и много чего другого.

Калиновский числился экспертом в одном небольшом музее, был членом гильдии экспертов города. В свои 50 лет он не был женат. В квартире с ним жил дальний родственник, 70-летний Василий, который вел домашнее хозяйство.

Калиновский мечтал открыть музей своего имени. Его скромной зарплаты за содержание большой, пятикомнатной

квартиры-музея не хватало. Поэтому эксперт занимался фактически куплей-продажей художественных ценностей. Оказывал частные услуги разного рода, включая посреднические, порой, сомнительные. Имел обширные связи, как в официальных кругах, так и в криминальных.

По мере приближения фронта к Ленинграду, жители стали покидать город. Негоциант стал покупать художественные произведения у уезжающих людей. И покупать с выгодой для себя, то есть дешево. Коллекция Негоцианта стала пополняться. Сам он считал, что Красная армия не сдаст город Петра, поэтому уезжать не собирался.

Недавно один известный в определенных кругах частный (или «черный») коллекционер Пехоев (по прозвищу Герцог) сделал большой и срочный заказ Калиновскому. Учитывая их давние взаимоотношения, Герцог пару раз вытаскивал его из неприятных передраг, отказаться от заказа Калиновский никак не мог. Да и сам по себе Пехоев был страшным человеком. Поговаривали, что ради картин он лично убил нескольких человек, что он связан с бандитами.

Но вот незадача — часть заказанных Герцогом полотен находилась в Эрмитаже.

Негоциант крепко задумался...

Машины въехали на неузнаваемую, замаскированную Дворцовую площадь. На здании Генерального штаба размещались зенитные расчеты.

Они свернули во внутренний двор завешанного маскировочной сетью Зимнего дворца.

Максимов и Сергеев вышли из машин и сразу направились к директору музея. На входе однорукий охранник-милиционер с винтовкой за спиной внимательно проверил документы. После этого сообщил, как пройти к директору. Помещения оказались подготовлены к военно-блокадной обстановке: коридоры заставлены емкостями с водой, мешками с песком, лопатами, ломами; окна заклеены полосками бумаги крест-накрест; слабый дрожащий свет...

Директором оказался лысый пожилой мужчина в очках и помятом черном костюме. Рассмотрев представленные офицерам документы, он улыбнулся и изрек:

— Ждали-ждали мы вас, дорогие военные, — поднялся на встречу, пожал руки офицерам. — Академик Понаровский Эльдар Иосифович.

Военные также представились.

— Много ли, товарищи военные, заберете наших экспонатов?

— Пока столько, сколько войдет в один самолет, — ответил Максимов. — И желательно, чтобы экспонаты были полегче весом. Мы приехали к вам на двух полутоннажных грузовиках.

— Понимаю вас, и на том спасибо. К сожалению, мы не смогли вывезти до блокады всю живописную коллекцию музея. Сейчас мы подготовили к вывозу оставшиеся художественные картины, там, где можно, убрали рамы с картин. Присаживайтесь, товарищи, могу предложить морковного чаю.

— Спасибо, давайте сразу к музейным делам, — сказал Максимов.

Ермолай бросил взгляд на книжный шкаф, в верхней части которого стояли массивные старинные книги в серебряных переплетах и инкрустированные цветными камнями.

— Хорошо, — изрек академик. — Музей в целом осматривать будете? Правда, картина сейчас неприглядная.

— Никаких экскурсий не будет, — строго изрек Максимов. — Пойдемте сразу смотреть, что вы нам приготовили к отправке...

Директор, Максимов и Сергеев вышли из кабинета и стали спускаться по лестнице вниз. Понаровский ни на минуту не умолкал.

— Как хорошо, что вы прилетели. Сейчас мы в условиях блокады, голода и холода, проводим консервацию здания, оставшихся экспонатов и вещей. Люди изнемогают... недавно совсем рядом упали бомбы... Падали снаряды и на сам дворец... в Гербовый зал, в Малый тронный...

Скоро они оказались в мрачном, душном подвальном помещении.

— Сами видите, товарищи офицеры, хранить в таких условиях мировые шедевры никак нельзя. Это против всех существующих правил. Экспонаты могут превратиться в полную рухлядь.

— И что тогда делать? — спросил капитан.

— Тогда придется делать сложную и дорогостоящую реставрацию шедевров...

Они вошли в помещение, уставленное деревянными ящиками и картонными коробками.

— Вот подготовленная партия экспонатов, — показывая рукой, вымолвил директор. — Наши люди продолжают готовить новые партии к отправке.

— Нам желательно в самолет, что полегче, — бросил капитан.

— Здесь именно все легкое — художественные полотна. Полотна таких всемирно известных мастеров, как Рембрандт, Хальс, Рафаэль, Боттичелли. Есть и работы отечественных живописцев, таких как Иван Никитин, Федор Рокотов, Иван Аргунов и другие.

Ермолай неоднократно бывал в Эрмитаже. Сразу перед его глазами мысленно возникла картина итальянца, великого Рафаэля «Сикстинская мадонна»...

— Сейчас придут наши рабочие, — продолжал директор, — убедительно прошу все делать аккуратно.

— Конечно-конечно, давайте выносите, — бросил капитан. — Мы с лейтенантом будем на грузовиках принимать и представлять экспонаты. Прикидывать его общее количество для самолета на рейс...

Неспешная, обстоятельная погрузка продолжалась часа четыре. В ходе нее была объявлена воздушная тревога, длившаяся часа полтора. В это время работы по погрузке не прекращались. С неба доносились неприятные звуки немецких самолетов, хорошо слышна была и работа наших зенитчиков. Бомбовые разрывы доносились из южной части города.

Когда машины были загружены, директор и Сергеев писали составленную в двух экземплярах опись ценностей,

накладную. Грузовики неспешно двинулись на аэродром, следом на своей легковой машине отправился Понаровский.

Благополучно проехали по городу...

На КПП аэродрома грузовики встретила та же полная полуосонная охранница. Машины заехали на территорию аэродрома и остановились возле серого транспортного самолета с бортовым номером 13.

— Для меня это счастливое число, — обзревая самолет, весело бросил Понаровский.

— Будем надеяться, — буркнул Максимов и стал давать указания водителям грузовиков.

Все, включая экипаж самолета из трех человек, стали дружно заниматься погрузкой музейного груза. Сергеев вместе с Понаровским и вторым летчиком размещали ящики в салоне самолета, фиксировали их веревками и тросами. К удивлению академика, удалось разместить все, что привезли на двух машинах.

— Как это мы удачно все разместили, — как ребенок радовался директор музея.

— Лейтенант Сергеев молодец, — весело вставил Максимов. — Все точно прикинул и рассчитал.

Ермолай скромно промолчал...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

В кабинете начальника отделения милиции, охранявшего Государственный музей, находилось двое. За столом восседал капитан Ильиных, посреди помещения стояла худая женщина в пальто и с распущенными волосами. По ее скуластому лицу текли слезы.

На столе лежала художественная, написанная маслом картина без подрамника. На холсте красовался букет цветов в вазе. Рассматривая ее, капитан строго спросил:

— Что это за картина, Григорьева?

— Работа французского художника-импрессиониста Поля Сезанна «Букет цветов в голубой вазе», — быстро ответила женщина. — Написана она в 1875 году.

— Почему ты хотела ее вынести?

Женщина прослезилась.

— Виновата, ох, виновата. Черт попутал, хотела продать барыгам и купить продуктов. У меня дома муж-инвалид лёжкой лежит и мама старенькая и больная.

— Сейчас всем тяжело, — невозмутимо изрекает капитан. — Ты меня на слезы и жалость не бери, Григорьева. По законам военного времени тебе положен расстрел. Но если ты все честно расскажешь, то сохранишь себе жизнь.

Женщина давится слезами.

— Я все расскажу, товарищ капитан...

— Для тебя, Григорьева, я сейчас — гражданин капитан!

— Да-да, гражданин капитан, — мямлит женщин. — Меня сосед подговорил, барыга-спекулянт, липовый инвалид Шар.

— Какой Шар?

— Его так все у нас зовут. Вообще он Колька Шаров, сосед из 39 квартиры. Он и попросил. Деньги хорошие обещал...

— Он просил именно эту работу?

— Он просил что-нибудь из работ французских художников-импрессионистов. Я смогла взять этот холст.

Капитан задумался на некоторое время.

Вот он медленно поднимается из-за стола и спрашивает:

— Где можно найти этого Шарова?

— Ну, или дома сидит, — поспешно отвечает женщина, — или с такими же барыгами, как сам, на Конюшенной площади ошивается. Что-то скупает, продает...

После завершения погрузки ценностей Максимов организовал охрану самолета и пригласил Понаровского и Сергеева на ужин к себе.

— По капле спиртика выпьем за исполненное важное дело, — весело изрек капитан. — У меня есть еще довоенная заправка, снимем усталость от погрузки и выгрузки.

Они прошли в небольшое деревянное аэровокзальное помещение, зашли в типично служебный кабинет. Максимов сначала позвонил в Москву дежурного по ГРУ и проинформировал о загрузке самолета. Затем Понаровский позвонил в приемную Жданова и также сообщил о ходе работ.

После этого изрядно уставшие мужчины приступили к ужину...

В 22 часа Сергеев поднялся в самолет. Командир корабля закрыл входную дверь грузового салона. Затем визуально осмотрел закрепленный груз. Весело бросил:

— Ну что, лейтенант, махнем вдоль по Питерской, да на троечке?

— Махнем, товарищ майор, — в тон ответил Ермолай.

Майор проследовал в кабину пилотов. Транспортный самолет с бортовым номером 13 после короткого разбега, натужно гудя, взлетел. Сделав круг буквально над самым городом, он на небольшой высоте лег курсом на юго-восток.

При погрузке Сергеев оставил себе сидячее местечко возле небольшого круглого иллюминатора. Всматриваясь через стекло в ночную темень, он пытался определить линию фронта. Но это оказалось невозможно, хотя отдельные вспышки внизу он наблюдал.

Ермолай решил подремать. Перед вылетом он спросил у командира корабля, куда они летят.

— Не знаю, — ответил летчик с петлицами майора. — Пункт назначения нам сообщат в воздухе.

— Куда же мы полетим? — удивился Сергеев. — На юг или на север?

— Пока будем держать курс на Ярославль...

«Обстреляют, не обстреляют?..» — размышлял Ермолай.

Судя по всему, самолет набрал нужную высоту, линию фронта определенно миновали.

«Ярославль... А дальше?..» — в полудреме размышлял.

Все тело от нагрузки, да и ранений и травм, неприятно ныло...

Москва, штаб-квартира ГРУ ГШ Красной армии...

Майор Истомин получил от дежурного по Управлению информации о загрузке в Ленинграде самолета с бортовым номером 13 и успешном вылете.

Чтобы узнать, как преодолел борт занятую немцами территорию, майор позвонил в штаб Калининского фронта. Ему сообщили: борт 13 благополучно прошел зону ответственности фронта. Истомин взглянул на часы. Судя по времени в полете, борт находится где-то в районе Ярославля.

«Так. Начало операции «Театр» прошло удачно», — решил довольный майор.

В хорошем настроении направился на доклад к руководству...

А сон все не шел и не шел. В голове Ермолая бродили самые разные мысли, ведь он был в своем родном городе.

Промелькнуло детство и юность... папа, мама...

«Нужно будет как-то мамочке черкнуть письмо», — подумал.

Вспомнилась работа, Коваль... Вот в памяти возникла Иринка, Ципок, Мила...

Ленинград, Комендантский аэродром...

Ночь. Где-то далеко периодически возникают сполохи, очевидно, бьет артиллерия. А у аэродромовской проходной тишина. В окошке деревянной проходной брезжит слабый свет, вероятно, коптит керосиновая лампа.

Вот к проходной подходит женщина в пальто и с сумкой в руке. Прислушивается, оглядывается по сторонам. Стучит в окно. Из проходной доносятся некие звуки. Открывается дверь и выглядывает полная женщина в телогрейке.

— Чего тебе, баба? — недовольно спрашивает. — Давай проваливай, не положено тут.

— Замерзла я совсем, пусти погреться, — жалостливо изрекает незнакомка. — У меня продукты есть, есть и выпивка. Пусти на пару часиков согреться, а потом я уйду.

Женщина в телогрейке две-три секунды думает.

— Пусти, женщина, — едва не плача, просит незнакомка, — ведь околею я тут на ветру.

— Ладно, проходи.

Пятнадцатью минутами позже...

За столом сидят две женщины, распивают спиртное и закусывают.

— ...Неужели сейчас к вам прилетают самолеты? — спрашивает женщина в пальто.

— Летают, — отвечает собеседница в черной телогрейке.

— Так блокада! Откуда они летают? Да и зачем? И с чем?

— Вестимо откуда, летают с Большой земли. Вот сегодня днем загрузился коробками, ночью и улетел...

Ермолай проснулся и увидел в иллюминатор голубое-голубое небо. Вдали и внизу клином летела стая птиц.

«Интересно, — подумал Ермолай. — Похоже, журавли перебираются на зимние квартиры в южные края».

Взглянул на часы, они показывали семь часов утра.

«Ого! — воскликнул. — Хорошо я поспал!» — поднялся, потянулся, немного размял кости.

Вчерашнюю усталость как рукой сняло, настроение тоже было отменное.

Осматривая груз, Сергеев немного прошелся по салону. После этого постучал в дверь к летчикам.

Когда дверь отворилась, Ермолай изрек:

— Всех приветствую. Где мы летим?

— Мы приближаемся к Уральским горам, — ответил один из пилотов. — Где-то примерно через час приземлимся на дозаправку в Свердловске.

— А дальше?

— Конечный пункт у нас Новосибирск.

«Новосибирск!?» — удивился Ермолай, выдавил:

— Ясно. Кипяточку мне для чая не выделите?

— Выделим, лейтенант...

Узнав, что они будут находиться несколько часов в Свердловском аэропорту, Ермолай решил от дежурного по аэропорту позвонить в свое хранилище Молевой. Настроение поднялось, вспомнились стихи Есенина в музыкальном исполнении своего заместителя.

Весело пропел про себя:

*Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман,
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.
В чарах звездного напева
Обмлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.*

Но вскоре подумав, что он участвует в секретной операции, и что Истомин этого наверняка не одобрит, а может даже и накажет, решил этого не делать.

Заправка топливом в аэропорту «Кольцово» продлилась два с половиной часа.

После этого их самолет натужно поднялся в небо и взял курс на столицу Сибири...

Пушкин, Ленинградская область...

«...Принять исчерпывающие меры к нахождению, изъятию и доставке в хранилища министерства художественных ценностей и произведений искусства Ленинграда (Санкт-Петербурга) и его пригородов...»

Получив секретное указание из министерства иностранных дел, майор Свенберг основательно обследовал Екатерининский парк с Екатерининским дворцом и другими окружающими сооружениями, входящими в исторический ансамбль «Царское Село».

Перед майором предстала безрадостная, с точки зрения полученного задания, картинка. Большая часть художественных произведений (картин, скульптур, украшений) была вывезена русскими до прихода немецких войск. В ходе захвата города были уничтожены и повреждены многие сооружения ансамбля и, соответственно, оставшиеся художественные ценности. «Слегка» пограбили объекты ансамбля разведчики и передовые части армейского вермахта.

Майор еще больше загрустил, когда выяснил, что демонтажем не вывезенной русскими Янтарной комнаты занимаются по приказу Гимmlера люди СС.

Докладывать в министерство по ансамблю «Царское Село» было нечего.

Отчаиваться Свенберг не стал, поскольку надеялся на другие пригороды северной русской столицы. И, конечно же, на саму столицу, падение которой казалось ему неизбежной в самое ближайшее время...

Полет до Новосибирска проскочил как-то незаметно. Ермолай немного пободрствовал, посматривая в иллюминатор, немного походил по салону и немного поспал. Успел и почитать стихи Есенина...

Глава 3

Ленинград...

На углу улицы Большая Конюшенная и Конюшенной площади остановился легковой джип ГАЗ с брезентовым верхом. Из машины вышел капитан милиции и сержант с автоматом ППШ на плече. Осмотревшись по сторонам, они направились в сторону сидевших на лавочке и активно разговаривающих троих мужчин.

Увидев милиционеров, троица замолчала и насторожилась. Один из них привстал и не спеша направился в сторону.

— А ну стоять! — раздался окрик капитана. — По законам военного времени буду стрелять! Вернись назад!

Уходящий мужчина остановился. Удивленно взглянул на военных и стал медленно передвигаться назад.

— Попрошу предъявить документы, — подходя к мужчинам, грозно изрек капитан.

Сержант в это время снял автомат с плеча и направил на троицу.

Капитан поочередно просмотрел документы. Затем строго взглянул на худого, пытавшегося уйти мужчину и вымолвил:

— Ты, Шаров Николай, поедешь с нами, — вернул остальным документы. — А вы, товарищи, свободны.

— За что? — нервно воскликнул Шаров.

Сержант ткнул ему автомат в бок и рывкнул:

— Вперед! Пошел!..

Музей Эрмитаж, отделение НКВД...

За столом восседал с грозным видом капитан Ильиных. Посреди помещения стоял со связанными руками худой мужчина с испуганным выражением лица.

— Зачем ты, Шар, просил соседку Григорьеву украсть и принести из Эрмитажа картину французского художника-импрессиониста? — строго спросил капитан.

— Не просил, не просил! — пылко изрек худой мужчина. — Век воли не выдать...

— Привести Григорьеву? — резко оборвал капитан.

Мужчина со связанными руками сразу сник, опустил глаза вниз. Медленно выдавил:

— Ну, просил.

Капитан положил на стол пистолет и громко изрек:

— Если ты, сучье вымя Шар, мне в течение минуты не скажешь, зачем тебе картина французского художника-импрессиониста, я тебя просто расстреляю как расхитителя народного достояния, — навел пистолет на Шарова.

— Не надо, гражданин начальник, все расскажу. Все-все, — взмолился Шаров.

— Ну!

— Так-так, сейчас, начальник. Как-то подошел ко мне на площади мужик и попросил «наладить» ему картину французского художника-импрессиониста. Пообещал хорошие деньги. Ну, худо сейчас с день...

— Не верю, чтобы ты его не знал! — рявкнул капитан, вертя в руке пистолет.

— Ну, точно-точно, не знаю, ей-богу, — жалостливо выдавил мужчина и опустился на колени. — Мы должны с ним встретиться через два дня на том же месте.

Рассматривая беднягу, какое-то время капитан раздумывал.

Не спеша убрал пистолет в кобуру и крикнул:

— Часовой!

Дверь распахнулась и показался сержант с автоматом на плече.

— Отведи задержанного в камеру, — выдавил капитан, — пусть хорошо подумает.

— Есть.

Оставшись один, капитан глубоко задумался. Он, разумеется, знал, что военная контрразведка проводит операцию по вывозу экспонатов Эрмитажа на Большую землю. И в соответствии с полученным циркуляром обо всех происшествиях был обязан доложить, естественно, начальству по инстанции и в армейское ГРУ. Но сегодняшний доклад по поимке воровки с картиной мог выйти для него боком. Начальство точно могло наложить на него меры воздействия за плохую организацию охраны и даже отправить на фронт. Вот если бы он поймал все банду! Включая организатора и заказчика! Банде можно было бы присовокупить и недавнее нераскрытое хищение. Вот тогда капитан мог рассчитывать на награду...

Приземлялись в Новосибирском аэропорту «Толмачево» долго и нервно. Виной тому был сильный ветер.

Когда самолет замер на земле, к нему подкатили два крытых грузовых ГАЗона. Из кабины одного вышел низкорослый майор, а с кузова спрыгнули несколько бойцов.

Ермолай спустился на землю, немного потянулся.

— Лейтенант Сергеев? — раздался зычный мужской голос.

Ермолай повернулся лицом к майору и изрек:

— Так точно.

— Предъявите документы и доложите по форме.

— Слушаюсь.

Просмотр документов, доклад и знакомство с серьезным майором ГРУ Апальковым заняло минут семь. После этого приступили к выгрузке груза из самолета и погрузке на машины...

Закончив погрузку на машины, майор подозвал к себе Сергеева и командира самолета майора Теплового.

Обращаясь к летчику, Апальков сказал:

— Сейчас мы с лейтенантом отправимся на машинах к месту хранения груза. На дорогу и выгрузку, я думаю, уйдет часов

примерно шесть. Экипаж самолета в это время отдыхает. Как только Сергеев вернется, вы сразу берете курс на Свердловск и далее в Ленинград.

— Ясно, — бросил летчик и направился к самолету.

Майор сел в кабину одного грузовика, Сергеев — другого. Машины медленно тронулись в путь...

Сергеев никогда не был в Сибири. Поэтому всю дорогу от аэропорта до города, да и в самом городе с интересом смотрел в окно. Сначала на могучий, в основном хвойный лес, тянувшийся вдоль дороги, потом на большой город, промелькнувший небольшой деревянный православный храм. Вот показался, вероятно, католический храм со стилизованными формами готического стиля, крыша которого состояла из трех двускатных остроконечных частей. Широоченной показалась Ермолаю река Обь...

Машины затормозили у большого серого здания с огромным куполом вверху. Майор Апальков вышел из машины, вышел и Сергеев.

— Это наш театр оперы и балета, совсем недавно построенный, — улыбаясь, вымолвил майор. — Сложный и уникальный архитектурный комплекс, крупнейшее в стране театральное здание. За большие размеры его также называют «Сибирский Колизей».

Сергеев вертел головой и удивлялся масштабам здания.

— С началом войны, — продолжал майор, — в здание на хранение стали завозить экспонаты многих эвакуированных из европейской части СССР музеев, в том числе музеев Ленинграда, Москвы, а также музеев Новгорода, Севастополя, Твери. Вот теперь и мировые шедевры Эрмитажа будут здесь храниться.

«Вот почему операция по переброске ценностей Эрмитажа называется «Театр» — подумал Ермолай.

Они вошли в здание, прошли в кабинет директора театра. Им оказалась маленькая худенькая женщина в очках по фамилии Лектор. Она всплеснула руками и весело изрекла:

— Ждем-ждем вас, дорогие наши! Рассказывайте!

— Товарищ директор, у нас мало времени, — строго вымолвил майор. — Покажите нам место, где будут храниться доставленные художественные шедевры-картины из Эрмитажа.

— Понимаю, следуйте за мной.

Вскоре они вошли в большое светлое помещение.

— Ящики поместим здесь, — показывая рукой, вымолвила директор. — Потом мы их разберем, картины разложим, создадим необходимые температурные параметры, влажность и так далее, — улыбнулась. — Можете быть спокойны, все сохраним в целостности.

— Это очень хорошо, — также улыбнувшись, бросил Сергеев. — Я это сообщу директору Эрмитажа, товарищу Понаровскому.

— Передавайте привет Эльдару Исаевичу от меня, — изрекла женщина. — Я с ним знакома. Мы все мысленно с ленинградцами, они мужественные люди, настоящие герои.

— Обязательно передам, — пообещал Ермолай.

— А сейчас за работу, товарищи, — вставил майор. — По ударному поработаем...

После окончания выгрузки Сергеев передал директору опись привезенных ценностей, накладную.

— Какие шедевры! — просматривая список полотен, — изрекла женщина. — Вы, мальчики, молодцы! Ведь полотна могли погибнуть от плохого хранения или сгореть в огне после бомбардировок.

Директор прослезилась и по очереди обняла офицеров. Ермолаю, с одной стороны, было как-то неловко, ведь он исполнял свой служебный долг. Хотя и чувство удовлетворения от сделанной большой и важной работы он, несомненно, испытывал.

Лектор предложила поужинать.

— Спасибо, но у нас нет времени, — решительно отказался майор. — Сергееву надо срочно вылетать, служба не ждет.

— Я ему в дорожку сумочку с продуктами соберу, — не унилась женщина.

— Только быстро, — бросил строгий майор...

**Ленинград,
Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...**

Калиновский (Негоциант) взвинченным пришел домой. Только что от одного знакомого городского спекулянта ценностями он узнал о задержании милицией на Конюшенной площади Шара.

«Может, это связано с тем, что я ему заказал картину французского художника-импрессиониста XIX века!?» — нервно воскликнул, проходя в гостиную.

Залпом выпил рюмку водки. Слегка успокоился и в раздумье зашагал по комнате.

«Шар обо мне многое знает... Знает о хобби, о моей домашней коллекции произведений искусств... О некоторых операциях по купле-продаже картин... Наконец, знает мой адрес!..».

Схватился руками за голову.

«Что же делать?.. Бросить все и бежать?.. Вся жизнь собирал, собирал и вот... приплыл... Попросить защиты у Герцога? Но за это он меня просто оберет...».

Негоциант упал на диван и забился в истерике...

Через 10 минут, изрядно обессиленный, он поднялся. Медленно выпил рюмку водки и решил во всем спокойно разобраться.

Словно что-то вспомнив, воскликнул:

— Может, его задержали по другим, его личным барыжным делам? — задумался. — Да если даже и по-моему, и он заложит меня... я все буду отрицать! Скажу, что это оговор! Мое слово против слова Шара! Да, точно! Слово уважаемого эксперта против слова барыги! И что они мне сделают? Ха! На мою коллекцию у меня есть документы... Если потребуется, подниму свои связи...

Сергеев с трудом поднялся в самолет. У него все, с головы до ног, болело и ныло.

«Как мне плохо!» — восклицал.

В пустом мрачном салоне он через силу соорудил небольшую лежанку и завалился на нее. И буквально сразу отрубился...

Ленинград, служебный офис ГРУ ГШ Красной армии...

Капитан Максимов, в рамках операции «Театр», являлся ответственным офицером ГРУ за вывоз экспонатов Эрмитажа из Ленинграда. С середины сентября, началом полной блокады, в городе сложилась сложная, если не сказать, нервная ситуация. Партийно-хозяйственные органы города пытались сохранить нормальный ритм жизни, работу общественного транспорта и снабжение всем необходимым. Конечно же, в первую очередь, продуктами питания. Этому мешали паникеры и доморощенные преступники всех мастей. А также шпионы и диверсанты, немецко-фашистские и финские...

Музей Эрмитаж, кабинет директора...

Капитан Максимов получил оперативную информацию, что в музее не все в порядке. Поэтому он прибыл к директору и попросил пригласить на совещание начальника отделения НКВД, охранявшего музей.

Первым взял слово Максимов и напомнил о важности проводимой операции по вывозу экспонатов музея на Большую землю. Затем сообщил о сложной криминогенной обстановке в городе, действиях вражеских агентов, диверсантов и паникерах. Далее академик Понаровский эмоционально проинформировал о подготовке остававшихся в музее экспонатов к вывозу. Капитан Ильиных скупно доложил о проводимых мерах по сохранности экспонатов и здания.

— Последнее время вас ничего не настораживает? — спросил Максимов. — Нет случаев хищений или их попыток?

Ильиных отрицательно покачал головой.

— Был незначительный случай, — вымолвил Понаровский, — совсем мелкий...

С чувством неудовлетворенности и некоей тревоги покинул музей капитан Максимов. Милицейский капитан определенно что-то недоговаривал, а возможно и скрывал... Почему?.. Элементарно боялся за свое место?.. Или здесь что-то другое...

Ермолай спал, как убитый, пять часов. Поднявшись со своей импровизированной кровати понял, что у него все болит: руки, ноги, спина, шея. Была полная апатия.

«Расслабляться и раскисать мне нельзя, — подумал. — Болеть тоже. Поэтому надо сделать хорошую разминку», — и решительно приступил к физическим упражнениям.

После хорошей разминки стало как-то легче, прорезался аппетит. Ермолай решил перекусить. Раскрыл сумку, которую вручила директор Новосибирского театра. В ней оказалось: сало, вареная картошка, баночка с грибами, капуста, хлеб и бутылка самогонки.

— Ого! — воскликнул Ермолай. — Молодчина директор! Можно устроить целый пир! — и решительно приступил к трапезе...

Ленинград, Литейный проспект, нелегальная квартира резидента Абвера...

Являющийся техническим служащим Эрмитажа, источник одного агента сообщил, что начался вывоз оставшихся особо ценных экспонатов музея на Большую землю.

«Значит, русские наладили канал переправки? — воскликнул Пэн. — Судя по всему — задумался, вспомнил и полученную информацию от одного агента, работающего под позывным Алекто. — Воздушный? Через Комендантский аэродром?.. Или еще какой-то вариант придумали эти непредсказуемые русские?.. Канарис молчит по маршрутам переправы!.. Как можно эффективно работать в таких условиях?» — возмущался.

Этот же источник сообщил, что видел лейтенанта Сергеева при погрузке ящиков с экспонатами на грузовик перед отправкой.

«Банковский хранитель Сергеев в Ленинграде? В форме офицера Красной армии?.. — задумался резидент. — Он наверняка участвует в транспортировке грузов с ценностями Эрмитажа?.. Организовать бы масштабную диверсионную операцию... Но... мало у нас людей... Хорошо, что адмирал подбросил партию фальшивых русских рублей... Возможно, за деньги удастся что-то узнать... а может, и предпринять...».

Дозаправка топливом в Свердловском аэропорту прошла по обычной схеме.

Ермолай в это время ходил в военную комендатуру аэровокзала и по закрытой линии пообщался с майором Истоминым. Невеселый и даже какой-то раздраженный майор призвал Сергеева к бдительности и еще раз к бдительности.

— ...Положение на всех фронтах, к сожалению, усугубляется, Красная армия несет большие потери. Враг продвигается вперед, — отчеканил майор. — В наш тыл служба Канариса пачками забрасывает диверсантов. В блокадном Ленинграде орудуют мародеры и банды, сеют смуту паникеры, обворовывают граждан перекупщики и скупщики, проворачивают преступления фашистские агенты и прихвостни. Есть информация, что из музеев города исчезают ценные экспонаты...

После заправки и загрузки салона продовольственными товарами самолет взял курс на блокадный Ленинград...

Раздумывая над словами Истомина, Сергеев немного пободрствовал, посматривая в иллюминатор, немного походил по салону. Затем немного поспал.

Проснувшись, перекусил и снова стал дремать...

Скрипнула дверь кабины летчиков и широко распахнулась. Ермолай проснулся и едва различил в темноте быстро выходящего из двери Теплова, командира экипажа. В руках он держал ручной пулемет, кажется, пулемет Дегтярева.

— Фашистские самолеты на подходе, — бросил на ходу майор. — Может, разойдемся, а может, и в бой вступим.

Прислушавшись, Ермолай услышал слабый неприятный гул.

Майор прошел к двери, поставил пулемет. Затем открыл входную дверь. В салон из непроглядной темноты сразу ворвался вихрь воздуха, самолет слегка задрожал. Снаружи послышался явственный неприятный самолетный гул. Летчик лег на пол лицом к открытой двери.

— Что мне делать? — крикнул Ермолай.

— Ложись сзади меня и держи за правую ногу, чтобы я не вылетел из салона, — крикнул Теплов. — И сам крепко держись.

Он в это время устанавливал выдвижной металлический приклад. Майор быстро проверил магазин пулемета и прицел. После этого принял позу для стрельбы и стал прицеливаться в темноту. Ермолай крепко вцепился за его ногу.

— Ничего не видно, — крикнул он. — Куда ты, майор, будешь стрелять?

— Вон над нами, смотри, появились огоньки. Это бомбардировщики пошли бомбить Северную железную дорогу. Хотя фашистские гады отрезать Мурманск и Архангельск от Москвы. Кажется, они летят без прикрытия, без истребителей, и это спасение для нас.

Озираясь, Ермолай действительно увидел сверху несколько слабых огоньков.

— Они высоко летят, ты их не достанешь, — предположил Ермолай.

— Прицельная дальность у пулемета — один километр, — ответил летчик. — Убойная сила — полтора километра. Можно попробовать.

— Может, не стоит привлекать к себе внимание? — вымолвил Ермолай.

— Не привлекать? Ха! Сто пудов, летчики бомбардировщиков по шумам двигателей нас вычислили и сообщили на свою базу. Через полчаса здесь появятся фашистские ястребки для нашей ликвидации. Но я думаю, мы к этому времени уже приземлимся в Ленинграде.

— Тогда надо попр...

Слова Сергеева заглушил пулемет. Майор выпустил несколько очередей в сторону едва видимых, исчезающих огней.

После этого Теплов и следом Ермолай поднялись на ноги и вместе с трудом закрыли дверь салона.

— Завтра капитан Максимов по своим каналам узнает, попали мы или нет, — вымолвил майор и направился в свою кабину...

Вскоре они приземлились на уже знакомом Комендантском аэродроме. Часы показывали два часа ночи.

Самолет встречал капитан Максимов.

— Как долетели? — пожимая руку Сергееву и майору Тепло-ву, спросил капитан.

— Уже практически на подлете разминулись с группой фашистских бомбардировщиков, следующих на восток, — ответил майор. — Фашисты обнаглели, летели без прикрытия, без истребителей. Ну, мы и дали по ним несколько пулеметных очередей. Узнай, капитан, — широко улыбнулся, — может, сбили мы самолет, другой.

— Узнаю, майор, — пообещал Максимов. — Сейчас кушайте, отдыхайте. Мы с Сергеевым тоже пойдем отдыхать до утра...

Глава 4

Рига, особняк в старой части города, штаб-квартира регионального центра Абвера...

Адмирал Канарис внезапно, он любил это делать, прибыл в региональный центр своей службы. Выслушав доклад руководителя центра, полковника Хорста Вебера, и не задав ни одного вопроса, он еще раз ознакомился с последними донесениями ленинградского резидента Пэна. А также с другими данными и сведениями по ленинградскому направлению...

В кабинете тихо звучала мелодия из оперы Вагнера «Тангейзер», на кофейном столике находилась легкая закуска и напитки. Адмирал прошаживался вдоль кабинета и раздумывал...

В какой-то момент, очевидно приняв решение, он остановился возле рабочего стола и вызвал в кабинет своего адъютанта.

Строго взглянув на вошедшего, подтянутого обер-лейтенанта Раа, адмирал вымолвил:

— Генрих, позвоните в штаб командующего 1-м воздушным флотом генерал-полковнику Келлеру. Я хочу с ним срочно поговорить по неотложному делу.

Адъютант изрек:

— Есть, — щелкнул каблуками, четко развернулся и быстро покинул кабинет...

Спустя 5 минут...

— Приветствую лучшего военного воздушного аса Германии! — весело вымолвил в телефонную трубку адмирал.

— Приветствую лучшего военного разведчика Германии! — в тон ответил генерал-полковник.

— Дружище, у меня к тебе будет просьба. По нашим данным, русские начали по воздуху вывозить культурные и художественные ценности Ленинграда вглубь страны. Летают они по ночам.

— По ночам! — воскликнул генерал-полковник. — Уж не они ли подбили один мой бомбардировщик-«юнкерс» этой ночью?

Адмирал точно не знал. Тем не менее, дабы завести самодовольного генерала-летчика, уверенно ответил:

— По моим данным, именно они.

Генерал-полковник хмыкнул в трубку и очевидно выругался.

— Я бы хотел, — мягко-вкрадчиво продолжал адмирал, — чтобы истребители вашего доблестного люфтваффе ночами дежурили в восточном от Ленинграда направлении. Я думаю, этот вопрос находится в пределах вашей компетенции и мне не потребуется выходить на командующего группой «Север», генерал-фельдмаршала фон Лееба.

— Разумеется, адмирал. Мы изучим ваше предложение и примем нужное решение.

— Спасибо. Просьба не затягивать.

— Разумеется, адмирал...

— Подъем, лейтенант!

Сергеев проснулся под хорошо знакомую команду.

«Вроде спал, а вроде и не спал, — вяло подумал, повел плечами. — И усталость в организме не прошла».

Под потолком слабо горела лампочка. Капитан Максимов сидел за столом и разливал в кружки какой-то темный напиток. На столе стояла банка тушенки и ломоть хлеба.

— Не вижу энтузиазма, — бросил капитан.

Ермолай зевнул, взглянул на свои наручные часы, они показывали шесть утра.

— Вставай-вставай, лейтенант. Понимаю, устал. Но нас, брат, ждут дела государственной важности. Кстати, один фашистский бомбардировщик вы действительно сбили.

— Вот это прибавляет энтузиазма, — бросил Ермолай и медленно поднялся с кровати...

После завтрака Максимов и Сергеев на двух грузовых машинах направились в Эрмитаж...

Маньчжоу-го, город Синьцзин (ныне Чанчунь), штаб Квантунской армии...

Маньчжоу-го (или Маньчжурия), марионеточное государство (империя), образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией китайской территории Маньчжурии (существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года). В столице Маньчжоу-го, городе Синьцзине, находился штаб Квантунской армии, мощной миллионной группировки сухопутных войск Императорских вооруженных сил Японии в годы Второй мировой войны.

В кабинете генерала Янагиту, начальника Информационно-разведывательного управления (ИРУ), проходило служебное совещание. Присутствовали два офицера ИРУ, два офицера Диверсионно-разведывательного управления (ДРУ) Квантунской армии, казачий офицер белогвардейского атамана Семенова и германский военный атташе в Маньчжоу-го.

Только что германский военный атташе изложил разведывательную доктрину Германии в отношении СССР и привел некоторые фактические результаты. Он также предложил азиатским союзникам активизировать разведывательно-подрывную деятельность против Красной России, а также стратегических и жизненно-важных объектов страны. В частности, на Дальнем Востоке и в Сибири.

Присутствующие офицеры с должным пониманием отнеслись к предложению...

Оба грузовика подъехали к проходной аэродрома. Из деревянной будки вышла полная женщина в телогрейке и не спеша открыла шлагбаум. Машина с капитаном Максимовым выехала с территории аэродрома и... последовал взрыв. Взрыв произошел под правым передним колесом. Машина сразу завалилась на правый бок.

Следующая за ней машина с Сергеевым остановилась. Ермаков и водитель выскочили из машины и бросились к подорванной машине. Из ее кабины вылезал испуганный водитель. Подбежавшие Сергеев и его водитель помогли бедняге. Затем они стали вытаскивать окровавленного капитана Максимова. Капитан страшно ругался:

— Ведь говорил, дайте нормальную охрану... Дали блин... три бабы... Вот теперь под носом охраны диверсанты заложили мину...

— Как себя чувствуешь, капитан? — спросил Сергеев.

Максимов встал на землю и, вытирая ладонью руки окровавленное лицо, громко бросил:

— Ерунда. Разбитым стеклом порезался. Вот в голове стоит шум, наверное, легкая контузия.

— Надо в гос...

— Прекрати, Сергеев! Операцию мы срывать не имеем права. Садись в свою машину и направляйся в Эрмитаж. Начинай там погрузку и не болтай о взрыве. Я тут все разгребу и органирую вторую машину. Все должно идти по плану. Все, вперед.

— А ты?

— Вперед! Это приказ, лейтенант!..

Всю дорогу до Дворцовой площади Сергеев нервно раздумывал о взрыве.

«Как нагло действуют фашистские диверсанты! — возмущался и ругался. — Хорошо, что хоть машина была без груза с экспонатами. Хотя... нет гарантии, что взрывы не повторятся... Знают фашисты о нашей операции? Или нет?.. Если знают, то...».

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

Капитан Ильиных все же выбил из Шарова имя заказчика картины французского художника-импрессиониста. Правда, не имя и фамилию, а кличку — Негоциант.

«Негоциант!?! — ругнулся. — Черт-те что за погоняло!».

Капитан не поленился и полистал справочники, уточняя незнакомое ему слово. Не без удивления узнал, что негоциант — это торговец произведениями искусства.

«Похоже, это то, что мне надо», — радостно решил Ильиных.

Он проехал в городское управление НКВД и по базе имеющихся данных определил, что Негоциант — это Калиновский Федор Федорович. Калиновский работал экспертом в одном городском музее и являлся известным в городе коллекционером произведений искусств. Криминального прошлого за ним не числилось, и в целом он являлся положительной личностью. Коллекционером он стал по наследству...

«Мой кадр... Известный коллекционер?.. Наверняка у этого Калиновского имеются связи и покровители, — раздумывал капитан. — Как же мне поступить? На основании слов Шарова задержать Калиновского и давить, давить? А если он не сознается? Ведь барыжник Шаров мог и соврать? А Калиновский подключит свои связи?.. Или стоит пойти вторым, осторожным путем. Добиться у начальства разрешения на слежку за Калиновским и последить за этим типом, покопать?.. Опять же, — ругнулся, — время никак не ждет...».

Машина заехала во внутренний двор завешанного маскировочной сетью Зимнего дворца.

На входе уже знакомый однорукий охранник-милиционер с винтовкой за спиной внимательно проверил документы Сергеева.

— Пройдите в кабинет директора, — возвращая документы, зевая выдавал милиционер.

Сергеев кивнул и проследовал к кабинету директора. Вот и дверь кабинета.

— С нетерпением ждем вас, товарищ Сергеев, — поднимаюсь навстречу и пожимая руку, весело изрек Понаровский. — Какие у вас новости? А... извините, — показывая рукой на сидящего хмурого капитана милиции, добавил академик, — это наша охрана и опора, капитан Ильиных. Знакомьтесь, товарищи.

Капитан поднялся, пожал руку Ермолая.

— Лейтенант Сергеев.

Все разместились на стульях.

— С нетерпением слушаем вас, товарищ Сергеев, — вымолвил академик.

— Долетели без приключений. Груз разместили в театре оперы и балета, — вымолвил Ермолай. — Вам, Эльдар Иосифович, большой привет от директора, товарища Лектор. Она обещала хранить экспонаты достойно, соблюдая все необходимые параметры.

— Припоминаю эту серьезную даму. Спасибо, — улыбнулся академик, — это радует. Хоть что-то сейчас, в условиях войны, радует.

— Почему приехали на одной машине? — резко спросил капитан, буравя взглядом Сергеева.

«Судя по всему, неприятный тип, — подумал Ермолай. — Отвечу уклончиво», — вымолвил:

— Вторая подойдет позже. Вопросы к капитану Максимову.

— Пойдемте загружаться, товарищи. Ведь время не ждет, — поднимаясь, бросил академик.

Ильиных и Сергеев поднялись следом...

При погрузке Сергеев находился на грузовике. Он принимал и расставлял ящики и коробки с экспонатами, одновременно раздумывал о произошедшем взрыве...

Когда загрузка машины подходила к концу, подъехал крытый грузовик. Из кабины выскочил капитан Максимов. На лице его виднелись несколько свежих порезов, из-под фуражки выглядывал белый бинт.

Ермолай спрыгнул с машины и шагнул навстречу Максиму.

— Как вы, товарищ капитан?

— Со мной все нормально, показался врачам, повязку наложили, — бросил Максимов. — Саперы обследовали район взрыва. Диверсанты заложили немецкую противотранспортную мину нажимного действия Т.МИ.29. Вообще-то наша машина легко отделалась, последствия взрыва могли быть гораздо хуже. Я кое с кем поругался и пробил усиление охраны аэродрома. Надеюсь, этого более не повторится. Как у тебя дела?

— Все по плану, заканчиваем погрузку машины. Вы очень вовремя подъехали.

— Ну и добре...

Через три часа погрузка машин полностью закончилась. Максимов приказал сразу отправляться. На этот раз, сказав, что плохо себя чувствует, Понаровский с ними не поехал.

Грузовики медленно выехали с Дворцовой площади, набирая скорость, подъехали к перекрестку. Совершенно внезапно и громко раздалась автоматная очередь. Ехавшая первой машина с капитаном Максимовым резко прибавила скорости.

— Гони! — крикнул Сергеев водителю.

Их машина резко газанула, с улицы снова послышалась автоматная очередь...

Машина капитана Максимова остановилась у здания районного отдела милиции. Следом остановилась и машина с Сергеевым. Все вышли из кабин и стали рассматривать последствия обстрела.

Ермолай определил на деревянном кузове три следа от пуль и один след на капоте машины.

— Вот гады! — воскликнул после осмотра своей машины Максимов. — Обстреляли из подворотни! Десять пуль прошли брезент, а значит, и заделали картины! Хорошо, что хоть все живы остались. Я в отдел, сообщить начальству об обстреле, — и быстро прошел в здание.

Хмурый Максимов вышел через 15 минут. Дальше машины отправились в сопровождении милицейского мотоцикла с коляской, в которой находились двое вооруженных милиционеров...

Смольный, кабинет Первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б)...

Помощник сообщил Жданову, что на транспорт, перевозящий экспонаты Эрмитажа, в течение дня было совершено два нападения. Правда, без серьезных последствий.

— Почему такое стало возможным? — воскликнул партийный руководитель города. — Ведь могли пострадать мировые шедевры!? Что за дела? Опять наше русское разгильдяйство? — казалось, закипел от негодования. — Немедленно соедините меня с исполняющим обязанности начальника городского управления НКВД полковником Шадриным!

Минутой позже Жданов эмоционально высказывал по телефону свои неудовольствия милиционерскому полковнику.

Спокойно выслушав, Шадрин ответил:

— Товарищ Жданов, уникальный груз цел, люди тоже. По фактам взрыва и обстрела назначено расследование. Сообщаю также, что операцию проводят контрразведчики ГРУ.

— Причем здесь ГРУ? — воскликнул Жданов. — Да, они организуют и проводят операцию. Но за все преступления, произошедшие в городе, отвечаете вы!

— Совершенно верно, товарищ член Военсовета, но...

— Поэтому примите все меры, чтобы государственные ценности были доставлены в целостности и сохранности, — решительно перебил Жданов. — Свяжитесь с ГРУ и все отрегулируйте. Я отвечаю перед товарищем Сталиным за проведение операции. Получается, я должен ему сообщить, что из-за того, что два полковника не договорились между собой, уничтожены мировые художественные ценности? — тяжело задыхался.

Шадрин решил промолчать.

— Вам ясно, товарищ полковник?

— Ясно, товарищ член Военсовета...

— Действуйте! Все...

Грузовики подъехали к проходной аэродрома. Из будки вышел худой высоченный молодой парень в шинели, пилотке и винтовкой на плече. Он медленно, вразвалочку прошел к водителю грузовика и, как услышал Сергеев, вымолвил:

— Предъявите ваши документы.

В это время из будки вышел второй маленького роста охранник в очках.

Максимов вышел из машины и стал, размахивая руками и крича, что-то объяснять высоченному охраннику. Затем капитан прошел к мотоциклу, поблагодарил за помощь сопровождающих милиционеров. Мотоцикл развернулся и быстро удалился. Максимов прошел к своей машине. Оба грузовика проследовали на территорию аэродрома. А над ним стелился сизый туман...

Уже по отработанной схеме груз выгрузили из грузовиков и расставили в салоне самолета. Как оказалось после осмотра, в трех ящиках и двух коробках виднелись следы пуль.

— Пусть в Новосибирске все обследуют, если нужно, что-то реставрируют, — вымолвил Максимов.

— Да, конечно, — изрек Сергеев.

— Если туман не рассеется, взлететь не сможем, — рассматривая облака, бросил майор Теплов, командир корабля.

— Рассеется, — твердо заверил Максимов.

Грузовики убыли, летчики отправились отдыхать. Максимов организовал охрану самолета, выставив вооруженную винтовкой женщину. После этого капитан и Сергеев направились в аэровокзальное помещение. Ермолай испытывал ужасную усталость.

— Видал на проходной выделенное мне для охраны и обороны аэродрома подкрепление? — спросил капитан.

— Видал двух пацанов.

— Вот именно! Не бойцы, а пацаны-школьники, — зло бросил капитан, ругнулся. — Один из-за дистрофии не попал в военный призыв, другой — по зрению, — снова ругнулся.

В кабинете Максимов позвонил в Москву дежурному по ГРУ и доложил о положении дел в рамках проводимой операции. Затем они поужинали и стали отдыхать...

В 22 часа 30 минут Сергеев поднялся на борт самолета.

— Ну что, лейтенант, — закрывая входную дверь грузового салона, изрек Теплов, усмехнулся. — Махнем вдоль по Питерской, Питерской. Да на троечке, троечке!?! Погода вроде разгулялась.

— Махнем, товарищ майор, — в тон ответил Ермолай.

Самолет с бортовым номером 13, после короткого разбега, натужно гудя, взлетел. Сделав круг буквально над самым городом, он лег курсом на юго-восток.

Как и при первом полете, Сергеев в полной темноте занял сидячее местечко возле небольшого круглого иллюминатора.

Самолет набрал небольшую высоту и лег на курс, Ермолай решил подремать. Отдых перед полетом не снял с его организма огромную физическую усталость...

Парочка немецких истребителей-перехватчиков «Heinkel-100» проводила дежурный вылет в районе Ленинградского и Волховского фронтов. В их задачу входило обнаружение русских летательных аппаратов и их уничтожение.

Полетное время и запас горючего были на исходе. Барражируя на средних высотах, истребители наблюдали за полетными эшелонами русских самолетов. Очевидно, фашистским асам просто не повезло, за свою смену они ничего не обнаружили. Определенно мешала и облачность.

— Карл, уходим на базу, — передал по-немецки по связи старший группы и первым сделал вираж в западном направлении.

Его примеру последовал второй самолет.

В это время на низкой высоте в ночном небе на расстоянии примерно трех километров от немецкой парочки с выключенными габаритными и опознавательными огнями пробирался на восток советский транспортный самолет...

Сон никак не шел к Ермолаю. Тяготила и неудобная его полусидячая-полулежачая поза. Салон был плотно заставлен

коробками и ящиками, расположиться более удобно не представлялось возможным.

Ермолай снова и снова заставлял себя уснуть. В конце концов, это ему удалось сделать...

Ленинград, Комендантский аэродром...

Ночь, у аэродромовской проходной тишина. В окошке деревянной будки брезжит свет, вероятно, от керосиновой лампы.

К проходной подходит женщина в пальто и сумкой в руке. Прислушивается, оглядывается по сторонам. Стучит в окно. Из проходной доносятся некие звуки. Открывается дверь и выходит очень высокий и худой молодой человек в шинели, пилотке и с винтовкой на плече.

— Чего тебе, мать? — обзревая с высоты своего роста незнакомку, недовольно спрашивает.

Женщина слегка стушевалась, медленно изрекает:

— А здесь вчера женщина была.

— Еще раз спрашиваю, что вам?

— Я хотела немного погреться у вас в дежурке. У меня еда есть и выпивка, — улыбнувшись, вымолвила женщина. — И деньги у меня есть, — быстро сунула в карман шинели охранника пачку денежных купюр.

Вероятно, не зная, что делать, молодой охранник удивленно захлопал глазами.

Дверь будки отворилась, выглянул второй маленького роста охранник в очках.

— Давай, проваливай, гражданка, не положено тут, — строго изрек он и присовокупил несколько ругательств.

— Не положено, значит, не положено, — бросила женщина, развернулась и быстро исчезла в темноте.

— Она мне деньги сунула, — сказал высокий охранник.

— Ну и ладно, что-нибудь купим, — весело выдавил напарник. — Давай, заходи, жарчка стынет...

Глава 5

**Ленинград,
ул. Итальянская, д. 3, кв. 45...**

Сонет, резидент-нелегал разведывательного подразделения министерства иностранных дел Германии, квартировал в историческом центре города. По рабочей легенде он являлся мастером хлебокомбината по фамилии Иштутин. Работников этой сферы не призывали в армию и не направляли на строительство оборонительных сооружений вокруг города. Произведя денежный расчет со своим прямым начальником на комбинате, мастер Иштутин имел свободный график работы...

Разведчик получил из центра шифровку с приказом активизировать работу по выявлению и по возможности изъятию культурно-художественных ценностей России. Также было указание всячески препятствовать вывозу из города данных ценностей.

«Кому война, а кому... Наш рейхсминистр мечтает пополнить свою награбленную коллекцию», — усмехнулся агент.

Что касается выявления ценностей, то Сонет поступил просто. Из справочника города выписал адреса всех музеев и старинных усадеб, из каталогов — список ценностей. В отношении реализации второго и третьего указания разведчик серьезно задумался. У него была информация о подготовке ценностей в музеях, не вывезенных до блокады из города, к вывозу. Были сведения, на уровне слухов, о вывозе этих ценностей. Но все это требовало серьезного и детального уточнения. Также для работы нужны были люди и деньги...

Ермолай проснулся и увидел в иллюминатор затянутое облаками небо. Он взглянул на часы, они показывали восемь часов утра.

«Хорошо я поспал!» — подумал, поднялся, потянулся, немного размял кости.

Вчерашняя усталость в организме заметно ощущалась, да и настроение было неважное. Но аппетит явно прорезывался.

Осматривая крепеж груза, Сергеев боком немного прошел по салону. После этого постучал в дверь к летчикам.

Когда дверь отворилась, Ермолай изрек:

— Всех категорически приветствую. Где мы летим?

— Через час будет Свердловск, — ответил майор Теплов. — Будем дозаправляться.

— Понятно. Кипяточку мне для чая не выделите?

— О чем речь, лейтенант...

Москва, штаб-квартира ГРУ ГШ Красной армии, кабинет начальника...

Комиссар Голиков проводил оперативное совещание. Присутствовали: заместитель — полковник Селезнев и майор Истомин.

Только что майор доложил о реализации операции «Театр». Доклад оказался в благостных тонах.

— По-вашему, майор, все идет очень хорошо, — вскинул брови, строго вымолвил хозяин кабинета. — Ну, не считая мелочей, взрыва и обстрела в Ленинграде машин, перевозящих художественные ценности.

— Я полагаю, это не мелочи. На лицо явная недоработка наших людей, — вставил полковник.

— Согласен, — изрек комиссар. — Если агентура фашистов в курсе о вывозе художественных ценностей Эрмитажа, вывозе по воздуху, то надо ждать серьезных диверсий.

— Совершенно верно, — поддержал полковник.

— А ты, Николай Максимович, в курсе, — продолжал комиссар, — что фашисты организовали ночное патрулирование силами авиации зоны восточнее Ленинградского фронта? Я полагаю, что это не случайно. Надо подумать и о нашей воздушной тактике.

Майор согласно кивал.

— Фактически операция на грани провала. Считаю, майору Истомину необходимо срочно отправиться в Ленинград, — вставил полковник. — Именно срочно и конечно воздушным путем, дабы проверить его. Там, на месте, и разобраться в неудачах.

Раздумывая, комиссар взял стоявший на столе стакан в подстаканнике и сделал пару глотков.

— Полностью согласен, — вымолвил через некоторое время комиссар. — Время не ждет, срочно вылетай, Истомин...

Ермолай достал свои продуктовые запасы и плотно, с аппетитом, покушал.

Самолет приземлился в Свердловском аэропорту «Кольцово». Заправка топливом заняла два с небольшим часа. Сергеев это время разминался, бродил возле самолета и дышал свежим воздухом.

После этого их самолет поднялся в небо и взял курс на восток...

Полет до Новосибирска прошел спокойно. Ермолай немного пободрился, поглядывая в иллюминатор, немного походил, вернее, попротискивался боком, по салону. Конечно, немного и поспал.

Успел сделать и физическую разминку, и немного почитать стихи Есенина...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

Капитан Ильиных получил строгий нагоняй от исполняющего обязанности начальника городского управления НКВД, полковника Шадрина. Капитан пытался оправдаться тем, что обстрел машин с ценностями Эрмитажа произошел в городской черте, в пятистах метрах от музея. Но тем самым еще больше

разозлил полковника и заставил использовать его ненормативную лексику.

— Работайте плотнее с территориальными органами милиции, — раздраженно кричал в телефонную трубку Шадрин. — Еще один случай, и я лишу тебя звания и отправлю на фронт в дисциплинарный батальон! — далее следовала нецензурная брань. — И разберитесь там с подопечными и подчиненными. Я не исключаю, что утечка информации о вывозе ценностей могла пойти от вас, капитан! Ведь враги определенно ждали машины с ценностями!

— У нас все кадры проверены...

— Проверьте еще раз всех! — оборвал полковник. — Не забывайте, что война меняет людей! И меняет сильно. Должны, должны быть какие-то зацепки.

— Дайте указание, чтобы ближайшее 21-е отделение милиции активнее сотрудничало со мной.

— Дам...

Ильиных тяжело задумался. В данный момент в Эрмитаже работало где-то 800 сотрудников. Это примерно вдвое меньше, чем до войны, и тем не менее, цифра внушительная.

«Всех перепроверить! — воскликнул капитан. — Не имея ни заместителя, ни помощника!..».

Сейчас ему было явно не до тонкой игры с коллекционером Негоциантом...

В Новосибирском аэропорту «Толмачево» встретил знакомый серьезный майор Апальков. Ждали и два грузовика с бойцами.

Оперативно приступили к выгрузке груза из самолета и погрузке на машины.

Закончив погрузку, майор сел в кабину одного грузовика, Сергеев — другого. Машины медленно тронулись в путь.

Снова, как и в первый приезд, Сергеев всю дорогу от аэропорта до города, да и в самом городе с интересом смотрел в окно...

В Новосибирске машины затормозили у большого серого здания с огромным куполом вверху. Ермолай еще раз полюбовался архитектурным чудом.

Апальков и Сергеев вошли в здание, прошли в кабинет директора театра.

— Здравствуйте, мои дорогие! — широко улыбаясь, воскликнула Лектор. — Как там Ленинград?

— Здравствуйте. Героически держится город Ленина, — улыбнувшись, ответил Ермолай.

— Молодцы...

— У нас ограничено время, — строго вымолвил майор.

— Понимаю, — став серьезной, бросила Лектор. — Следуйте за мной, товарищи...

Выгрузка пошла по отработанной схеме.

В ходе ее Сергеев тихо сообщил директору:

— В ходе перевозки ценностей этой партии по Ленинграду машины были обстреляны. Вероятно, пострадали и несколько картин...

— Я вас поняла, — перебила Лектор. — Мы все обследуем, а наши эксперты-реставраторы постараются все восстановить. К нам, кстати, недавно прибыл известный реставратор из Третьяковской галереи. Так что, не беспокойтесь, мы сделаем все возможное.

После окончания выгрузки директор предложила поужинать. Майор Апальков взглянул на часы и выдавил:

— Недолго можно.

Работники театра быстро накрыли стол. Кроме майора, Сергеева, директора Лектор, присутствовал начальник охраны, мужчина с лопатообразной бородой и по фамилии Борода. Как водится, выпили за победу. Лектор стала задавать вопросы Сергееву о жизни в Ленинграде. Ермолай отвечал кратко и обтекаемо...

Внезапно послышался звон разбитого стекла. В помещении что-то влетело, и почти моментально вспыхнул яркий огонь...

**Ленинград,
Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...**

После задержания Шара, Калиновский (Негоциант) стал редко выходить из квартиры. Продовольствия и спиртного он запас много, нужды ходить по магазинам и рынкам не было. Установленные для горожан продпайки ходил и получал родственник Василий. Он же приносил и дровишки. Ведь отопление в городе отключили, и они согревались топкой камина. Работы в качестве эксперта, по сути, не было. Оставшиеся в городе люди сейчас думали совсем о другом...

Неожиданно в гости пришел грузный и представительный Пехоев (известный в определенных кругах как Герцог) с портфелем в руке. Прилично одетый, благоухающий хорошим одеколоном.

— Как-то пропал ты, Федор Федорович, — зычно, по-хозяйски изрек гость. — Нигде не появляешься.

— Неважно себя чувствую, Феликс Артурович, — соврал Калиновский, кашлянул для видимости.

Он ничего хорошего от такого внезапного визита начальника-барина не ждал.

Мужчины расположились за столом в комнате с камином. Гость открыл портфель, вальяжно выставил дефициты: бутылку коньяка, пачку галет, лимон, две банки сгущенного молока и дюжину шоколадных конфет. Пехоев работал заместителем директора Бадаевских складов и был уважаемым и известным человеком в городе. После пожаров на складах директор был осужден на 10 лет, сели и еще трое ответственных работников. А вот Пехоев остался при должности, поговаривали о его больших связях.

Хозяин поставил рюмки, открыл бутылку, разлил.

— За встречу и здоровье, — улыбаясь, предложил пост гость.

«Непрошибаемый. Ни война, ни блокада его не берет, — подумал Калиновский. — Наверное, даже и при немцах в городе он будет спокойно жить, пить, жрать, коллекционировать...».

Мужчины выпили, немного закусили.

«Зачем он пришел, — нервно раздумывал хозяин. — Ведь явно не просто так...».

— Как мой заказ? — спросил гость.

— Пока никак.

— Да ты что, Федор! — удивленно изрек гость. — Сейчас крутом бардак и разруха, бери, что хочешь! А уж за деньги, тем более!

«Вот сам бы и брал! — зло воскликнул хозяин. — Нет, норovit чужими руками!».

Но ссориться сейчас с Пеховым ему было нерезонно, если не сказать даже опасно. Поэтому Калиновский, сжав зубы, взял себя в руки и осторожно вымолвил:

— Зарядил я одного барыгу, а он погорел в Эрмитаже. Если что, поможете, Феликс Артурович?

Гость удивленно взглянул на хозяина.

— Вообще детали меня не касаются, но помочь по старой дружбе — конечно помогу. Не бесплатно, конечно.

«Врет куркуль! Не моргнув глазом, сдаст с потрохами! — почему-то неприязненно подумал Негоциант. — А за свою помощь еще три шкуры сдерет!».

— Тот заказ остается за тобой, — продолжал Герцог. — Но у меня есть и новый заказ, — и раскрыл портфель.

Достал лист бумаги и три пачки советских сотенных рублей. Все это сдвинул в сторону хозяина. Строго вымолвил:

— Так вот, Негоциант. Даю наводку на два адреса, там живут старики, и у них есть отменные картины, настоящие шедевры. На листе они расписаны, чинно и спокойно купишь у них эти картины за деньги. Ну и передашь мне, — кивнул на пачки. — Там и тебе хватит, — хохотнул. — Работай чисто, люди сейчас за деньги и продукты — себя продадут, — снова хохотнул, хохотнул крайне неприятно.

«Продадут? А если не согласятся? Опять афера!? — воскликнул Негоциант. — Подставит он меня!».

— Наливай, — весело бросил гость. — Выпьем за успех наших дел.

Разливая, Негоциант бросил взгляд на лист. Против каждой фамилии стоял список примерно из двадцати картин.

«Хороший аппетит у него!» — подумал, бросил:

— Мне транспорт потребуется.

— Проведи разведку, подготовься. А пойдешь на дело, позвонишь. Я выделю тебе свой ГАЗон, он сразу и картины заберет. Давай чокнемся что ли за удачу, только не тяни с этим.

Мужчины чокнулись рюмками и выпили, поговорили немало на отвлеченные темы. Вскоре Герцог ушел...

На какое-то мгновение Сергеев оцепенел, как и все присутствующие.

— Все быстро из помещения! — раздался крик Апалькова. — Борода, быстро организуйте тушение пожара! Быстро, бегом!

Этот крик привел всех в движение. Четверо человек, находившихся в помещении, выскочили в коридор. Борода стал кому-то что-то кричать, в его руке появился огнетушитель. Он и еще двое прибежавших мужчин прошли в горящее помещение.

Апальков и следом Сергеев побежали на улицу. Они увидели, как толпа людей удерживала какого-то мужчину. Раздавались крики:

— Диверсант!

— Поджигатель...

При этом задержанного беднягу били.

Апальков и Сергеев подбежали к толпе. Майор вытащил пистолет и выстрелил в воздух.

— Всем разойтись! Диверсанта оставить в покое! — крикнул майор и тише добавил. — Сергеев, возьми его.

Люди медленно стали расходиться. Ермолай крепко схватил избитого мужчину...

Кенигсберг, штаб-квартира Абвера в Восточной Пруссии, кабинет начальника...

Адмирал Канарис с явным удовольствием читал донесение ленинградского резидента Пэна. Его агенты-боевики устроили взрыв и обстрел машин, перевозивших музейные экспонаты.

Хозяин кабинета прошел к окну и вслух повторил слова из донесения:

– Ценностям нанесен существенный урон, несколько из них уничтожены полностью.

Адмирал понимал, что объективно оценить урон Пэн не мог и наверняка приукрасил ситуацию. И, тем не менее, это явно успех, русские как минимум приостановят вывоз.

Для полного решения поставленных задач Пэн предлагал внедрить в Ленинград значительные диверсионные формирования, например, батальон Абвера «Бергман».

О тяжелом положении в осажденном Ленинграде Канарис получал и сообщения из разведцентра службы из Стокгольма. Вот только доблестный люфтваффе ничем не может похвастаться...

Все это требовало отдельного и специального осмысления. Между тем, адмирал изрядно вымотался за последние дни. Недавно он посетил разведцентры службы в Лиссабоне, Берне и Анкаре. Везде были свои успехи и неудачи. Были и предательства...

Канарис прошел к радиоприемнику, нажал на одну кнопку, затем на вторую. Послышалась мелодия из раннего музыкального произведения Рихарда Вагнера, романтической оперы «Die Feen».

Адмирал прошел к рабочему столу, развалился в кресле. События на Восточном фронте развивались не так уж плохо. Но полного удовлетворения от работы адмирал не испытывал. Ведь первоначальный «План Барбаросса» окончательно срывался. Канарис все ближе подходил к пониманию, насколько неправильным было представление немецкого руководства и его самого о силе и резервах Красной армии...

В помещении находятся четверо мужчин. Трое из них стоят: Апальков, Сергеев и Борода. Четвертый мужчина с окровавленным лицом и связанными руками сидел на стуле.

– Кто тебя направил – немцы? Японцы? – кричит майор.

Сидящий мужчина сжимается в комок, испуганно вертит головой, что-то нечленораздельно говорит.

— Ты тут дурака не валяй, этот номер не пройдет, — эмоционально давит майор. — Ну, тварь! Ты сам сделал жидкостную зажигательную гранату?

Сидящий мужчина отрицательно кивает, моргает, что-то мямлит.

— Не ты. Тогда кто тебе дал жидкостную зажигательную гранату? — спрашивает майор.

— Чего? — заикаясь и косясь, спрашивает сидящий мужчина.

— Кто тебе передал «Коктейль Молотова»? Ну, бутылку с зажигательной смесью? — спросил более доходчиво Борода.

— А, это? Ну, друг Ваньша и передал.

— Он сказал, куда бросить бутылку? — спросил Сергеев.

— Ну.

— Как его фамилия?

— Так, это... Удачин он...

— Где он живет? — рывкнул майор.

Сидящий мужчина испуганно вертит головой.

— Он недавно из Китая приехал.

— Где он сейчас, тупица? — кричит майор.

— Снова в Китай уехал.

Стоящая вокруг троица хмуρο переглянулась.

— Я эту тупую гниду забираю с собой, — обращаясь к Бороде, бросает Апальков.

Отводит в сторону Сергеева и тихо говорит:

— Сейчас на машине — живо на аэродром, и сразу вылетайте по своему маршруту. Про взрыв в театре держи язык за зубами, — протягивает для рукопожатия руку. — Иначе всем мало не покажется. Я потом сам доложу, когда во всем разберусь, — кивает головой на задержанного, — и с этим, и с друзьями его тоже. Последствия пожара мы оперативно ликвидируем.

Ермолай кивает, жмет руку майора и поспешно направляется на выход...

Где-то через час задумчивый Сергеев поднялся на борт самолета. Мысли крутились вокруг взрыва в театре.

Из кабины летчиков вышел майор Теплов.

— Ну что, лейтенант, летим? — весело спросил командир самолета.

— Летим.

Майор прошел по салону к двери, закрыл ее, вернулся к кабине. На ходу бросил:

— Что-то хмурый ты, Сергеев. Случилось что?

«Рассказывать о диверсии в театре летчику не стоит», — решил Ермолай, выдал:

— Просто устал немного.

— Да уж, достается нам. Ничего, сейчас выпишься, восстановишься, — изрек майор и прошел в свою кабину.

В пустом мрачноватом салоне Ермолай не спеша соорудил небольшую лежанку и завалился на нее. Перед глазами четко стояло полыхающее помещение театра...

«Если бы мы замешкались, — подумал. — Пожар мог быстро охватить другие помещения и даже все здание! Могли и сгореть все и всё, что находилось в здании! Экспонаты музеев, картины... да само уникальное здание... Молодец майор Апальков...».

Тем временем, самолет уверенно набирал высоту...

Глава 6

Ермолай спал почти пять часов.

Встал в бодром настроении, организм вовсе не хандрил. События в театре как-то сами по себе отошли на второй план. Мысли снова вернулись к выполняемому заданию...

После хорошей физической разминки стало еще лучше, прорезался и зверский аппетит.

Ермолай достал свои продовольственные запасы и хорошо так перекусил. Затем еще подремал...

Ленинград, музей Эрмитаж, кабинет директора...

В помещении находились академик Понаровский и начальник отделения милиции, капитан Ильиных. Расположившись за овальным столом заседаний, они ждали важного гостя.

Вот в дверь постучали. Вошел высокий пожилой мужчина в пальто, в очках и с небольшой бородкой. В руке он держал фанерный плоский чемодан-портфель серого цвета. И держал его определенно с большими физическими усилиями.

— Здравствуйте, товарищи, — вымолвил мужчина простуженным голосом. — Я профессор Диких, ректор горного института, — поставил на пол чемодан и тяжело выдохнул.

Понаровский и Ильиных поднялись, прошли к гостю, представились и пожали руку профессору.

— Пожалуйста, проходите, — предложил хозяин кабинета.

— Спасибо, — ответил профессор, взял чемодан и прошел к столу.

— Как поживает ваш легендарный институт? — спросил академик.

— Неважно. За последнюю неделю нас дважды бомбили, — ответил гость и с усилием положил чемодан на стол.

Выдохнул и вымолвил:

— Представляю вам, товарищи, гордость института, да и гордость всей страны — коллекцию золотых и платиновых самородков России. Со времен Петра Великого собирали, ни в одной стране мира такой нет. Десять самых уникальных самородков весом в 20 килограмм чистого природного золота и платины. Самый крупный самородок — почти 4 килограмма, самый мелкий — весом 790 грамм. Разную мелочевку мы оставили у себя, а вот большие самородки, природные уникамы, мы полагаем, надо вывезти из города. У нас в институте уже была попытка их украсть, опять же фашистские бомбежки.

— Передать нам самородки — это правильное решение, — вымолвил академик.

— Кто в курсе, что вы лучшие самородки доставили в Эрмитаж? — строго спросил капитан.

— Только я и мой заместитель Екатериничев, — ответил профессор. — Он сам и чемодан для транспортировки мастерил. Вы не смотрите, что он из фанеры, он очень прочный...

На дозаправку топливом в Свердловском аэропорту самолет приземлился утром.

Сергеев спустился на землю и... увидел серьезного майора Истомина.

Ермолай обрадовался, широко улыбнулся. Сразу шагнул навстречу и весело изрек:

— Здравствуйте, Николай Максимович. Какая неожиданная и приятная встреча!

Майор вяло улыбнулся, бросил:

— Здравствуй, Ермолай, — протянул для рукопожатия руку.

Всматриваясь в уставшее и похудевшее лицо майора, Ермолай спросил:

— Что-то случилось? Вы плохо выглядите.

Истомин хотел сказать что-то резкое. Но... очевидно, взяв себя в руки, спокойно вымолвил:

— Нет, ничего такого особенного не случилось, просто идет смертельная война. Пойдем, друг ты мой, в здание вокзала, перекусим в кафе, поговорим, обсудим...

Новосибирск, военная комендатура...

В помещении находились двое мужчин: майор в военной форме и мужчина с окровавленным лицом и в окровавленной и порванной одежде. Это сердитый, если не сказать взбешенный, майор Апальков допрашивает диверсанта, бросившего «Коктейль Молотова» в здание театра.

— ...Говори, гнида, кто тебя направил взрывать театр? — кричит майор и без замаха бьет в живот стоящего у стены мужчину.

Бедняга сгибается, тяжело дышит и выдавливает:

— Я сказал, что это Ваньша...

— Ведь забью до смерти, если не скажешь правду! — кричит майор. — Говори, сволочь! Страна воюет, а ты!? — грязно ругается.

На лице допрашиваемого слезы и сопли.

— Я правду говорю...

Полчаса спустя...

Майор Апальков докладывает по телефону в Москву.

— ...товарищ комиссар, мы примем все меры, чтобы найти этого Ивана Удачина. По нашей картотеке он не проходит, у нас нет на него никаких данных. Я сделаю срочные запросы...

Майор с серьезным выражением лица внимательно слушает абонента. Отвечает:

— Есть.

Снова слушает.

Затем бодро отвечает:

— Есть принять меры к усилению охраны театра...

— Какое положение на фронтах? — спросил Ермолай. — А то я мотаюсь на самолете туда-сюда, толком ничего не знаю.

Они с майором Истоминым располагались за столом у окна в кафе и кушали макароны с рыбой.

— Положение плохое для нас. Фашисты давят по всем фронтам, Красная армия несет большие потери в живой силе и технике. В тылу действуют диверсанты и всякие подрывные элементы. Наша оборонная промышленность полностью еще не перестроилась на военный лад и не может в полной мере обеспечить потребности армии. Несмотря на это, мы верим в победу и должны сделать для этого все, что в наших силах.

Ермолай согласно кивнул.

— Я в курсе всего, что произошло с тобой во время проводимой операции в Ленинграде и Новосибирске, — продолжал майор. — Из Свердловска мы полетим вместе.

Сергеев делает удивленное выражение лица.

— В Ленинград, вместе?

— Да, брат. Так что успеем наговориться. А сейчас давай, Ермолай, кушай, кушай, дорогой. Силы нам еще как пригодятся...

В это время находящийся за угловым столом мужчина в черной форме железнодорожника внимательно всматривался в парочку военных, сидящих за столиком у окна. Военные, судя по петлицам, — майор и лейтенант, кушали и разговаривали. Железнодорожник особенно внимательно рассматривал молодого лейтенанта. Этот молодой человек явно кого-то ему напоминал.

Железнодорожник определенно не хотел, чтобы его заметили эти двое военных. Он периодически закрывался газетой, делая вид, что читает. Пил компот, отворачивался в сторону...

Вот военные, закончив трапезу, поднялись из-за стола и покинули помещение. Через две-три секунды следом на некотором расстоянии от них направился и сосредоточенный железнодорожник...

После завтрака Истомин и Сергеев прошли к военному коменданту.

С разрешения майора, Ермолай позвонил в свое хранилище на Урал и кратко пообщался с заместителем Молевой. Затем написал совсем коротенькое письмо маме...

Ермолай взглянул на часы. Обычно в это время самолет уже вылетал из Свердловска, дабы в разгар ночи преодолеть прифронтовую полосу перед посадкой в Ленинграде. Но Истомин определенно никуда не спешил.

— Николай Максимович, нам уже пора вылетать, — поглядывая на свои часы, изрек Сергеев.

— Успеем, друг.

— Но...

— Мы решили поменять время прилета в Ленинград. Мы прилетаем в город в дневное время.

Ермолай неопределенно пожал плечами.

— Делается это, дабы слегка запутать фашистов, — улыбнувшись, добавил майор.

«Запутать», — задумчиво повторил Ермолай...

В салоне самолета Сергеев сделал два импровизированных сидяче-лежачих места для себя и майора. Самолет легко взмыл в небо и быстро набрал высоту.

Ермолай давно хотел задать один вопрос майору, но все не решался.

— Знаю, хочешь спросить меня о своей подруге, Миле Малининой, — всматриваясь в лицо Сергеева, улыбнувшись, вымолвил Истомин.

— Да, спасибо, — смущаясь, выдавил Ермолай. — Подруга она мне или не подруга — я точно не знаю. Честно говоря, что-то мне в ней нравится, что-то нет. Тем не менее, было бы интересно узнать, как там она поживает?

— Специально для тебя, друг, навел справки. Так вот, слушай. Она работает медсестрой во втором эвакогоспитале, дислоцированном в данный момент в Ярославле. По слухам, есть у нее поклонник, капитан-медик, хирург из госпиталя.

— Спасибо.

— Вот закончим операцию, ты получишь отпуск и, разумеется, можешь навестить ее. Попытаться...

— Спасибо, — решительно, снова автоматически вымолвил Ермолай.

— Что ты все спасибо, да спасибо?

— А что? У нее своя жизнь, у меня своя.

Истомин потрепал волосы Ермолая.

— Смотри сам, друг, давай лучше подремлем.

Спрашивать о бывшей подруге Ирине, в настоящее время жене Истомина, Сергеев не решился...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

В своем кабинете генерал Янагиту, начальник Информационно-разведывательного управления (ИРУ) Квантунской армии работал со служебными документами. Он рассматривал поступившие в ИРУ донесения о разведывательно-подрывной деятельности против России на Дальнем Востоке и в Сибири.

Начальник Диверсионно-разведывательное управление (ДРУ) Квантунской армии прислал обширное сообщение-разглагольствование с минимальным количеством реальных фактов. Зато Дальневосточный союз казаков атамана Семенова прислал послание с двумя десятками диверсионных актов. Генерал не доверял такого рода хвалебным докладом. Он достал данные своих агентов и стал их сравнивать с данными атамана.

В итоге, как он и предполагал, большая часть терактов подчиненных Семенова оказались чистой «липой». Янагиту обратил внимание на теракт в Новосибирском театре оперы и балета. Генерал читал в одной газете, что русские построили огромный уникальный театр. И вот боевики атамана, судя по донесению, уничтожили несколько помещений в театре с некими ценностями. Информацию о диверсии и взрыве в театре также подтвердил и его агент.

— Зачем уничтожать такое здание!?! — воскликнул генерал. — После завоевания Сибири (в чем он абсолютно не сомневался) оно послужит империи Великой Японии! Какие там могли находиться ценности?

Он вызвал адъютанта и приказал направить депешу, чтобы атаман прокомментировал мотивы нападения на театр. Одновременно генерал поставил задачу своему агенту навести подробные справки о Новосибирском театре...

За Ярославлем к их самолету присоединились два наших шустрых ястребка «Як-9».

— Не удивляйся, друг, — видя, как прилип к иллюминатору Сергеев, вымолвил Истомин. — Теперь самолет с грузом будут сопровождать наши истребители. Так будет надежнее.

— Будем летать в дневное время и при сопровождении? — изрек Ермолай. — Но так мы будем привлекать внимание фашистов.

— Сделаем несколько рейсов, пока немцы не разберутся, потому что-нибудь придумаем другое.

«Фашисты знают о нашей операции?» — невесело воскликнул Ермолай и спросил:

— А они точно знают, что мы перевозим культурные ценности?

— Знают, брат.

— Но как, Николай Максимович? Ведь об операции знает узкий круг людей!?

Истомин тяжело вздохнул.

— У Абвера сильная агентурная сеть, в том числе и в блокаде Ленинграде. Не исключаю, что непосредственно и в Эрмитаже. Я, друг Ермолай, для нейтрализации фашистской сети и лечу с тобой.

— Получается и в Новосибирске не случайно некий тип бросил «Коктейль Молотова» в здание театра!?! — бросил Ермолай.

— Уверен, не случайно.

Сергеев тяжело задумался...

В окно иллюминатора Ермолай пытался увидеть линию фронта, но облачность не позволила ему это сделать.

Самолет приземлился на знакомый Сергееву Комендантский аэродром. Он и Истомин спустились на землю. Их встретил худой высоченный молодой парень в шинели, пилотке и с винтовкой на плече.

— Здравия желаю, товарищи офицеры, — строго вымолвил боец. — Пожалуйста, предъявите свои документы.

— Ты что, воин, белены объелся! — недовольно бросил Истомин. — Не видишь, что мы — офицеры, прилетели с Большой земли.

— Капитан Максимов приказал у всех прибывающих на аэродром проверять документы.

— Ты что, не узнаешь меня, боец? — воскликнул Сергеев. — Веди лучше нас, боец, к капитану Максимову, — и направился к небольшому аэродромному деревянному помещению.

За ним последовал Истомин и боец...

Ленинград, 15-я линия Васильевского острова...

Калиновский (Негоциант) аккуратно упаковывал картины, вернее, заворачивал их в принесенные с собой простыни. Уже упакованные картины уносил в машину водитель Герцога.

Невдалеке за столом сидел старик, хозяин квартиры и картин, правда, уже бывших своих картин. Он уже, наверное, в третий раз, подслеповато щурясь и бубня себе под нос, пересчитывал полученные от Калиновского деньги за картины.

Калиновский был не совсем доволен сделкой, упрямый старикашка согласился продать только половину картин из списка Герцога. Правда, за 3 часа переговоров Калиновскому, наводя страхи на старика, удалось хорошо сбить цену картин, картин действительно ценных. Наводка у Герцога была очень даже правильная. Радовало то, что, сбив цену, Калиновский часть денег Герцога, предназначенных на картины, оставит себе.

«Хитер все же Герцог, — невесело раздумывал Калиновский. — Все блин... просчитал. И меня самого, и беднягу старикашку с картинами, и военное время...».

Сергеев и Истомин вошли в кабинет и увидели ходящего по помещению взъерошенного капитана Максимова. Невдалеке — сидящую на стуле растрепанную, плачущую женщину.

Максимов строго взглянул на вошедших офицеров, бросил: — Здравствуйте, товарищи Сергеев и Истомин. С прибытием, — и махнул рукой стоящему в дверях высоченному худому бойцу.

Сергеев и Истомин поздоровались, боец удалился и закрыл дверь. Внезапно женщина жалобно запела:

*Серая косынка,
Телогрейка черная,
Кирзовые сапоги,
Матушка моя Русь...*

— А ну прекрати давить на психику! — прикрикнул на нее капитан.

Женщина прекратила пение.

— Представляете, — решительно продолжил капитан, — оказывается, в день, когда Сергеев первый раз вылетел с грузом на Большую землю, на КПП аэродрома приходила незнакомая женщина. И этот боец Мордвинова, — кивнул на плачущую женщину, — пила с ней и закусывала на дармовщинку. А также вела разговоры об аэродроме и полетах с него. Каково? — тихо что-то прошептал. — Что с ней будем делать, товарищ майор?

— Она это сама вам сообщила, о незнакомой женщине? — спросил Истомин.

— Нет. Это выяснилось, когда я стал проводить оперативные действия по предупреждению утечки служебной информации. То есть, проводить опрос боевого охранения.

— Боец Мордвинова хоть раскаивается в содеянном? — снова спросил Истомин.

— Раскаивается, — ответил капитан. — И обещает более так не поступать.

— Так не поступать!?! — воскликнул Истомин. — Этого мало, дорогой боец Мордвинова. Нужно будет попытаться приходившую незнакомую женщину задержать...

— Я готова сделать все для этого, — вставая, выкрикнула женщина. — Если она появится...

— Хорошо, — перебивая, строго вымолвил Истомин. — Мы вам поверим. Пока идите и несите службу.

Женщина быстро покинула помещение...

Берлин, штаб-квартира Абвера, кабинет начальника...

Адъютант Канариса, обер-лейтенант Рар, доставил шифровку из России. Адмирал внимательно прочитал и вымолвил:

— Нашелся русский Хранитель, Сергеев, и нашелся на Урале, — усмехнулся. — Что же, все правильно, именно там Сталин прячет свои золотые запасы. Которые, кстати, Хранитель и вывозил. Правда, по сообщению агента Яннис, русский куда-то улетел на самолете.

На какое-то время хозяин кабинета задумался.

Вскоре тихо для себя вымолвил:

— Хранитель вернется, обязательно вернется на Урал.

Затем решительно отдал приказание адъютанту:

— Генрих, подготовьте и отправьте шифровку для агента Яннис. Выследить и уничтожить Хранителя-Сергеева.

— Есть.

Рар щелкнул каблучками. Лихо развернулся и, чеканя шаг, направился к выходу...

— Я получил шифровку о вашем прилете, — сказал капитан Максимов. — Чем будем заниматься сейчас?

— Для начала давайте перекусим, — улыбнувшись, предложил Истомин.

— Дельное предложение. Мне нужно пять минут на подготовку стола, — изрек капитан.

— За едой вы, капитан, — уже строго продолжал майор, — введите меня в курс ленинградской части операции «Театр».

— А Сергеев имеет полный допуск к операции?

— Он имеет полный допуск...

На обед и общение по служебным делам ушло часа полтора.

— Когда по новому графику мы должны быть с транспортом в Эрмитаже? — выходя из-за стола, спросил Истомин.

— В 23 часа, — поднимаясь, ответил Максимов.

— Сейчас 16 часов, — взглянув на часы, вымолвил Истомин. — Машина у вас свободная есть, капитан?

— Легковой ГАЗон с водителем стоит у КПП, — ответил Максимов.

— Отлично. Я сейчас по своим городским делам. Не хочешь со мной, Сергеев?

«Торчать на аэродроме? — подумал Ермолай. — Уж лучше покататься по городу» — и ответил:

— Я с вами, товарищ майор.

— Тогда на выход, лейтенант...

Новосибирск, театр оперы и балета...

У центрального входа в здание стоят две женщины в военной форме и с винтовками на плече. Входящие и выходящие люди предъявляют охранникам картонный пропуск. Служивые внимательно рассматривают предоставляемые документы.

Невдалеке от входа стоит одноногий мужчина с костылем. Из-под глубоко нахлобученной шапки он смотрит на театр.

Вот из здания театра выходит полный и важный мужчина в тулупе и медвежьей шапке. Тяжело дыша, на ходу закуривает и следует дальше.

— Дружище! — обращается к нему одноногий мужчина с костылем. — Не будет у тебя закурить для бывшего фронтовика, раненного в 1939 году при Халхин-Голе пулей японского милитариста?

Полный мужчина осматривается по сторонам. Быстро подходит к одноному, сует папирсину.

— А что так строго стало в театре? — беря папиросу, спрашивает одноногий мужчина. — Раньше я туда свободно заходил погреться, в туалет. А сейчас не пускают, вооруженная охрана.

— Не знаю точно, — изрекает полный мужчина, нервно озирается по сторонам и говорит тише. — Болтают, что для Сталина запасную ставку делают. Вот.

— Да ну!? — восклицает одноногий. — Неужели наши отступить за Урал будут!? Не верю!? Не верю...

— Я тоже не верю, но болтают всякое. Извини, я спешу.

— Понимаю, дружище...

С заднего сидения легкового ГАЗона Сергеев смотрел на любимый город и не узнавал его.

— Как сильно изменился город, — изрек сидящий рядом с водителем Истомирин.

— Да, просто не узнать, — хмуро подтвердил Ермолай.

— Я выйду на улице Гороховой и пройду к своим коллегам, — вымолвил майор. — А ты куда отчалишь?

«Может, мне тоже к своим коллегам рвануть?» — подумал Ермолай и ответил:

— Я могу проехать на Фонтанку к своим банковским коллегам. А вы меня на обратной дороге заберете.

— Хорошо, — сказал майор и что-то поискал под сидением машины.

Затем повернулся к Сергееву и передал небольшой пакет.

— Что это? — спросил Ермолай.

— В городе проблемы с продуктами. В пакет я положил кое-что из продуктов и четвертинку водки. Ведь ты как-никак с Большой земли, должен держать форс. С коллегами выпьете за встречу, закусите. Передай от меня привет Ковалю.

«Какой он башковитый», — подумал Ермолай, бросил:

— Спасибо, Николай Максимович...

Глава 7

Хмурой и какой-то серой показалась Ермолаю река Фонтанка. Да и родное здание ленинградской конторы Госбанка, внешне вовсе не пострадавшее от бомбежек, показалось каким-то чужим и незнакомым. Правда, в самом здании внешне мало что изменилось, тот же вестибюль, та же красивая лестница с ажурными перилами. Впрочем, есть и изменения. Лежат какие-то мешки в проходе, стоят ведра, лопаты, ломы, бочки с водой...

Сергеев прошел к кабинету управляющего конторой. Секретарши в приемной не оказалось. Он тихо вошел в большое помещение со старинной мебелью и огромными напольными часами. В кресле за рабочим столом в неизменном видавшем виды сером костюме и очках сидел управляющий Коваль. Он что-то быстро писал.

«Волос совсем не осталось у старика, похудел», — прикинул Сергеев и громко произнес:

— Здравствуйте, Илья Исаевич, — шагнул к рабочему столу хозяина кабинета.

Коваль оторвался от писанины, вопросительно-недовольно взглянул на вошедшего военного в шинели.

— Вам что, товарищ?

— Илья Исаевич, это я, Сергеев Ермолай.

Коваль медленно поднялся, внимательно рассматривая гостя, широко улыбнулся.

— Ермолай! Приехал! Молодец! Очень рад тебя видеть...

Ленинград, один из служебных офисов ГРУ ГШ Красной армии...

Майор Истомин находился в кабинете руководителя ленинградского отдела ГРУ ГШ Красной армии, подполковника Чехо-

ва. Хозяин кабинета эмоционально, размахивая руками информировал московского гостя о сложной ситуации в городе.

— ...Абвер пачками забрасывает своих людей в город. Трудности их поимки заключаются в том, что это наши люди. Как правило, бывшие военные, попавшие в плен и давшие согласие работать на фашистов. Они знают все наши порядки и беспорядки, да и документы, благодаря спецам Абвера, у них в порядке. Эти агенты устраивают диверсии, убивают людей, сеют слухи и панику, распространяют лживые листовки. А у нас катастрофически не хватает людей. Почти всех здоровых горожан отправили на фронт. У меня в подчинении три с половиной человека...

Истомин внимательно слушал. И чем дальше, тем все более и более хмурился...

Коваль и Сергеев уже два часа сидели за столом и вели разговоры. Управляющий, искренне обрадовавшийся появлению Ермолая, не умолкая говорил о трудностях работы конторы, о трудностях жизни в блокадном городе, недостатке продуктов питания.

Ермолай внимательно слушал, изредка задавая вопросы. Они уже выпили четвертинку, закусили выставленными гостем продуктами. Пришлось гостю ответить и на массу вопросов хозяина кабинета.

— ...Да, вот еще одна свалившаяся недавно напасть, — вспомнив что-то, энергично продолжал слегка захмелевший Коваль. — В городе стали появляться фальшивые рубли. Казалось бы, город в блокаде, не хватает всего, и кто-то умудряется изготавливать фальшивые деньги. Причем, эти лжеденги очень высокого качества. Представляешь, Ермолай, и плотность бумаги соответствующая, и графика качественная, эмблемы очень четкие, — мягко ругнулся.

— Это диверсии фашистов, — изрек Сергеев.

— Да? — удивленно вымолвил старик. — А я как-то об этом не подумал.

Уже прощаясь, Коваль вымолвил:

— Я слышал, что капитан НКВД Ципок оказалась фашистской разведчицей? Что она пыталась угнать наше золото немцам, и что она убита. Это правда?

Ермолай вспомнил эту необычную женщину: серо-зеленые глаза, приятные черты лица, привлекательная улыбка, светлая кожа, каштановые волосы, хорошо подогнанная военная форма, «специфические» духи... А также мчащийся к Финляндии состав вагонов со слитками...

Ответил:

— Да.

— И что она отравила генерала Иванова?

Перед глазами Ермолая промелькнул майор Мхитарян, убитые в вагоне окровавленные бойцы...

Тихо выдавил:

— Да. Она убила не только его одного.

— Просто непостижимо! Красивая, умная женщина, — фашистский агент, убийца. Война перевернула многое.

«Перевернула», — согласился Ермолай...

Истомин забрал Сергеева у конторы Госбанка. Они направились на аэродром.

— Что новенького у Коваля? — спросил майор.

— Переживает, фальшивых денег в городе много появилось, — ответил Ермолай. — Контора замучилась изымать.

— Да, — тяжело выдохнул майор. — Служба Канариса работает без остановок и отдыха, — ругнулся. — Завалил город диверсантами и фальшивыми рублями.

На аэродроме Ермолаю удалось часик отдохнуть.

Затем Истомин, Максимов и Сергеев на двух грузовых и одном легковом автомобилях отправились по ночному городу в Эрмитаж...

В музее офицеры (Истомин, Максимов, Сергеев) прошли в кабинет директора. Помимо академика Понаровского, в кабинете находился капитан Ильиных. На приставном к рабочему столу академика столике лежал фанерный серый плоский чемодан-портфель.

Вошедшие офицеры поздоровались, майор Истомин всех вошедших представил.

— Очень хорошо, — вымолвил академик. — Пройдите, товарищи, и посмотрите, что предстоит вывезти в этот раз.

Все прошли к приставному столу. Академик поднял крышку серого чемодана. В оставшейся лежать на столе его части находилась синяя материя с десятком углублений. В углублениях лежали булыжники разного размера и конфигурации желтого и серебристого цвета.

— Это платиновые и золотые самородки из коллекции горного нашего института, — вымолвил академик. — Самородки уникальные и бесценные, они собирались в России со времен Петра Первого. Их надо срочно вывезти в безопасное и надежное место.

Все устремили свои взгляды на содержимое чемодана.

«Надо же!» — рассматривая блестящие оригинальные камни, удивился Ермолай.

Он слышал о редкой коллекции самородков горного института, но не видел ее.

— Мы согласуем этот вопрос, — медленно изрек Истомин. — Согласуем и место их будущего хранения...

Вскоре Понаровский и Сергеев отправились на погрузку экспонатов музея в машины. Истомин и Максимов вместе с Ильиных отправились по своим служебным делам.

Погрузка проходила по уже отработанной схеме. В ходе нее внезапно раздался неприятный вой сирены. Вскоре послышался и гул самолетов. Стали доноситься звуки взрывов, где-то недалеко усиленно-надрывно заработали зенитные установки. Но погрузка не останавливалась ни на минуту...

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Калиновский проснулся от сильного шума, исходившего из прихожей. Часы показывали половину третьего ночи.

В спальню бежал взъерошенный Василий в халате.

— Стучат в дверь. Что будем делать, Федор? — воскликнул родственник. — Они говорят, что из милиции, требуют открыть.

Шум из прихожей не прекращался.

— Ведь выломают дверь, супостаты, — бросил Василий.

— Открывай, — поднимаясь с постели, выдавил Негоциант...

В гостиную вошли трое серьезных мужчин, двое в военной форме, один — в милицейской.

— Майор Истомина, — представился самый фактурный из гостей. — Со мной капитаны Максимов и Ильиных.

— Эксперт Калиновский Федор Федорович. Чем обязан в ночное время, товарищи? — стоя в халате, встретил гостей хозяин квартиры.

В это время с улицы слышались приглушенные звуки противовоздушной сирены.

— Вы знаете Шарова Николая по кличке Шар? — спросил один из капитанов.

«Началось! — воскликнул Негоциант. — Надо держать себя в руках и не показывать слабости», — приосанился и вымолвил:

— Я прожил всю жизнь в городе и многих знаю. Кажется, припоминаю и Шарова, мелкого такого спекулянта.

— Он заявил, что вы сделали ему предложение — украсть картину из Эрмитажа, — напористо продолжил капитан.

Хозяин квартиры сделал удивленное выражение лица.

— Глупость, если не сказать большее.

— Почему? — спросил Истомина.

— Я всю жизнь занимаюсь коллекционированием, — решительно изрек Калиновский, — меня знает весь город. Я никогда не был связан с криминалом и черным художественным рынком. Украсть картину из Эрмитажа!? — слегка покраснел. — Одного из лучших и защищенных музеев мира!? Глупость несусветная...

С улицы слышались звуки отдаленных взрывов.

— Сейчас идет смертельная война, Негоциант, — строго вымолвил майор. — Многие люди меняются, кто-то хочет нажать-

ся на войне. Кто-то даже становится предателем. Почему мы должны вам верить?

— Я — честный гражданин страны, — вымолвил Калиновский. — За меня могут поручиться многие уважаемые люди города. А этой продажной шантрапе, типа Шара, я плюю в наглую рожу. Надеюсь, его слова вы не воспринимаете всерьез. Ведь так, вот запросто, можно оговорить любого коллекционера города...

Примерно через полчаса сосредоточенные офицеры одни покинули квартиру...

К концу погрузки немецкий авианалет закончился.

Во двор Зимнего дворца подъехали на легковой машине сосредоточенные Истомин, Максимов и Ильиных. Выходя из машины, они о чем-то переговаривались.

— А я что вам говорил, — бросил в сторону майора капитан Ильиных.

— Да, согласен. Все не просто с этим «фруктом», — вымолвил Истомин.

— Вот-вот, — вставил Ильиных, — я и хотел спокойно разузнать, проследить...

— Времени у нас нет, — решительно изрек Истомин. — Придется мне у вас задержаться и во всем разобраться.

— Жить можете у меня на аэродроме, — вставил Максимов. Истомин согласно кивнул.

Затем взглянул на Сергеева и вымолвил:

— Ермолай, садись со своим бесценным чемоданом в легковое авто. А мы с Максимовым поедем на грузовиках.

Понаровский тепло, едва не пустив слезу, попрощался с офицерами. Крепко обнял Ермолая, попросил передать самый теплый привет сибирякам.

В предрассветной, туманной тишине караван из трех машин медленно двинулся вперед...

**Ленинград,
ул. Итальянская, д. 3, кв. 45...**

Сонет получил из центра шифровку с перечнем культурно-художественных ценностей, которые заинтересовали начальство (а именно, в чем не сомневался агент, лично Риббентропа). Он с нескрываемым удивлением читал список всемирно известных мастеров-художников: Питер Пауль Рубенс, Якоб Йорданс, Антонис ван Дейк, Хендрик Гольциус, Франс Хальс, Ян Стен...

— Он (Риббентроп) совсем рассудок потерял!? — возмутился агент. — Как я могу изъять из охраняемого государственного Эрмитажа полотна этих живописцев?.. — немного успокоился. — Хорошо, допустим эту ситуацию. А где люди для дела? Где деньги для подкупа сотрудников музеев?.. — судя по шифровке, и люди, и деньги должны вот-вот подойти. — Вот когда все это будет, тогда можно будет и что-то сделать?..

Правда, в шифровке были указаны координаты двух ленинградских коллекционеров, которых рекомендовалось привлечь для дела...

Но... служба есть служба.

Сонет выпил коньяку, попытался расслабиться.

Вскоре, окончательно успокоившись и прочитав небольшую молитву, он начал разрабатывать планы. План реализации указаний центра по изъятию культурно-художественных ценностей Питера с привлечением русских коллекционеров...

До аэродрома доехали без приключений. Ермолай с болью смотрел на улицы и скверы любимого города.

Вот и КПП аэродрома показалось. Из помещения вышел маленького роста боец в очках, в шинели, пилотке и с винтовкой на плече. Увидев подошедшие машины, он быстро открыл шлагбаум. Машины въехали на территорию аэродрома и сразу проследовали к транспортному самолету с бортовым номером 13.

Из кабины самолета спустился командир экипажа, майор Тепнов. Бросил вышедшим из машин военным:

— Можно загружать, — и быстро прошел к Истомину.

Они в течение минуты о чем-то тихо говорили.

Уже по отработанной схеме груз стали выгружать из грузовиков и расставлять в салоне самолета. Эта операция заняла часа три...

После загрузки самолета капитан Максимов, на правах хозяина, предложил перекусить. Трапеза прошла молча и заняла небольшое время. После нее Истомин отозвал Сергеева в сторону и сказал:

— Ермолай, диспозиция для тебя следующая. Приземляетесь в Свердловске, ты берешь чемодан с самородками и везешь на хранение в свое хранилище. Машину на аэродроме тебе военный комендант предоставит. Самолет в это время летит в Новосибирск, выгружается. На обратной дозаправке забирает тебя снова в Свердловске. Далее летите за новой партией груза в Ленинград, Вопросы?

«Побываю в своем хранилище! — обрадовался Ермолай. — Вот здорово!» — и весело ответил:

— Операция «Театр» продолжается.

Майор улыбнулся.

— Так точно, друг.

— Вопросов нет. А вы остаетесь здесь?

— Да, — быстро став серьезным, ответил Истомин. — В Ленинграде дел просто невпроворот. Втихаря воруют из Эрмитажа экспонаты. И воруют сотрудники, надо разобраться с этим и покончить с воровством. Но это между нами, друг. Понял?

— Понял, Николай Максимович.

Майор улыбнулся.

— Знаю, Ермолай, ты человек понятливый, можешь держать язык за зубами. Передашь привет всем там в своем уральском хранилище «Каменная гора». И будь там посерьезнее, посолиднее, ты сейчас очень ответственное лицо.

— Обязательно...

**Ленинград, музей Эрмитаж,
отделение НКВД...**

От усталости капитан Ильиных с трудом сидел на стуле. Перед ним на столе лежали груды не первой свежести папок, личные дела действующих сотрудников музея. Рядом находился лист бумаги с десятком фамилий, требующих, исходя из беглого просмотра дел, дополнительных и отдельных проверок.

Во исполнение указания полковника Шадрина, капитан просматривал дела сотрудников. Вот к горлу подкатил приступ кашля...

Ильиных с трудом прокашлялся, в сердцах в очередной раз обругал полковника и снова приступил к просмотру папок.

«Какие можно найти зацепки в этих пыльных, наполовину устаревших делах! — возмущался капитан. — Для другой работы с людьми времени нет...» — заглушил вырвавшийся из груди кашель...

Сергеев поднялся на борт самолета. На этот раз второй пилот молча закрыл дверь грузового салона и проследовал на свое рабочее место.

Ермолай как обычно оборудовал себе место у иллюминатора.

Едва самолет поднялся в воздух, как рядом показались два наших шустрых ястребка «Як-9». Погода стояла ясная, небо было какое-то бирюзово-голубое. Видимость была отменная, Ермолай просто прилип к стеклу иллюминатора.

Вот и город исчез из видимости, пошли леса и перелески. Пролетели над населенным пунктом, промелькнули купола церковного храма. Внезапно раздался взрыв сбоку, затем второй. Самолет сделал небольшой вираж, слегка изменил курс.

«Наверное, с земли фашистская зенитка работает по нам», — подумал Ермолай.

Снова слышались взрывы.

Но вскоре снова стало тихо, самолет уверенно летел на восток.

Сергеев взглянул на часы.

«Похоже, линию фронта пересекли, занятую фашистами территорию — тоже. Можно и подремать...».

Через 4 часа Ермолай проснулся. Немного размялся и легко перекусил.

Затем снова задремал...

Самолет приземлился в свердловском аэропорту «Кольцово» утром.

Из кабины летчиков вышел майор Теплов. Командир экипажа устало вымолвил:

— Мы дозаправляемся и летим дальше. А ты, лейтенант, как я понял, сходишь?

— Так точно, товарищ майор. Когда вы будете на обратном пути дозаправляться?

— Примерно через 23—24 часа снова сядем на дозаправку. Если конечно в Новосибирске с погодой будет все нормально.

— Будем на это надеяться. Я к этому времени обернусь.

— Тогда до встречи, лейтенант.

— До встречи...

С чемоданом в руке Сергеев вошел в здание аэровокзала. Осмотрелся по сторонам. Пассажиров, в основном военных, было немного. Ермолай направился в дежурную часть военной комендатуры. Дежуривший, уже в солидном возрасте, старший лейтенант, рассмотрев документы Сергеева, долго листал свою замусоленную тетрадь.

— Было указание по тебе, лейтенант, — выдавил дежурный. — Э... Вот оно. Значит так. На стоянке стоит грузовая машина, — назвал автомобильный номер. — Садись в нее и двигай в свой Верхний Тагил. Завтра должен ты, лейтенант... э... вернуться обратно и снова вылететь.

— Понял, — бросил Ермолай, поднял фанерный серый чемодан и направился к выходу...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

В кабинете находились майор Истомин и капитан Ильиных. Они нервно прохаживались вдоль рабочего стола хозяина кабинета, капитан изредка подкашливал. Невдалеке на стуле сидел со спокойным выражением лица эксперт Калиновский. Майор вел разговор с экспертом.

— Итак, вы, Федор Федорович, утверждаете, что никакого заказа на картину французского художника-импрессиониста Николаю Шарову вы не делали?

— Не делал. Я не понимаю, зачем вы меня привезли сюда. Я вам об этом говорил у себя дома.

— Сейчас узнаешь, Негоциант, — зло бросил капитан и раскашлялся.

— Не понимаю ваших, извините, намеков, — обиженно изрек Калиновский.

Продолжая кашлять, капитан быстро вышел из кабинета.

Через несколько секунд он вернулся вместе с Шаровым. У бедняги были связаны руки, и выглядел он как-то устало и уныло. Но, увидев Калиновского, Шаров улыбнулся и весело бросил:

— Ха-ха! Знакомые все лица! Здорово, Негоциант! Ха-ха! — нервно-истерически рассмеялся. — Неважно выглядишь!

Калиновский слегка сморщился и вымолвил:

— Здорово, Шар, ты тоже не в блестящей форме.

— Так из-за тебя, чистоплюя! Ты же меня на дело зарядил, бабки хорошие обещал.

— Никуда я тебя не подряжал, Шар, имей совесть. И вообще, товарищ майор, я не желаю с этим типом более говорить и находиться с ним в одном помещении.

— Да ты...

— Молчать, Шаров! — оборвал майор Шарова. — Вы, Калиновский, отрицаете, что давали задание Шарову?

— Разумеется! — обиженно изрек эксперт. — Вы же видите, какие дела можно иметь с таким типом?

— Да ты...

— Молчать, Шаров! — снова крикнул Истомин. — Капитан, выведите пока его...

Ермолай не спеша вышел из здания вокзала. Прошел в сторону стоявших невдалеке машин и мотоциклов. Высматривая нужный номер, подошел к грузовому ГАЗону-«полупортке». Стекло кабины опустилось, показалась женская седая голова.

— Товарищ лейтенант! — раздался грубый женский голос. — Вы не меня ищете?

— Судя по номеру, вас, товарищ водитель.

— Тогда садитесь и поедем в Верхний Тагил.

— Спасибо.

Ермолай прошел к кабине, она оказалась деревянной. Открыл скрипучую дверь и сел на переднее жесткое сидение рядом с водителем. Чемодан аккуратно поставил в ноги.

— Вас как зовут, товарищ лейтенант? — спросила водитель. — Как к вам обращаться?

— Ермолай Сергеев.

— А меня, учитывая мой возраст, Нелля Ивановна.

— Отлично! Вперед, Нелля Ивановна.

— Есть, товарищ Сергеев. Вы откуда родом?

— Из Ленинграда.

— О! А я местная, уральская. У нас большая семья...

На удивление старенькая машина легко покатила, только вот мотор сильно гудел, слегка припахивало бензином. Они покинули территорию аэропорта, выехали на шоссе. Как помнил Ермолай, до Верхнего Тагила было примерно сто километров, и еще немного до расположенного в стороне хранилища.

«Шоссе почти пустое. Часа за два должны добраться», — прикидывал, поглядывая по сторонам дороги.

А вдоль дороги тянулся осенний лес. Краски его уже сильно потускнели, хотя местами и виднелись еще изумрудные краски, местами ярко-желтые, песочные...

Водитель что-то тихо напевала. Незаметно к Сергееву подкатила дремота...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

В своем кабинете начальник ИРУ, генерал Янагиту работал со служебными документами. Он заинтересовался последним донесением агента из Новосибирска. Агенту было дано задание — уточнить ситуацию по Новосибирскому театру оперы и балета. Какие там появились некие ценности, и зачем атаману Семенову понадобилось взрывать театр?

Агент сообщал, что в театр завозятся и размещаются в его огромных помещениях разные грузы. По полученной им из разных источников информации это могут быть: секретные документы оборонного значения, вывозимые из европейской части СССР; государственные стратегические драгоценности, хранившиеся в Ленинграде и Москве; музейные экспонаты из различных российских городов. Это делается русскими для того, чтобы это все не досталось наступающим немецким войскам. Агент сообщает еще об одной версии — завозимые грузы предназначены для создания резервной (запасной) ставки для Сталина.

Рассматривая фотоснимки Новосибирского театра, генерал задумался:

«Под натиском непобедимой немецкой машины, русские сейчас многое, начиная от целых заводов и фабрик, перемещают из европейской части страны на Урал и в Сибирь. И их можно понять... Но зачем же взрывать уникальное здание театра? Оно достанется победителям! В Сибири, несомненно нам, японцам! Уберем советскую символику, над огромным куполом установим наш флаг победы... Недалекий все же человек этот атаман Семенов. Прimitивный!.. Он так и не ответил на мою депешу о мотивах нападения его боевиков на театр. Никакой дисциплины!.. — зло выругался. — Хотя, — усмехнулся, — для победы нужны и такие, дикie люди. А потом, потом можно будет от них и избавиться. Сейчас нужно будет остановить Семёнова от диверсий в этом театре. А нашему агенту необходимо продолжить уточнение, что все же завозится в театр? С таким представленным разбросом версий, работать дальше трудно...».

Ермолай проснулся от звука выстрела. Машина, сбавляя ход, как-то странно задергалась.

— Гад, мотоциклист! — воскликнула водитель. — Преследует нас, по колесу выстрелил...

Женский голос заглушил второй выстрел. Голова водителя упала на руль, машина затормозила, съехала в кювет и резко остановилась. Крепя и неприятно треща, она завалилась на правый бок.

Сергеева придавила своим телом женщина, ноги сдавил чемодан. Как он заметил, деревянная кабина местами разрушилась, разбиты стекла.

«Ну, блин... влип!» — успел подумать.

Сквозь щель покореженного и местами полуразрушенного пола машины, Ермолай увидел стоящего на дороге с пистолетом в руке незнакомого мужчину в черной железнодорожной форме. Он, кажется, улыбался.

«Незнакомый тип! Это он, гад, в нас стрелял! — воскликнул. — Ну, я тебе!» — и стал освобождать правую руку.

Освободив руку, стал вытаскивать из кармана пистолет. Железнодорожник в это время стал медленно, озираясь по сторонам, подходить к машине. Он действительно довольно улыбался.

«Это мой враг! — воскликнул Ермолай. — Он идет убивать меня!».

Наконец он достал пистолет, привел его в боевое положение. Направив его на улыбающегося мужчину, прицелился и выстрелил. Железнодорожник остановился, удивленно широко раскрыл глаза. Ермолай выстрелил еще раз и еще. Железнодорожник согнулся и упал лицом на землю...

Глава 8

Ленинград, Бадаевские склады, кабинет заместителя директора...

Пехоев получил записку. Как она к нему пришла, это отдельный вопрос. А вот содержание!? В записке передается привет от хорошего довоенного шведского знакомого — Стэна Ульссона. Стэн являлся коллекционером, и они с Пехоевым обменивались картинами, покупали и продавали. Швед помог ему открыть счет в стокгольмском банке. Но это было до войны!? И вот, привет от Стэна... Кроме приветов, Пехоева приглашали на встречу в Никольский сквер для разговора о художественном искусстве. На место, где когда-то Пехоев встречался со Стэном!.. Судя по записке, приглашали на весьма выгодную встречу. Как поступить? Пойти... Неужели Стэн в городе?.. А если это провокация?.. А если действительно Стэн хочет возобновить старые коллекционерские отношения? Удастся что-то выгодно продать?..

Никольский сквер...

На лавочке сидит представительный, полный мужчина и читает газету. Изредка осматривается по сторонам.

Из глубины сквера идет мужчина средних лет с газетой в руке. Он присаживается на лавочке рядом с читающим газету мужчиной и весело изрекает:

— Здравствуйте, Феликс Артурович. Вам большой привет от Стэна Ульссона.

— Здравствуйте. Весьма признателен за привет. С кем имею честь разговаривать?

— Друг Стэна, Владимир Петрович.

— Очень приятно. Надеюсь, у Стэна все в порядке?

— О да, в нейтральной Швеции все спокойно и сытно, — слегка усмехнулся. — Война войной, а жизнь продолжается. Он предлагает вам продолжить взаимовыгодные контакты в области искусства.

«Мужчина как мужчина, из интеллигентов...» — присматриваясь к незнакомцу, раздумывал Пехоев.

Едва заметно улыбнулся и бросил:

— Слабо себе это представляю в данный момент.

— Ну, почему же, — улыбнулся Владимир Петрович. — Было бы желание. Доставку картин в Швецию ваш друг берет на себя.

Достал из кармана свернутый лист бумаги и передал собеседнику.

«Кажется, я не зря пришел на встречу», — подумал Пехоев.

Раскрыл лист, он был исписан названием картин всемирно известных живописцев.

— Стэн просил передать, что ваш счет в стокгольмском банке постоянно растет за счет процентов, начисляемых на основной вклад, — вымолвил Владимир Петрович. — За эти картины вы можете получить наличные деньги здесь, в Ленинграде, а можете сразу направить их на свой счет в стокгольмском банке.

«Говорит этот посланник Стэна вполне уверенно, — размышлял Пехоев, — со знанием дела...».

Он бегом пробежался по списку. Некоторые картины у него были в наличии, некоторые можно было достать в городе.

— Как, Феликс Артурович, начнем сотрудничать?

Пехоев взглянул в глаза собеседнику. Серые, бесцветные, в них нельзя было что-либо прочесть.

«Рискнуть, не рискнуть?.. В принципе, сдать органам я его всегда смогу...» — раздумывал Пехоев, вымолвил:

— Начнем.

— Прекрасно! Надеюсь, вы, Феликс Артурович, понимаете, что в условиях мировой войны происходит некая девальвация культурных ценностей, падение их стоимости.

— Понимаю...

Женщина-водитель определенно была мертва, пуля попала ей прямо в левый висок.

«Наверное, у нее есть семья, — подумал Ермолай. — Но... жизнь продолжается, мне надо выбираться».

На женском лице запечатлелось удивление. Ермолай прикрыл глаза женщине, аккуратно сдвинул ее в сторону. Окинув взглядом, стал вылезать из сильно искореженной кабины машины. Для начала ногами стал выбивать доски пола машины. Сделав лаз, он просунул в него чемодан, затем сам стал вылезать.

Оказавшись ногами на земле, Сергеев сразу прошел к лежащему железнодорожнику и убедился, что незнакомый мужчина мертв.

«Что делать? — раздумывал Ермолай. — Надо, первым делом, — решил, — выполнять приказ, вести самородки в хранилище. А о нападении и гибели водителя сообщу в хранилище».

Невдалеке на обочине стоял мотоцикл. Ермолай прошел к нему и быстро завел.

«Как везти тяжеленный чемодан?..» — задумался.

Поднял сидение мотоцикла и увидел моток веревки.

«Так, можно привязать... Если привязать чемодан спереди к груди, то он будет мешать вести мотоцикл», — подумал и привязал к спине.

После этого сел на мотоцикл, закрепил фуражку и продолжил путь к хранилищу...

Смольный, кабинет первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б)...

Жданов собрал рабочее совещание по вопросу вывоза художественных ценностей Эрмитажа на Большую землю. Поскольку вопрос относился к категории государственно важных, был приглашен ограниченный круг должностных людей.

Кроме хозяина кабинета, члена Военсовета Северо-Западного направления, присутствовали: академик Понаровский — директор Эрмитажа, исполняющий обязанности начальника городского управления НКВД полковник Шадрин, и два офицера

ГРУ Красной армии — местный подполковник Чехов и майор Истомин из Москвы.

Вначале Жданов напомнил о важности обсуждаемой темы.

— Имейте в виду, товарищи, вопрос находится на контроле товарища Сталина, — строго обозревая всех, закончил он свою небольшую вступительную часть.

Выступивший первым академик сообщил о положении дел с сохранностью экспонатов и других ценностей в Эрмитаже, их количестве. Привел цифры о вывезенных экспонатах до блокады и уже в ходе нее, в том числе, и воздушным путем. Далее майор Истомин проинформировал о ходе операции по вывозу ценностей по воздушному мосту, о трудностях, рисках и потерях. Полковник Шадрин доложил о работе городской милиции в части сохранности культурных шедевров города и содействия их вывозу на Большую землю. Посетовал на слабую техническую оснащенность, нехватку людей...

В заключении выступил Жданов. Высший партийный работник блокадного города всех поочередно, порой повышая голос, раскритиковал. Затем поставил перед должностными лицами ряд задач в части темы совещания...

Впереди показались знакомые и почти родные места. Вот и внешнее ограждение хранилища началось.

Сергеев направился к КПП. Подъехав, заглушил мотор, слез с мотоцикла, отвязал чемодан. Стал разминать затекшие ноги, спину, руки.

— Какие люди! — раздался веселый мужской голос.

Из КПП вышел улыбающийся начальник охраны? майор Флейта.

— Ермолай Сергеев! Лейтенант! — крикнул майор. — Ты ли это!? В наших местах!?

— Я, товарищ майор! И с дорогими к вам подарками! — в тон ответил Сергеев.

Мужчины поздоровались за руку. Быстро став серьезным, Ермолай сообщил о нападении неизвестного железнодорожника на машину на шоссе и об убитых.

— Я все это отрегулирую, — строго заверил майор. — Пройди в кабинет к Молевой.

Ермолай прошел на территорию. Проходившие мимо люди улыбались и здоровались. Ермолай отвечал.

Вот он зашел в кабинет Молевой. Хозяйка кабинета с кем-то эмоционально говорила по телефону. Увидев Сергеева, сразу и недоговорив, положила трубку. Широко улыбнулась, быстро прошла, снизу вверх заглянула в глаза.

— Ермолай! — всплеснула женщина руками. — Ведь вот недавно тебя вспоминала, — принялась обнимать и целовать.

«Она наконец запомнила мое имя», — подумал Сергеев и весело ответил:

— Здравствуйте, Ольга Олеговна. Рад вас видеть.

— Здравствуй, дорогой. А уж как я рада! Живой, здоровый! Что-то красный на лицо. Не болеешь?

Высвобождаясь из объятий, Ермолай положил на стул чемодан и устало изрек:

— Не болею, просто ехал на мотоцикле, немного обдуло ветром. Принимайте ценный груз, уникальные самородки из Ленинграда, из коллекции нашего старейшего горного института. Надо их определить на хранение, Ольга Олеговна.

— Из блокадного Ленинграда!? Сам привез! Молодчина! Конечно, примем. Ты к нам надолго?

— Завтра в 7 утра должен быть в Свердловске на аэродроме.

Отйдя от Сергеева на пару шагов, женщина с улыбкой рассматривала его.

— Тогда успеем, наговоримся, Ермолай. Докладываю: в хранилище все по плану, никаких происшествий за твое отсутствие не случилось. Сейчас едем в гостиницу в твой номер. Организуем шикарный праздничный обед, уж поговорим вволю.

— Я хотел пройти по хранилищу...

Женщина решительно замахала руками.

Весело бросила:

— Все здесь нормально, не волнуйся, Ермолай. Лучше сейчас возьмем Флейту и в гостиницу рванем. Так хочется с тобой поговорить, рассмотреть получше. Дай хоть я тебя потрогаю...

Но Ермолаю было не до шуток.

Он строго изрек:

— Флейта убыл на задание. Ольга Олеговна, куда вы определите самородки?

— Пока в сейф. Потом для таких вещей сделаем спецкладовую. Ну, поехали в твой дом?

Ермолай почувствовал сильную усталость всего организма.

— Поехали...

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Правоохранительные органы не стали задерживать и арестовывать Калиновского (Негоцианта). После напряженных допросов и двух неприятных очных ставок с Шаром, изрядно перереволновавшийся эксперт вернулся в свою квартиру...

Сидя у горящего камина и потягивая вино, Калиновский раздумывал о своей дальнейшей жизни. Он понимал, что и милиция, и военная контрразведка не оставят его в покое. Возможно даже, будут за ним следить. Если капитан милиции говорил прямо и грубо, то военный майор-контрразведчик Истомин действовал гораздо тоньше. Все выпытывал о коллекционных связях, знакомых...

О работе с Герцогом Калиновскому придется на ближайшее время забыть. Не представлял он также, как, находясь на крючке, будет далее покупать и продавать художественные ценности? Что тогда ему оставалось делать? Как зарабатывать на жизнь? На ту сытую и вполне комфортную жизнь, к которой он уже привык и отвыкать не собирался... Все эти вопросы предстояло решить в самое ближайшее время... Конечно, на какое-то время надо залечь...

— Как доехал, Ермолай, в наши края? — спросила уже в машине Молева.

Мгновенно перед глазами Сергеева промелькнула женщина-водитель, лесное шоссе, железнодорожник-мотоциклист...

— Выехали из аэродрома Кольцово с женщиной-водителем. Неожиданно на трассе появился за нами мотоциклист. Где-то на полпути он стал стрелять, убил водителя. Я его потом пристрелил, сел на его мотоцикл и к вам. Флейта поехал разбираться с инцидентом на трассу. Так вот и доехал.

В это время пошел снег.

— Первый снежок в этом году, — изрекла Молева и быстро спросила. — Что за мотоциклист?

— Мужчина средних лет в форме железнодорожника, на лицо мне незнакомый. Ума не приложу, как и зачем он вышел на меня?

— Думаешь, пронюхал про самородки?

Сергеев пожал плечами.

— Ничего исключать нельзя.

— Ну, не переживай, Ермолай, все рано или поздно проявится. Сейчас пир устроим, встряхнешься...

— Я сильно устал, Ольга Олеговна. Слегка перекушу и заваюсь спать. Конечно, позвоню и доложу в Свердловск.

Женщина широко улыбалась.

— Хорошо. Легкий перекус я сейчас организую. Ну а на ужин как положено, соберемся...

— Только знакомые, проверенные люди, — решительно вставил Ермолай. — И про самородки никому ни слова.

— Понимаю. Не маленькая. Как Мила?

Ермолай стал хмурым, тихо изрек:

— Ничего о ней не знаю, связь потеряна. Она взрослый человек, у нее своя жизнь, у меня своя...

— Маме писал?

— Писал...

В гостинице в своем номере-квартире Сергеев сразу позвонил в Свердловск дежурному по местному ГРУ и проинформировал об инциденте на шоссе.

После этого покушал принесенную Молевой пищу и завалялся отдыхать...

Ленинград, один из служебных офисов ГРУ ГШ Красной армии...

Майор Истомин не сразу нашел общий язык с упрямым капитаном Ильиных. Кроме непростого характера, нашлась еще одна причина ревностного отношения капитана к майору. Это случаи воровства экспонатов в Эрмитаже. Боясь взысканий, капитан не обо всех случаях докладывал начальству. Часть случаев он расследовал сам, при этом не докладывая по инстанции. Майор заверил капитана, что не будет влезать в дела отдела и музея...

После допросов и очных станов Шара и Негоцианта, майор предложил задержать в КПЗ Шара, а Негоцианта оставить на свободе.

— Находясь на свободе, Негоциант может нас вывести на своих подельников и заказчиков картин из Эрмитажа, — убеждал Истомин коллегу.

— Он — мелкая сошка.

— И, тем не менее, это шанс для нас...

Поупиравшись немного и поспорив, Ильиных все же согласился.

Майор и капитан договорились, что отслеживать деятельность Калиновского (Негоцианта) капитан будет, используя свои возможности и возможности городской милиции.

Также предстояло майору Истомину найти женщину, которая общалась с доверчивой охранницей аэродрома. А также исполнителей и организаторов двух диверсий в рамках операции «Театр» — взрыва у аэродрома и обстрела машин с грузом недалеко от Эрмитажа...

Ермолай проснулся от звуков, доносившихся из гостиной. Взглянул на часы, они показывали 17 часов.

«Хорошо отдохнул, — довольно усмехнулся. — И усталость как рукой сняло, — потянулся. — Вот что значит дома, нормально поспал», — и стал подниматься.

Оделся и вышел в гостиную. Молева накрывала на стол,ставляла тарелки.

— Как, Ермолай, сам? — улыбаясь, спросила женщина.

— Все хорошо, Ольга Олеговна.

— Вот и хорошо. Какие планы?

— Вот думаю ванну принять...

— А потом поужинать, — весело продолжила женщина. — Правильно мыслишь, Ермолай. Ванну я тебе помыла, приготовила, там уже и вода набирается.

— Спасибо, Ольга Олеговна. Чтобы я без вас делал, как жил?

— Это хорошо, Ермолай, что ты понимаешь человеческую доброту. А мне, понимаешь, только в радость за тобой поухаживать. Ведь своего сына у меня нет.

На эти слова Сергеев не знал, что ответить.

— Иди смело мойся, — весело добавила Молева. — А я пока тут со столом возиться буду...

Ленинград, Бадаевские склады, кабинет заместителя директора...

Пехоев оперативно передал имеющиеся у него 5 картин из списка Стэна. Новый знакомый, посланник шведа, Владимир Петрович быстро откликнулся на предложение, без проволочек принял и оценил полотна. Правда, рыночную цену картин он занизил в два раза, сославшись на военное время. Спорить Пехоев пока не стал, решил получше присмотреться к новому партнеру...

Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

С целью приобретения картин из списка Стэна, Пехоев (Герцог) прибыл к Калиновскому (Негоцианту).

— Зачем вы прибыли ко мне? — увидев гостя, удивленно воскликнул хозяин квартиры.

— А в чем дело, Федор Федорович? — зычно и уверенно изрек гость. — Что ты такой пришибленный?

Глядя на сытую, довольную рожу Герцога с портфелем в руке, Калиновский выругался про себя и как можно мягче, подбирая слова, вымолвил:

— Один мой знакомый, ну... мелкий спекулянт засветился в милиции. Меня вызывали на допрос, такой... формальный. Но я не исключаю, что за мной установили слежку.

Пехоев слегка насторожился. Выдавил:

— Что это за спекулянт и как ты с ним связан? Может, я чем-то помогу.

«Поможет! И три шкуры потом сдерет!» — воскликнул Калиновский и замахал руками.

— Вся эта возня не стоит вашего внимания, Феликс Артурович. Так, ерунда, думаю, выкручусь.

Гость улыбнулся.

— Ладно, Федор, выпутывайся сам. Ну, а я к тебе прибыл сейчас как коллекционер к коллекционеру. Если будут спрашивать, так и скажешь. Я тебе новый заказ принес.

Калиновский снова замахал руками.

— Я же говорю, под колпаком я, Феликс Артурович. Поэтому какое-то время проживу тихо.

— Вероятно, это разумно, — вяло выдавил гость, — забудем пока о заказе, — ненадолго задумался. — Тогда э... покажи мне свой каталог, Федор?

«Вот ведь, прилип!? — выругался Калиновский. — И не выгонишь», — рукой предложил пройти в квартиру.

Мужчины прошли в гостиную, расположились в креслах. Хозяин передал гостю каталог своих картин. Полистав его, Пехоев быстро нашел в нем 7 полотен из списка Стэна.

— Неплохо-неплохо, — пролистав весь каталог, изрек гость. — Продай мне кое-что, Федор Федорович.

«Нашел время! — зло воскликнул Калиновский. — Послать бы тебя к...!» — но и ссориться, особенно сейчас, никак было нельзя, да и деньги не помешали бы.

Мягко ответил:

— Вообще я не планировал ничего продавать...

— Продай, я хорошую цену дам. Цену, конечно, военного времени. Продай, кстати, и для конспирации тоже полезно...

Ермолай с удовольствием принял ванну, переоделся в гражданскую одежду.

Вышел в гостиную, Молева уже накрыла стол. Взглянув на Сергеева, женщина весело изрекла:

— Ну, парнишка-парнишкой восемнадцатилетний! Совсем и на военного не похож! Тебе бы с девчонками дружить!

Щеки Ермолая зарделись.

— Ну, какие девчонки, война идет.

— А жизнь, между прочим, продолжается. И она сильнее любой войны. Надо любить, надо рожать. Хотя бы тех же будущих бойцов, защитников. А мужиков сейчас в тылу мало, а девчонки без них родить не могут. Так-то, начальник, надо выполнять свою первородную, детородную функцию. И не отлынивать! Иначе страна вымрет...

Эта тирада привела Ермолая в полное замешательство. Что ответить по сути на предложение, он не знал...

**Маньчжоу-го, город Дайрене
(ныне Далянь, под названием «Дальний»
город был основан русскими в 1898 году)...**

Атаман Семенов спокойно жил в своем доме. Вел некоторые свои подрывные дела против большевиков, сотрудничал с японцами и надеялся на кончину советского режима, после которой он намеревался непременно вернуться победителем в Россию. И уж тогда!.. Он отыграется за все...

Вот из штаба Квантунской армии он получил секретную депешу. Начальник ИРУ, генерал Янагиту, требовал прекратить теракты в отношении Новосибирского театра оперы и балета.

— Какого черта! — взорвался атаман по-бурятски (он боялся прослушки японцев). — Сначала этот вонючий япошка требует

усилить диверсионно-подрывную деятельность в Сибири и на Дальнем Востоке России. Когда я организовал и провел успешную операцию в Новосибирске, Янагиту требует прекратить!?

Атаман, усатый плотный коренастый брюнет в дорогой военной защитной форме, но без погон и знаков различия, нервно расхаживал по своему кабинету.

«Я, генерал-лейтенант России, глава двадцатитысячного Союза дальневосточных казаков, должен слушать младшего по званию японца, возглавляющего некое сомнительное Управление в 50 человек!» — возмущался Семенов.

Вспомнил старого приятеля, можно сказать, друга, полковника Удачина, которого недавно наградил Почетным знаком особого Маньчжурского отряда — за организацию диверсии в Новосибирском театре.

— Что я скажу своим подчиненным!? — воскликнул Семенов по-монгольски. — Прекратить борьбу против большевистских Советов!? Не трогать их объекты!?

Но вскоре, выпив рюмку водки, атаман успокоился. Ведь, как-никак, японцы платили ему ежемесячно 1000 золотых иен, закрывали глаза на криминальную деятельность его Союза в отношении китайцев. И еще на многие-многие противоправные деяния, контрабанду...

Атаману нужно было придумать какой-то неординарный ход. Дабы улажить всех, своих и не своих, японцев и китайцев... Но только не большевиков из советской России...

Глава 9

В гостиную вошел раскрасневшийся майор Флейта. Обозревая накрытый стол, громко бросил:

— Какой стол! Как в добрые довоенные годы!

Быстро прошел к столу, руками взял соленый огурец и принялся жевать.

— Разденься, да хоть руки помой! — воскликнула Молева.

— Сердитая ты баба, Ольга. — бросил майор, жуя огурец и направляясь в прихожую. — Не понимаешь, что я устал и голоден?

Вскоре все разместились за столом. Флейта наполнил рюмки, шепнул Ермолаю:

— Я на дороге — все разрулил.

— Спасибо...

В это время, широко улыбаясь, Молева изрекла:

— За встречу, товарищи, на родной уральской земле-кормилице. За тебя, Ермолай, за твою важную работу.

— И за вас, тружеников тыла, — весело вставил Сергеев.

— Правильно, за всех, — поддержал Флейта. — Все мы на своих местах боремся с врагом, как можем.

Выпили, стали закусывать, разговаривать.

Выпили за Победу...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

В кабинете начальника отделения милиции, охранявшего Государственный музей, находилось двое. За столом восседал капитан Ильиных, напротив на стуле сидела пожилая женщина

в какой-то потертой, бесцветной шубе. Этой женщине, проживающей на одной лестничной площадке с Калиновским, капитаном было поручено следить за соседом, коллекционером.

— ...Смотрю, — заговорщически тихо излагала женщина, — подъехала к нашему подъезду легковая машина. С места, что рядом с водителем, вылезает представительный такой, солидный мужчина. В хромовых сапогах, зеленом плаще, фуражке и с портфелем в руке. Но мужчина этот — не военный, без погон и петлиц там всяких. Важно так, заходит в подъезд. Вскоре слышу шум на нашей площадке. Я — в прихожую, слегка приоткрыла дверь. Мужчина этот стоит у двери Калиновского. Дверь открыл Василий, родственник Федора, мужчина смело так прошел в квартиру...

— А ты, что? — нетерпеливо спросил капитан. — Что дальше? — и раскашлялся.

Женщина подождала, пока капитан закончил кашлять, и вымолвила:

— Раз мужчина прошел к Калиновскому, то я решила записать номер машины.

— Правильно. Ну?

— Прошла в крайнюю комнату, — продолжала женщина, — там было лучше видать машину, ну и записала номер, — положила на стол исписанный клочок бумаги.

— Долго этот мужчина был у Калиновского? — рассматривая кусок бумаги, спросил капитан. — С чем вышел?

— Час, может немногим больше был. Вышел он с тем же портфелем и с рулоном каким-то в руке...

Ужин шел второй час, много было съедено и выпито. О многом успели и поговорить.

В номер кто-то постучал, открылась дверь. В гостиную вошла, вернее, впорхнула сосредоточенная молодая женщина в цветастом платье и с подносом в руках. У нее были волосы льняного цвета. Причем волосы были сплетены между собой в длину и ниспадали до груди.

— Здравствуй, Раечка-краса! — воскликнула Молева. — Какая у тебя коса шикарная! Проходи, дорогая ты наша, к столу, ставь свой фирменный грибной пирог!

Девушка мило улыбнулась, робко прошла, поставила на стол пирог. Флейта придвинул к столу стул и со словами:

— Посиди с нами, Рая, поужинай, — усадил гостью.

— Спасибо, — тихо вымолвила девушка.

— Красавица! — рассматривая гостью, бросила Молева. — Посмотри, Ермолай, какая красивая наша Раечка. А? Какая коса! Солнышко ты наше ясное! Смотри, специально для тебя пирог приготовила.

Ермолай рассматривал незнакомую, симпатичную, смущающуюся, бледнолицую девушку.

— Красивая? — повторила вопрос Молева.

— Красивая, — согласился Сергеев, вдыхая аромат цветочных духов от расположившейся в полуметре от него молодой гостье.

Флейта наполнил рюмки и выкрикнул:

— За красоту! За женскую красоту!

— И за любовь, — хитро улыбаясь, добавила Молева.

— А пирог-то Раи какой вкусный! — воскликнул майор.

Ужин продолжался...

Кенигсберг, штаб-квартира Абвера в Восточной Пруссии, кабинет начальника...

Адмиралу Канарису сообщили, что агент Яннис, находящийся в районе Свердловска с важной миссией, не вышел на связь.

Адмирал задумался:

«Дисциплинированный агент, исключая случайности, и вот... Что это могло означать? Яннис просто вне доступа к связанному и не может передать сообщение? Работал он по Хранителю-Сергееву... Скажем, вновь вышел на след Хранителя и преследует его?.. Или агент обнаружил хранилище, куда русские вывезли золотые резервы страны, и находится в засаде?..».

Канарису не хотелось думать о плохом. Например, гибели агента или его аресте... Яннис очень подготовлен и очень опытен, многое знает... в любом случае, живым в руки врага агент не должен попасть. По неписаным законам разведки, надо было найти Янниса, найти живым или мертвым. И проанализировать ситуацию, в которой он мог оказаться...

Адмирал подумал об одном из самых способных русскоязычных агентов, Парисе. Он в данный момент находился в Самаре, где русские оборудовали свою резервную Ставку.

«От Самары до Урала, по русским меркам, — усмехнулся Канарис, — рукой подать. Уверен, Парис найдет пропавшего Янниса и сделает это оперативно...».

Внезапно строгая Молева засобиралась, встал из-за стола и улыбающийся Флейта.

— Мы пойдем, а вы, молодежь, еще повечеряйте, поговорите, — бросила Молева и направилась к выходу.

За ней последовал и майор. Сергеев хотел было что-то сказать, но... осекся.

Дверь быстро захлопнулась. Ермолай и Рая скромно, не поднимая глаз, сидели рядом.

«Ситуация, — подумал Ермолай, — надо что-то делать. Или... или...».

...Обнаженные молодой мужчина и девушка опускаются на кровать. Что может быть прекраснее и совершеннее молодых человеческих тел?! Мощный, бугристый мужской торс ритмично опускается и поднимается,дыхания умопомрачительной женской груди не ощущается вовсе. Откровенные, страстные взгляды! Их широко раскрытые глаза блестят, они полны томительных ожиданий и предвкушаемых невероятных удовольствий. Неведомая сила влекла молодых людей друг к другу. Порывисто тела сливаются в единое целое... Мгновение, другое... Почти одновременно их глаза заволакивает невидимая пелена, вот-вот на волнах экстаза

они умчатся в неведомую и так влекущую галь. Человеческий праздник страсти, любви и неиссякаемой жизни продолжается...

Ермолай проснулся от какого-то шума в гостиной.

— Кто там? — спросил недовольно.

— Это я, — раздался голос Молевой. — Время четыре часа, пора, товарищ Сергеев, подниматься.

Ермолай включил ночник, стал приходить в себя и вспоминать события вчерашнего дня.

«Ужин... девушка Рая с косой. Потом... А где Рая?» — осматривая помещение, подумал.

Но ничего, чтобы могло напоминать девичье присутствие, он не смог заметить.

«Уж не сон ли был про Раю? — подумал, вспомнил приятные мгновения интимной близости, уловил легкий запах цветочных духов. — Нет, не сон», — улыбнулся.

Настроение было замечательное. Думать о том, правильно он поступил по отношению к девушке или нет, он не хотел...

— Ермолай!

— Иду-иду, Ольга Олеговна...

Завтракая, за столом Ермолаю хотелось спросить о Рае. Но он как-то не решался спросить Молеву.

— Вижу, думаешь о Рае-красе, запала она тебе, — улыбаясь, изрекла женщина.

— Есть такое. Как она?

Молева стала серьезной.

— Не думай о плохом. У нее все будет хорошо, в обиду мы ее не дадим. Ты, лейтенант, делай свое мужское, а мы, женщины, здесь, в тылу будем делать все для победы. После победы разберемся.

«Мудрая она женщина, все у нее складно получается», — подумал Сергеев, кивнул.

— Снегу за ночь навалило почти полметра, — улыбаясь, продолжала Молева. — Я тебе, начальник, шапку, носки, перчатки

принесла. Все одень, надо думать о своем здоровье, беречь его. И продуктов тебе немного собрала, покушаешь в дороге.

Ермолай улыбнулся.

— Спасибо вам.

— Сочтемся. Ты сейчас по делам снова в блокадный Ленинград?

«Вот ведь!..» — воскликнул Ермолай, выдавил:

— Э... не могу я говорить об этом, Ольга Олеговна...

— Ну, и не говори. И я никому не скажу. Береги только себя, очень прошу, будь внимателен и осторожен. Тебе надо жить, да жить, страну защищать, да и поднимать потом.

Ермолай кивнул.

— Передавай привет майору Истомину, — строго продолжала Молева. — Серьезный и ответственный мужчина. Ты, Ермолай, держись за него крепко, слушайся. Обещаешь?

— Обещаю, Ольга Олеговна.

— Ну, и добре...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

В кабинете находились майор Истомин и капитан Ильиных. Капитан через своих коллег быстро установил, что легковая машина, приезжающая к Калиновскому, принадлежит заместителю директора Бадаевских складов товарищу Пехоеву. Описание женщины, соседки Калиновского, полностью совпадает с самим Пехоевым. Капитан оперативно навел справки по этому Пехоеву. Сей товарищ оказался одним из крупнейших коллекционеров города. И вполне возможно, именно он мог быть главным коллекционным заказчиком...

Майор и капитан раздумывали, какие далее предпринять действия для нейтрализации заказов на экспонаты Эрмитажа.

— Этот Пехоев — коллекционер еще более крутой, чем Калиновский! — воскликнул капитан. — При его должности, я не исключаю, он знаком с самим товарищем Ждановым!

Истомин вспомнил недавнее совещание в обкоме партии и разнос, который выдал Жданов. Сморщился и вымолвил:

— Вполне возможно. И у нас против него конкретно ничего нет. Ну, общается Пехоев с коллекционером Калиновским, у них это заведено... Ну, купил или обменял у него пару картин. Это же не подсудное дело! И по сути — все.

— Мелкий спекулянт Шар наверняка и его знает, — рассуждал капитан. — Дабы спасти свою шкуру, он может также и на него указать...

— И еще на кого-то, — быстро вставил майор. — Но с Пехоевым этот номер не пройдет. У нас должны быть против него железные улики или стопроцентные, надежные показания.

— Война, — вяло ругнулся капитан, — разрушения, потери, болезни, огромные трагедии. А для кого-то возможность нажиться, пополнить коллекцию, — и раскашлялся...

Сергеев расположился на заднем сиденье легкового ГАЗона. Вдоль дороги тянулся уже занесенный снегом лес.

У Ермолая было паршивое настроение. В голове все перемешалось: мертвая водитель-женщина, улыбающийся железнодорожник с пистолетом, веселая, но с хитринкой в глазах Молева, сосредоточенная Рая с пирогом, и... обнаженная, прекрасная, с льняными волосами...

В аэропорту Сергеев прошел к военному коменданту. Дежурным оказался знакомый капитан.

— О! Сергеев! — воскликнул капитан. — Молодец, что зашел. Самолет твой прилетел, стоит на заправке и загрузке. Но ты постой, друг, постой.

— Стою.

— Я с тебя, лейтенант, должен снять показания по инциденту на дороге с двумя трупами, мне из военной комендатуры звонили.

— Какие показания? — насторожился Ермолай.

— Просто напиши своими словами, как дело было и все. В дело надо подшить, понимаешь. Ты же один-единственный свидетель.

Вспомнил указания майора Истомина — ничего не делать без санкции руководства. Опять же непонятно, кем был этот железнодорожник? Как бы лишнее не написать. Ермолай вымолвил:

— Давай, капитан, я сначала позвоню по инстанции в ГРУ. Ну, а потом напишу.

— Давай.

Дежурный по Свердловскому отделу ГРУ посоветовал Ермолаю написать буквально три-четыре слова. Что Сергеев и сделал. После этого он направился к самолету...

— Привет, лейтенант! — бросил майор Теплов, командир самолета.

Сергеев подошел к стоявшим у самолета троем членам экипажа.

— Здравия желаю, товарищи летчики!

— И тебе не хворать! Как отдохнул?

Сергеев махнул рукой.

— Какой отдых! — воскликнул. — Попал в переплет, перестрелка, два труп.

— Лихой ты мужик, лейтенант, — весело бросил майор. — Залезай в салон, через пятнадцать минут взлетаем.

— Это хорошо, хоть выплуюсь. Как там Новосибирск?

— Стоит, все там путем. Тебе все передавали приветы, большие и теплые...

Ленинград, Набережная реки Мойки, д. 33, кв. 33...

В начале 1941 года в результате сложного обмена Пехоев переехал на Мойку. В престижный, исторический центр города, буквально в двух шагах от Дворцовой площади. Из доставшейся ему старой обшарпанной квартиры он сделал «конфетку».

В самом начале войны Пехоев отправил жену и троих детей на родину жены, в Краснодарский край, в теплые и сытые края. Огромную пятикомнатную квартиру убирала приходившая пять

раз в неделю домработница. Сегодня ее не было, поэтому Пехоев привез с работы к себе молодую девушку. Дела шли хорошо, и он решил слегка развлекаться. Тем более, что в свои 55 лет Пехоев считал себя в расцвете мужских сил, поэтому после отъезда жены периодически приводил в дом молодых женщин. Любил, ох как любил он наслаждаться молодым женским телом! Снимать сливки с молоденьких! Порой до умопомрачения! Хотя было не всегда ясно, доставляло ли это удовольствие девушкам. Поскольку почти все они категорически отказывались приходить к Пехоеву снова...

Девушка была совсем молодая, летом закончила десять классов. Она, раскрыв рот, рассматривала квартиру-музей. Довольный хозяин быстро накрыл красиво сервированный и весьма изобильный для блокадного города, стол. Сильно удивленная такому приему девушка жадно набросилась на еду, а хозяин усиленно поддывал ей вина. Конечно, при этом не забывая и свой бокал.

— Феликс Артурович, а почему вас «за глаза» называют Герцогом? — спросила уже слегка заплетающимся голосом, гостья.

— Потому, что я действительно потомственный герцог, — стандартно отвечал хозяин на часто задаваемый вопрос, приложив палец ко рту, тихо добавлял: — Только об этот ни-кому, — теща молодое женское самолюбие, добавлял еще. — А ты, сладкая моя, представь себя сейчас герцогиней...

После ужина веселая, разгоряченная парочка отправилась в розовую спальню...

Ермолай сделал себе импровизированную кровать и прекрасно поспал. Потом поел и снова вздремнул...

Внезапно проснулся и понял, что невдалеке стреляют. Сразу прилип к иллюминатору и увидел воздушную дуэль нашего «ястребка» с немецко-фашистским истребителем. Где-то рядом с корпусом самолета просвистела пулеметная очередь. За ней вторая, третья. Пули, показалось, заделали обшивку самолета, крыло.

«Дела!» — воскликнул Ермолай.

Между тем, их самолет резко пошел вниз. Ермолай увидел внизу городские кварталы Ленинграда.

«Кажется, ушли...».

Вскоре они благополучно приземлились на знакомом аэродроме.

Сергеев постучал в дверь кабины пилотов и крикнул:

— Как там наш ястребок?

Дверь отворилась, показался усталый майор Теплов.

— Наши оба ястребка благополучно направились на свой аэродром. В бою был сбит фашистский истребитель.

— Ура! — воскликнул Ермолай.

— Вольно, лейтенант, — улыбаясь, бросил майор. — Прибыли на конечную точку маршрута.

— Спасибо вам, братцы...

Ленинград, Набережная реки Мойки, д. 33, кв. 33...

На большой кровати лежат и спят, лежа на спине, обнаженные мужчина и девушка. Уже не молодой, полноватый, загорелый, с изрядным волосяным покровом и татуированными знаками на теле мужчина слегка похрапывает. На лице его запечатлелась довольная улыбка. Девушка дышит спокойно и ровно. Но что это? На ее молодом, гармоничном белом теле от шеи до живота следы засосов, видны также темные гематомы и ссадины. На распухших губах запеклась кровь, следы крови и в паху на волосяном лобке, и рядом на простыне...

Вот девушка открывает глаза, лицо приобретает страдальческое выражение. Она косится на мужчину и беззвучно плачет, и плачет... Но вот она уже не плачет и, кажется, принимает какое-то важное решение. Девушка осторожно и медленно приподнимается и аккуратно слезает с кровати. Встает на ноги, ее слегка покачивает. Секунда-другая, и она на цыпочках выходит из спальной комнаты. Вот она в гостиной, где накрыт большой стол и стоит запах пищи.

Немного подумав, девушка подходит к столу и берет в руку столовый нож. Подумав еще секунду-другую, берет и второй.

Осторожно ступая, возвращается в спальную комнату, медленно подходит к кровати.

С ненавистью смотрит на спящего мужчину, что-то шепчет про себя. Замахивается рукой с ножом и... вонзает его в шею спящему мужчине. Бедняга открывает глаза, хватается руками за шею, из которой хлещет кровь. Что-то невнятно бормочет:

— ...Мерзавка... помоги...

Девушка вторым ножом решительно отсекает мужской половой член. Мужские полные ужаса глаза буквально вылезают из орбиты, он что-то невнятно остервенело кричит и ругается. Из шеи его и из места, где недавно находился половой орган, хлещет кровь. Девушка отрешенно-безучастно смотрит на страшные мужские мучения...

Дверь салона распахнулась, Сергеев спустился вниз на землю, шел небольшой дождик.

Самолет встречали серьезные майор Истомин и капитан Максимов.

— Ну как, Ермолай? — спросил майор, крепко поживая руку.

— Все по плану, Николай Максимович. Задания выполнены, вам привет от Молевой. Там на Урале уже снег выпал, а у вас тут, я гляжу, плюсовая температура.

Истомин улыбнулся.

— Спасибо. При случае ей тоже передавай привет. Она баба дельная, правильная.

«Да уж», — мысленно согласился с оценкой Молевой и усмехнулся Ермолай.

— А насчет температуры — Ленинграду пока везет, — изрек Максимов. — А в остальном, брат, не очень.

Пожал руку Сергееву, похлопал по плечу.

Команда приступила к выгрузке самолета.

Истомин, Максимов и Сергеев направились к деревянному аэродромному домику.

— Мне сообщили, что ты по дороге в свое хранилище мужчину-железнодорожника грохнул, — вымолвил Истомин.

Ермолай посуровел лицом.

— Было дело, было. Он гад, убил водителя-женщину, хотел и меня прикончить.

— Сейчас наши разбираются с этой личностью. Он тебя, видимо, в аэропорту заприметил.

— Очень похоже на это.

— Разберемся.

— Хотелось бы, Николай Максимович. Дабы не ждать пули от неизвестно кого и неизвестно за что...

Ленинград, ул. Итальянская, д. 3, кв. 45...

Сонет достал из своих запасов бутылочку французского коньяка. Сегодня был для этого повод, он передал связному 8 картин из списка Риббентропа. Казавшееся вначале невыполнимым задание успешно начало реализовываться. Конечно, помогли сложившиеся еще до войны связи министерства иностранных дел с ленинградскими коллекционерами. Пехоев сработал на удивление быстро. Но вот второго рекомендованного коллекционера Сонет так и не нашел. По непроверенным данным, он покинул город.

Сонет понимал, что долго работать с Пехоевым нельзя. «Кладовщик» (такую кличку дал Пехоеву Центр) наверняка скоро привлечет внимание русских правоохранительных органов. А в казематах чекистов он, несомненно, быстро расколется. Поэтому резидент, готовя пути отхода от Кладовщика, одновременно запросил данные на новых ленинградских коллекционеров.

Довольный Сонет потягивал напиток и строил планы на будущее.

«Служба службой, война скоро закончится нашей победой, — рассуждал довольно. — Неплохо было бы приобрести и лично для себя несколько художественных шедевров. Не всю же жизнь мне работать на алчного Риббентропа...».

Достал сигару и продолжил строить радужные планы. В памяти всплыла финская любовница Магда...

Глава 10

Истомин, Максимов и Сергеев трапезничали за столом, вели неспешные разговоры. Подал сигнал телефон.

Максимов поднял трубку, представился, затем с минуту слушал.

Бросил:

— Есть, — и положил трубку.

Взглянув на присутствующих, капитан вымолвил:

— Один наш «ястребок» сопровождения не дотянул трех километров до аэродрома и упал. Летчик погиб. Начальство снова изменили время вылета с грузом, самолет будет взлетать в 4 часа утра. Его будет сопровождать тройка истребителей, — и снова принялся за еду.

«Жаль летчика, — взгрустнул Ермолай. — Число жертв нашей операции растет...».

— Почему не десять «ястребков»? — усмехнулся Истомин. — Начальники не понимают, что тем самым мы просто привлекаем внимание фашистов. Я уж не говорю об их разведке.

— Может, они теперь время каждого вылета будут менять, — предположил капитан. — Чтобы запутать фрицев.

«А что, тоже вариант», — подумал Ермолай.

— Ладно, не будем гадать, — выдал Истомин. — Приказ есть приказ, его надо выполнять...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

Генерал Янагиту, начальник ИРУ, получил донесение от своего спецагента под кодом Гранит. Спецагент сообщил, что ему

удалась операция на Забайкальской железной дороге вблизи города Чита. Было взорвано почти сто метров железнодорожного полотна. Два железнодорожных состава с военной техникой и амуницией были пущены под откос.

Генерал довольно потер руки. Гранит был одним из самых эффективных агентов, работавших в России.

Генерал вызвал адъютанта и приказал подготовить рапорт на имя командующего Квантунской армией об успехах разведки.

— Подготовьте также, — подумав, добавил Янагиту, — представление на награждение агента Гранита э... — задумался на пару секунд, — Орденом Золотого Коршуна III степени (одна из высших наград Японии во времена Второй мировой войны).

До пункта назначения добрались без приключений.

Два грузовых и один легковой ГАЗоны въехали во внутренний двор Зимнего дворца. Ермолай увидел стоявшие две бронемашины защитного цвета с пулеметами.

В это время из здания вышли академик Понаровский и капитан Ильиных. Из прибывших машин вышли Истомин, Максимов и Сергеев.

— Здравствуйте, товарищи офицеры, — громко вымолвил академик. — Все будем делать как всегда? — и раскашлялся.

— Как всегда, — ответил Истомин, кивнул в сторону бронемашин. — Выделили для охраны?

— Да, в городе неспокойно. Большое начальство распорядилось выделить для охраны музея два броневедомокола БА-20 с экипажем, во главе с лейтенантом, и боекомплект, — ответил Ильиных. — Одна из них будет вас с грузом сопровождать до аэропорта.

— Солидно, — весело буркнул Максимов. — Ну, теперь держитесь, диверсанты.

На юмор капитана никто не отреагировал. Лишь академик сухо сообщил, что два дня назад на дворец упали две бомбы.

К Истомину подошел и отвел в сторонку капитан Ильиных. Они о чем-то быстро переговорили.

— Товарищи, начинайте погрузку, — бросил Истомин, — а мы с капитаном отлучимся на некоторое время...

Ленинград, Набережная реки Мойки, д. 33, кв. 33...

Истомин и Ильиных зашли в квартиру.

— Пятикомнатные хоромы, — изрек капитан, выругался. — И это советский чиновник, — прошел вперед.

Они оказались в большой комнате, все стены которой были увешаны большими и малыми картинами в искусных рамах. Впечатляла изящная мебель, огромная хрустальная люстра под потолком, две большие вазы и масса всяких безделушек из фарфора и металла.

— Не гостиная, а музей, — выдавил капитан.

— Интерьерчик действительно музейный, — озираясь, вставил Истомин. — Но, Пехоев же был истинным коллекционером. Нужно будет оперативно оформить необходимые документы на картины и по законам военного времени все конфисковать.

— Правильно, — поддержал капитан. — И передать все в музей, скажем, в Эрмитаж.

Обратили внимание они и на сервированный, богато накрытый блюдами и напитками стол.

— Вино, коньяк, балык, колбасы, рыба, конфеты, шоколад, — зло изрек Ильиных. — Ну, все есть! — ругается. — Как будто и нет войны! Ешь, пей, гуляй! — зло выругался.

Офицеры прошли в спальную комнату в розовых тонах. На большой scomканной кровати лежала окровавленная простынь, подушка. Кровь была заметна и на лежащем на полу большом ковре.

— Значит, любил молоденькую клубничку, — усмехнулся Истомин.

— Точно, любил. От нее позорно и сгинул, — также усмехнулся капитан. — Туда ему и дорога.

— Жаль, что теперь мы уже не раскрутим всех его связей, — вымолвил Истомин.

— Попробуем, конечно, — неуверенно изрек капитан. — Но без Пехоева это будет сделать сложно. Чуть не забыл, следователь, ведущий дело, сообщил мне о наличии на теле мертвеца татуированных знаков. Часть из них свидетельствует о местах пребывания Пехоева в местах заключения.

— Интересно? Как же он пролез на высокую должность!? — удивленно бросил Истомин. — Или он жил по чужим документам?

— Следствию придется хорошо поработать, — сказал капитан...

Погрузка экспонатов в грузовики подходила к концу, когда появился озабоченный майор Истомин.

— Николай Максимович, что-то случилось? — спросил Сергеев.

— Да. Убит известный в городе коллекционер по фамилии Пехоев, имевший кличку в определенных кругах Герцог.

«Пехоев? Герцог?..» — напряг память Ермолай.

— Какое это имеет отношение к операции «Театр»?

— Прямое, друг, — ответил майор. — В блокадном городе расцвел теневой рынок купли-продажи художественных произведений. Мы полагаем, что в нем также участвуют немецкая и финская разведки. Из многих музеев города исчезают художественные шедевры, в том числе воруют и из Эрмитажа. Улавливаешь, Ермолай?

— Теперь да.

— Через Пехоева мы хотели заглянуть в этот теневой рынок, узнать исполнителей, заказчиков, ну и прочих заинтересованных лиц. И вот он убит, понимаешь.

— Убит специально? Дабы замести следы?

— В том-то и дело, что нет, убит простой молодой любовницей. Видимо, он во время секса поиздевался над ней, вот она и не выдержала. Жестоко прикончила ловеласа. А нам теперь надо искать новые выходы на теневой художественный рынок...

Восточная Пруссия, вила в Штейнорте, резиденция рейхсминистра Риббентропа...

В комнате, все стены которой были уставлены шкафами с книгами, у шахматного столика стоял представительный мужчина в белой рубашке и зеленых военных галифе. Очевидно, он играл сам с собой и в данный момент обдумывал очередной ход. Рядом стояла тарелочка с баварским голубым сыром.

Но вот мужчина, рейхсминистр Риббентроп, решительно развернулся и обратил свой взор на восемь картин. Каждая из них находилась на подрамнике и индивидуальной подставке. Они все стояли в ряд.

«Картины из блокадного Ленинграда, — медленно обходя и рассматривая творения мастеров кисти, раздумывал рейхсминистр. — Молодец Сонет, быстро сработал. Надо будет его отметить Рыцарским крестом с дубовыми листьями (одна из высших наград Третьего рейха, награждались орденом за выполнение особо трудных заданий и проявленную отвагу в бою)».

Любуясь работами, какое-то время он раздумывал над историей их создания.

«И это только начало, малый ручеек питерский, — довольно раздумывал Риббентроп. — Скоро этот ручеек должен превратиться в настоящую полноводную реку, — улыбнулся. — Мой каталог будет стремительно расти и расти...».

Стал мечтать о своем любимом детище — музее изящных искусств своего имени... Бросил в рот кусочек сыра...

Вошел секретарь и учтиво вымолвил:

— Прошу прощения. Прибыл пастор Краузе.

«Духовный наставник прибыл в неурочное время, — подумал Риббентроп. — Значит, будет что-то просить», — вяло бросил:

— Пригласите и сделайте нам кофе.

— Слушаюсь, — выдавил секретарь и быстро удалился...

После окончания погрузки академик Понаровский буквально прослезился. Крепко обнял Сергеева и долго напутствовал.

— Товарищ лейтенант, непременно передавайте от меня приветы сибирякам. Они великое, просто величайшее дело делают.

— Конечно-конечно, Эльдар Иосифович.

— Пусть они хорошо берегут художественные сокровища...

«Неважно академик выглядит, — рассматривая старика, раздумывал Ермолай. — Кашель у него неприятный, как бы не заболел».

Наконец колонна из легкового ГАЗона, двух грузовых машин и броневедомки медленно двинулась в путь по вечернему городу...

Сергеев находился в кабине грузовика, следующего за легковым ГАЗоном с майором Истоминым. Ермолай посматривал по сторонам, прислушивался к звукам. Откуда-то издали, возможно со стороны Карельского фронта, доносилась приглушенная канонада.

Внезапно справа послышался выстрел. Ермолай увидел, как из одной подворотни выбежал мужчина. Достал из-за пазухи что-то. О! Да это армейская граната! Размахнулся... В это время откуда-то сзади раздалась пулеметная очередь. Мужчина с гранатой содрогнулся и упал на землю. Моментально послышался взрыв, это рванула граната...

«Да!?» — успел подумать Ермолай.

Легковой ГАЗ устремился вперед. За ним, прибавив ходу, направились машина с Ермолаем, следом второй грузовик, броневедомка...

Кенигсберг, штаб-квартира Абвера в Восточной Пруссии, кабинет начальника...

Агент Парис сработал оперативно на Урале по уточнению ситуации с агентом Яннисом.

Адмирал Канарис второй раз, уже неспешно, читал его сообщение, сообщение безрадостное. Канарис был лично знаком с Яннисом, неоднократно доверял ему сложные задания. Но

это было в Европе, а в России, — в России все далеко не так... В интересах дела Яннис в 1940 году быстро освоил русский язык, с хорошей легендой закрепился на Урале, в промышленном центре России. Прислал несколько содержательных сообщений о развивающемся военно-промышленном комплексе русских...

Отложив депешу, адмирал задумался:

«Жаль погибшего Янниса, хороший был агент. Он один стоил десяти. Увы, на войне убивают, тем более в тылу врага... А русский Хранитель, этот Сергеев — живуч, снова ушел... Видимо, Яннис недооценил его... Что предпринять дальше?..».

У КПП аэродрома легковой ГАЗон резко затормозил. Из машины вышел майор Истомин и направился к затормозившей сзади машине Сергеева. Ермолай быстро вышел из машины. Из остановившегося за ним грузовика вышел капитан Максимов, из бронеавтомобиля — лейтенант в черной форме танкиста.

— Молодец, лейтенант! — громко бросил Истомин. — Быстро среагировал на угрозу справа. Если бы не твоя стрельба, террорист мог бы подорвать нашу машину. Мог бы завязаться бой с непредсказуемыми последствиями для нашего груза.

— Я сейчас быстро прозвоню, сообщу о нападении дежурному по городу, — сказал Максимов.

— Да, — согласился Истомин. — А вы, лейтенант, можете возвращаться на охрану музея. Мы тут сами управимся. Я доложу по инстанции о вашей хорошей и четкой работе.

— Есть, — козырнул лейтенант и направился к бронеавтомобилю.

— Сергеев, давай на выгрузку груза из машин и погрузку его в самолет. Не забыл, вылет в 4 часа утра? — строго вымолвил Истомин.

— Не забыл, — ответил Ермолай.

— А мы, Максимов, — быстро продолжил майор, — идем к тебе в кабинет. Будем докладывать о нападении по телефону начальству. Ну и получать нагоняй...

— А причем тут мы? — изрек капитан. — Мы действовали правильно, дабы сохранить груз...

— Идем-идем, узнаешь капитан. У начальства всегда виноват подчиненный...

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

В квартиру вошел Василий с сумкой в руках. Быстро сбросил пальто, шапку и прошел в гостиную.

— Федор! — воскликнул родственник. — Новость-то какая! Герцога убили!

Калиновский (Негоциант) сидел в кресле недалеке от горящего и потрескивающего камина и просматривал архитектурный журнал.

Закрыв журнал и взглянув на взволнованного родственника, он тихо изрек:

— Ты что такое говоришь, Василий? Герцог живет всех живых!

— У продуктового магазина, что в двух кварталах, барыги болтали, что Пехоева убила его же любовница.

«Пехоев убит!? — воскликнул Калиновский. — Убит любовницей!? Да!? Если так, то... Я его знаю, — прикинул, — э... лет 25?... Было хорошее, плохое... Убили!? Что это мне даст сейчас?... — задумался. — А может, это враки?..» — выдавил:

— Как-то в это не верится.

— Ну, точно, Федор, точно. Мне Глашка в магазине подтвердила. Герцог в дом девку молодую привел, ну там покувыркались. Он уснул и... не проснулся.

«Девку в дом... похоже на него», — усмехнувшись, подумал Калиновский.

Сам он был равнодушен к женщинам. В 18 лет он по уши влюбился в красивую, но зрелую женщину, все выложил ей. Она спокойно выслушала, рассмеялась, назвала ничтожеством. После этого Калиновский утратил интерес к противоположному полу.

«Видимо, обидел девчонку, — прикидывал, — а она оказалась не промах. Наверняка, грабанула хозяина... Дела! Герцог мертв! Что будет с его коллекцией, картинами? Они у него дома и на загородной даче... Впрочем, мое дело здесь сторона...» — задумался.

Пехоев знал кое-что неприятное из биографии Негоцианта, порой давил авторитетом, заставлял проворачивать неблагоприятные дела... С другой стороны, Герцог неоднократно помогал ему...

Погрузка груза с музейными экспонатами в самолет прошла по обычной схеме и в обычное время. Все это время Ермолай раздумывал о нападении на колонну. Его мучил вопрос:

«Нападение было случайным или спланированным?..».

Закончив погрузку, Истомин, Максимов и Сергеев быстро перекусили. Трапеза проходила молча, каждый думал о своем. Истомин был определенно зол, капитан тоже постоянно хмурился.

«Видимо, хорошо досталось им от начальства», — решил Ермолай.

Он хотел спросить майора, полетит ли он с ним? Но так и не решился этого сделать.

После окончания трапезы Истомин изрек:

— Ну, Ермолай, желаю тебе удачного полета и выполнения задания. Всем знакомым передавай приветы.

— Хорошо. Какие будут особые задачи?

— Никаких особых задач не будет, обычный рейс до Новосибирска и обратно.

— Ясно. А вы?

— Мне, как видишь, работы здесь хватает.

— Кто же мог так нагло и открыто напасть на колонну?

Майор устало выдавил:

— По данным нашей разведки, Абвер забрасывает в город группы диверсантов. Вероятно, одна из них в составе двух человек и напала на нас. Одного от взрыва гранаты разнесло на

мелкие кусочки. Труп второго сейчас милиция пытается идентифицировать.

Сергеев кивнул.

— Да, Ермолай, — продолжил Истомин, — в Новосибирске поговори с майором Апальковым по теракту в театре. Узнай, какие меры они принимают по усилению охраны театра, — ожесточился лицом. — Еще не хватает, чтобы диверсанты в нашем тылу спалили театр с художественными сокровищами страны. Мы здесь пластаемся, спасаем их, рискуем жизнями, а там... — выругался.

— Я все понял...

В заданное время самолет, натужно гудя и слегка вибрируя, взмыл в темное, ночное небо...

Ленинград, Комендантский аэродром...

После отправки самолета Истомин и Максимов раздумывали о мероприятиях по усилению безопасности перевозимых с Эрмитажа на аэродром экспонатов.

— Может, стоит поменять маршрут транспортировки по городу? — предложил капитан.

Майор кивнул:

— Можно и поменять. Но надо подумать...

Дверь в кабинет с шумом распахнулась, и вошли две женщины. Впереди испуганная женщина в пальто, платке, со связанными руками и сумкой. За ней с винтовкой в руках — полная, покрасневшая охранница аэродрома в телогрейке и шапке.

— Ты что, Мордвинова, не знаешь устав? — крикнул капитан. — Врываешься...

— Товарищ капитан, — решительно изрекла охранница, — это она, паскуда, приходила ночью, угощала, наливала мне, спрашивала, деньги совала. И паскуда сегодня притащилась, но я ее быстро...

— Молодец, Мордвинова, — поднимаясь со стула, бросил Истомин. — Сейчас мы с ней поговорим. А ты, Мордвинова, отправляйся на пост.

— Есть, товарищ майор, — изрекла улыбающаяся охранница и вышла из кабинета.

Истомин поставил перед женщиной в пальто табурет и вымолвил:

— Присаживайтесь, нам предстоит серьезный разговор. От его исхода будет зависеть ваша жизнь.

Озираясь, женщина осторожно присела.

— Да что с ней церемонится! — крикнул капитан, ругнувшись. — Расстрелять как врага!

Женщина испуганно заморгала.

— Мы будем с ней церемониться, если она честно ответит на наши вопросы, — тихо изрек Истомин. — Как, вы будете честно говорить?

— Я хочу жить, — тихо выдавила женщина. — Я буду говорить и отвечать, — заплакала.

Майор и капитан переглянулись.

— Кто вы? — спросил Истомин.

— Агент Абвера под псевдонимом Алекто. Была заброшена два месяца назад...

Сергеев как обычно оборудовал себе место у иллюминатора. По ощущениям, самолет не спешил набирать высоту. Внизу на земле сверкали редкие огни. Сверху над ними слышались звуки наших «ястребков». Но вот слышались и другие звуки...

Внезапно громко раздались звуки выстрелов, мелькнули трассирующие пулеметные очереди.

«Фашистские самолеты! — воскликнул Ермолай. — Неужели они нас поджидали?..».

Кажется, одна очередь прошла по самолету, по задней его части. Он неприятно задрожал, сделал небольшой вираж, изменил курс.

Звуки выстрелов прекратились. Сергеев прилип к иллюминатору, но кругом была темень. Самолет пошел вверх, но как-то быстро снова лег на старый курс.

«Похоже, оторвались», — подумал Ермолай.

Дверь кабины летчиков открылась, вышел один из членов летной команды. Он стал боком протискиваться между грузом и бортом к хвосту самолета. Недолго пробыв там, вернулся обратно. Снова, ничего не говоря, прошел в кабину.

«Ну, и ладно, фашистов миновали. Перекусить что ли?» — прикинул Ермолай...

Как ощутил Сергеев, в салоне стало холодать. За бортом слегка просветлело, в иллюминатор просматривалась земля, вернее, ее пожухший лесной покров. Изредка мелькали речки и озера. Внезапно появился и быстро проскочил одиноко стоящий белокаменный храм с колокольней и миниатюрным кладбищем рядом.

Вот дверь кабины летчиков распахнулась, показалась голова майора Теплова.

— Живой, лейтенант?

— Живой.

— Задели нас фашистские гады из крупнокалиберного пулемета по хвостовой части, нарушили герметизацию грузового салона. До Свердловска можем не дотянуть.

«То-то стало холодать», — приуныл Ермолай, бросил:

— Надо постараться, товарищ майор.

— Постараемся, но ничего не гарантирую. Возможно, придется сделать экстренную посадку.

— А где мы сейчас летим?

— В районе города Череповца...

Ленинград, ул. Итальянская, д. 3, кв. 45...

Сонет попытался выйти еще на одного коллекционера, координаты которого ему предоставил Центр. Но безуспешно. По словам соседей, сей господин, прихватив свои художественные ценности, покинул город в первые же дни войны...

Сонет снова обратился к Кладовщику-Пехову. Рабочий телефон коллекционера молчал.

«Усиленно трудится», — усмехнулся Сонет.

Он уже прекрасно понял психологию коллекционера, за новую интересную картину он может продать что угодно.

Через час Сонет снова позвонил, и снова никто не ответил. Лишь на третий звонок ответил... женский голос.

— Товарищ Пехоев умер, — прозвучало как гром среди ясного неба.

— Как? — автоматически спросил Сонет.

— Я не знаю подробностей, обратитесь в милицию...

Пораженный Сонет положил трубку и глубоко задумался:

«Умер Кладовщик... Только начали работать... Это случайно, то есть естественная смерть или нет?.. Чем это грозит для меня?.. В милицию обратиться я не могу... Что делать?..».

Копаться в причинах и подробностях смерти коллекционера Пехоева определенно не хотелось.

«Впрочем, может, это и к лучшему, — быстро решил резидент. — Оборвутся его связи со мной».

Сонета очень интересовала личная коллекция Пехоева. Центр снабдил его домашним адресом Кладовщика. Действовать надо было быстро...

Набережная реки Мойки, д. 33, кв. 33...

К опечатанной двери подошел сгорбленный пожилой мужчина в шапке, телогрейке, кирзовых сапогах. Медленно осмотревшись по сторонам, что-то тихо пробубнил себе под нос. Вполне возможно, молитву. Затем достал из кармана связку ключей и стал, подбирая их, открывать дверной замок. Но он упрямо никак не хотел открываться. Мужчина проявил упорство в достижении задуманного. И лишь под напором шестого ключа непростой замок сдался, дверь распахнулась. Мужчина быстро прошел в квартиру, плотно прикрыв дверь...

Вскоре в грузовом салоне стало еще холоднее. Еромолай надел на себя все, что можно было. Самолет сделал небольшой

вираж в южном направлении. В голову полезли неприятные мысли. Ермолай попытался думать о чем-то приятном, стал вспоминать девушку Раю-красу с льняными волосами и косой...

Дверь кабины летчиков распахнулась, вышел командир экипажа, озабоченный майор Теплов. Строго спросил:

— Живой, лейтенант?

Сергеев встрепенулся, выдавил:

— Пока живой. Как наши дела?

— Неважные. Из-за пробоин в корпусе и излишнего сопротивления мы вынуждены тратить больше горючего.

Сергеев кивнул.

— Я думал, — продолжал майор, — что мы дотянем до Урала, ну или хотя бы до Молотова (Перми), промышленного центра. А там подлататься можно немного, дозаправиться и прямо на Новосибирск. Но не получается, понимаешь.

— А что получается? — спросил Ермолай.

— Не дотянем мы до Перми, по-всякому. Поэтому сейчас мы идем на Горький (в настоящее время городу вернули изначальное, историческое имя — Нижний Новгород).

Ермолай включил свои географические и прочие познания. Тихо выдавил:

— В Горьком построен авиационный завод...

— Правильно мыслишь, лейтенант! — воскликнул майор. — Там нас, с помощью вашей службы, быстро и отменно подлатают, заправят. Ну, и полетим дальше. Как мой план?

— Согласен, — выдавил Ермолай.

— Правильно. Тогда пойдем к нам в кабину, лейтенант, я тебя по радиосвязи соединю с твоим ГРУ в Москве. Пусть они нам организуют теплый прием в Горьком.

— Пойдем.

Вскоре Сергеев переговорил с полковником Селезневым...

Глава 11

**Ленинград,
Набережная реки Мойки, д. 33, кв. 33...**

Истомин и Ильиных снова находились в большой гостиной комнате квартиры Пехоева. Но на этот раз помещение выглядит не так ярко и выразительно, как в их первое посещение. Большой стол оказался пуст, но главные изменения произошли на стенах. Почти все искусные рамки для картин зияли черной пустотой.

— ...Вырезаны полотна из 23 рамок, — неспешно поясняет пожилой лейтенант милиции. — Остались на своих местах 11, очевидно, наименее ценных холстов.

— М-да, — выдавил капитан Ильиных. — Пока мы оформляли документы на передачу коллекции Пехоева в музей, лица, которые несомненно знали об этой коллекции, элементарно обчистили квартиру. Как они это лихо так сделали, участковый?

— Никакой охраны квартиры не было, — вяло ответил лейтенант, — у нас просто нет людей. В соседней квартире в данный момент никто не живет. Но одна женщина из соседнего подъезда в окно видела, как из подъезда выходил пожилой, сторбленный мужчина с большим пакетом.

Истомин и Ильиных внимательно слушали.

— Вор-мужчина определенно открыл ключом дверь и потом ее снова закрыл, — продолжал лейтенант. — Я проверял, замок физически практически не нарушен.

— Вор-домушник просто пришел, открыл дверь и просто ограбил квартиру коллекционера! — воскликнул капитан и раскашлялся.

— Как минимум, была некая наводка, — бросил лейтенант.
— А я думаю, была сыграна более тонкая партия, — задумчиво вставил Истомин.
— Может, Пехоев оставлял кому-то ключи, — предположил лейтенант. — Этот кто-то вошел и забрал картины.
— Вариант, — изрек капитан.
— Одним словом, предстоит серьезно покопаться в деле Пехоева, — хмуро выдавил майор...

В грузовом салоне было очень холодно, Сергеев изрядно продрог. Но самым печальным было то, что самолет изрядно колбасило. Он скрипел и трясся как дряхлый старик.

«Долетим, не долетим?.. Разобьемся, не разобьемся?..» — хмуро гадал Ермолай.

Он сидел у иллюминатора и смотрел вниз, на землю. Она, то приближалась, то отдалялась, то уходила куда-то в сторону. Возникло серое облако...

Внизу показалась большая река.

«Никак матушка Волга! — воскликнул Ермолай. — Значит, вот-вот и город Горький будет».

Действительно, впереди показалось большое поселение.

Вскоре самолет, натужно гудя и вибрируя, пошел на снижение. Сделал один небольшой круг и... жестко приземлился...

Из кабины летчиков вышел майор Теплов. Прошел к двери салона, открыл и устало бросил Сергееву:

— Фу! Земля под нашими ногами, лейтенант. Трап подан, прошу на выход.

— Спасибо, товарищ майор.

Майор спустился на землю, за ним последовал Ермолай. Ярко, почти по-летнему светило солнце, вокруг виднелась пожелтевшая трава, обдувал легкий ветерок. Невдалеке стояли какие-то производственные корпуса, дальше — жилые дома.

— Это Сормово, промышленный район Горького, — озираясь по сторонам, вымолвил майор. — Мы приземлились на взлетно-посадочную полосу авиационного завода.

К самолету приближался легковой ГАЗон.

Вот он затормозил невдалеке, из машины вышли две женщины и один мужчина. Троица направилась к самолету.

Мужчина в очках и пальто оказался уже в возрасте. Женщины средних лет были одеты в армейские шинели. Одна — без знаков различия, судя по петлицам второй, она являлась старшим лейтенантом.

— Здравствуйте, товарищи. Я, старший лейтенант ГРУ Красной армии Осина, в рамках своих полномочий курирую авиационный завод Горького. Со мной главный инженер завода — товарищ Коган и ведущий технолог — товарищ Жохина.

Майор Теплов и Сергеев быстро представились.

— Мы в курсе вашей беды и готовы оказать содействие, — энергично продолжала старший лейтенант. — Может, вы сразу, товарищ майор, пройдете с нашими специалистами к самолету и определите фронт работ?

— Да, пожалуй, — согласился майор и направился к хвостовой части самолета.

За ним последовали Коган и Жохина.

Старший лейтенант достала из кармана шинели пачку папирос «Беломорканал» и, внимательно рассматривая Сергеева, изрекла:

— Закурим что ли, лейтенант.

— Спасибо, но я не курю.

Старший лейтенант неопределенно кивнула, убрала папиросы снова в карман и спросила:

— Как там Ленинград?

— Трудновато там сейчас. Но он держится и борется.

— Хорошо, — улыбнувшись и обнажив прокуренные желто-серые передние зубы, изрекла женщина. — Ну что, проедем в здание заводоуправления в мой кабинет? — подмигнула. — Доложим в Москву? Почаевничаем? Поговорим?

Ермолай задумался.

— Ведь ты наверняка не женат, — хохотнула женщина. — На войне все мужики холостые. А я точно холостая.

«Вроде обычная женщина. Но что-то в ней есть неприятно-отталкивающее, — подумал Ермолай. — И это двусмысленное подмигивание, намеки», — строго ответил:

— По инструкции не могу покинуть груз. А доложить можно и уже перед взлетом.

Старший лейтенант улыбнулась-оскалилась шире.

— Какой ты строгий и серьезный, лейтенант. А ведь совсем еще молодой и наверняка точно не женатый. Откуда ты будешь такой?

— Родом из Ленинграда.

Женщина закивала.

— Впечатляет. Что вы этакое везете из блокадного города?

«Глупый или провокационный вопрос?» — на секунду-другую задумался Сергеев.

— Если вам, товарищ старший лейтенант, не сообщили о характере груза...

— Значит, мне не положено это знать, — закончила предложение Ермолая Осинава.

— Примерно так, — согласился Сергеев.

В это время к ним подошли серьезный майор Теплов и двое заводских специалистов.

— Товарищ Коган, доложите обстановку, — став суровой на лицо, строго изрек старший лейтенант.

— Пожалуйста, — тихо вымолвил главный инженер. — Обнаружено в задней части фюзеляжа и хвостовом оперении самолета двадцать пулевых пробоин разной величины. Пробоины от стрелкового оружия, их вполне можно оперативно заделать нашими латунными и алюминиевыми заклепками разных размеров.

— Сколько на это уйдет времени?

— Думаю... часа два.

«Не так все плохо», — решил Ермолай.

— Действуйте, — отчеканила старший лейтенант.

— Нам потребуется машина, — вставил Коган, — чтобы проехать в заводские корпуса, взять материал, инструменты и двух специалистов.

Старший лейтенант кивнула в сторону ГАЗона и вымолвила:

— Машина в вашем распоряжении. И дайте еще команду, чтобы самолет дозаправили топливом.

Коган и Жохина быстро направились к машине.

— Дисциплина у вас на уровне, — весело бросил майор.

— Мы работаем на строго режимном предприятии, — жестко изрекла старший лейтенант. — А без дисциплины, вообще говоря, невозможно выиграть войну.

Сергеев и майор переглянулись. Спорить или вступать в полемику они не стали.

— Кстати, майор Теплов, вы в курсе, какой груз везете? — строго спросила женщина.

— Нет.

Женщина удивленно вскинула брови.

— Как это может быть?

— Для меня важно, чтобы не было перегруза, и чтобы груз был аккуратно, в соответствии с инструкцией, закреплен в салоне. А за сам груз отвечает его хранитель, то бишь лейтенант Сергеев. Его, ха-ха, и спрашивайте о характере груза.

Осинова определенно недовольно, если не сказать подозрительно, ухмыльнулась.

«Блин... — ругнулся Ермолай. — Точно, не в меру любознательная эта старший лейтенант...».

Восточная Пруссия, вила в Штейнорте, резиденция рейхсминистра Риббентропа...

Риббентропу внезапно позвонил из Берлина Мартин Борман. После майского (в 1941 году) странного бегства Рудольфа Гесса в Великобританию, Борман стал делать стремительную карьеру: возглавил Партийную канцелярию НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия); стал секретарем

фюрера; наконец, назначен имперским министром без портфеля и членом Совета обороны Третьего рейха.

Риббентроп мало знал Бормана и с крайним подозрением относился к такого рода выскочкам. И вот, неожиданный звонок по закрытой линии.

— Приветствую лучшего министра иностранных дел Германии! — после обычного нацистского приветствия, весело изрек Борман.

— Приветствую рейхсляйтера, министра и члена Совета обороны рейха, — также после стандартного приветствия, вымолвил Риббентроп.

— Вы знаете, Иоахим, я к вам с просьбой.

«А еще может быть с чем!?» — усмехнулся рейхсминистр, учтиво изрек:

— Я весь во внимании, Мартин.

— Спасибо. Я реконструирую помещение партийной канцелярии, частично — секретариат фюрера, и оборудую свой министерский кабинет. Полагаю, было бы уместным поместить в этих помещениях несколько художественных полотен мирового уровня. Тем самым утвердить наше стремление на мировое господство. Я слышан о вашей коллекции картин, пополняемой из Восточной Европы. И полностью одобряю вашу деятельность на благо Великой Германии в этой части. А просьба моя заключается в следующем. Вы не смогли бы выделить несколько холстов на дело, которым я занимаюсь? В вашем художественном вкусе я полностью уверен.

«Партийная ищейка!? — воскликнул Роббентроп. — Дешевый выскочка!? Пронюхал о моей коллекции, и ее пополнении из России!? Кто ему сообщил? Канарис? Шеленберг? Или уже сам завел шпики в моем министерстве? — взял себя в руки. — Как все подвел, чинуша!? Уверен в моем вкусе!? Каково!? И отказать ведь нельзя, не для себя старается Борман...» — выругался про себя и вымолвил:

— Важное мероприятие вы затеяли, Мартин, и я конечно это поддерживаю и помогу, чем смогу.

— Я был уверен в вашем понимании, Иоахим...

Обмен любезностями и общий, неспешный разговор продолжался еще минуты три...

В этот же день Риббентроп определил, вернее будет — оторвал от сердца, десяток картин для Бормана.

Примерно через два часа главный инженер Коган сообщил, что все пулевые пробоины на самолете должным образом заделаны. К этому времени бензовоз с керосином пополнил баки самолета.

— Лайнер готов к вылету, — торжественно изрек майор и, обращаясь к заводским специалистам, добавил. — Огромное вам спасибо, товарищи, вы нас сильно выручили.

— Мы с удовольствием с вами сотрудничали, — добавил Коган. — Это вам спасибо, что, рискуя жизнью, выполняете государственно важное задание. Качество своей заводской марки мы гарантируем.

Строгая Осина в это время как-то отстраненно согласно кивала.

— Товарищ старший лейтенант, — обращаясь к ней, вымолвил Сергеев, — сообщите, пожалуйста, в Москву, что борт номер 13 продолжает выполнение задания.

— Хорошо, — строго бросила Осина. — Счастливой вам дороги, товарищи.

— Спасибо.

Сергеев и майор Теплов поднялись в самолет...

Ленинград, 21-е отделение милиции...

В комнате находятся двое мужчин. Старший лейтенант расположился в обшарпанном деревянном полукресле за рабочим столом. Посередине комнаты стоит мужчина в разорванной рубашке и ссадиной на скуле.

— Винт, еще раз спрашиваю, — кричит милиционер. — Кто был тот тип, который надоумил вас напасть на грузовики?

— Не знаю я его, гражданин начальник, — мямлил допрашиваемый. — Он принес водку, харч. Мы с корешем Харей выпили, этот тип стал говорить, что в грузовиках будет жратва и выпивка...

В это время в кабинет вошел суровый капитан Ильиных. Он решительно прошел к столу, предъявил старшему лейтенанту документы и тихо, но требовательно вымолвил:

— Мне по указанию полковника Шадрина надо с этим Винтом поговорить.

— Было такое указание, — тихо ответил старший лейтенант. — Поговори, поговори, капитан, — поднялся со стула, — только глухой это номер. Ничего с этого тупаря, мелкого уголовного, не выжмешь, — направился к выходу и быстро покинул помещение.

— Ты мне все расскажешь? — подходя к допрашиваемому, спросил капитан.

— А что, гражданин капитан, я ничего не знаю и сказать...

Договорить бедняга не успел, мощный удар капитана кулаком сбил его с ног.

— А я думаю, скажешь, — ухмыляясь, выдавил капитан. — Встать! Я только начал с тобой говорить. А не скажешь, я тебя сам, как пособника врагов, расстреляю...

Сергеев устроился на свое оборудованное место у иллюминатора.

Самолет медленно поднимался в воздух. Внизу проплывали городские кварталы, купола христианских соборов, немного в левой стороне — синий волжский рукав...

Какое-то время Ермолай раздумывал о новой знакомой, старшем лейтенанте Осиновой.

«Человек из ГРУ, а задает лишние вопросы. Увижу Истомина, обязательно скажу...».

Вскоре он незаметно задремал...

Скрипнула дверь кабины летчиков. Ермолай открыл глаза и увидел выходящего из двери серьезного майора Теплова.

— Разбудил, лейтенант, извини.

— Ничего, еще успею, высплюсь.

— У нас изменился полетный план. В свердловском аэропорту «Кольцово» ЧП, диверсанты взорвали склад с топливом. Аэропорт никого не принимает, устраняют последствия взрыва, разбираются.

«Фашистские диверсанты на Урале!? — удивленно воскликнул Сергеев, вспомнил о нападении на себя, быстро мелькнула мысль. — На меня тоже вероятно нападавший железнодорожник, это фашистский агент!?».

— Мы летим прямо в Омск, — продолжал майор, — там делаем дозаправку.

Ермолай быстро включил свои географические познания по городу Омску. Медленно вымолвил:

— Ясно, это по нашему курсу.

— Точно, по нашему курсу на Новосибирск.

— А где мы сейчас летим?

— Прошли Уральские горы, скоро уже подлетим к Омску. Но ты смело успеешь перекусить, кипяточку мы тебе выделим.

— Спасибо, товарищ майор, я так и сделаю...

Берлин, штаб-квартира Главного управления имперской безопасности (РСХА)...

Формально СД (служба безопасности) делилась на внутреннюю разведку и внешнюю разведку. Внешние подразделения, под руководством Вальтера Шеленберга, занимались шпионажем и тайными операциями против внешних врагов Третьего рейха. Но амбициозный Шеленберг хотел быть в курсе всего, что происходило и в своей стране. Поэтому фактически он имел секретных агентов и в государственных структурах Германии. Например, в службе адмирала Канариса, министерстве иностранных дел, в структурах Мартина Бормана...

Шеленберг весьма заинтересовался полученной информацией о передаче Риббентропом награбленных в Восточной Европе картин рейхсляйтеру Борману. Картин, несомненно, ценных... Вальтер упорно пытался найти в этой ситуации выгоду для себя. Выгоду как служебную, так и выгоду чисто личную, возможно, материальную...

До Шеленберга дошла информация, что разведка Риббентропа наладила вывоз из осажденного Ленинграда художественных картин. Нужно было что-то предпринять...

Самолет пошел на снижение. Ермолай смотрел в иллюминатор, вокруг простиралось зеленое таежное море. Вот и большая река показалась, это несомненно был Иртыш. Пошли пригороды Омска.

Спокойно приземлились.

Из кабины летчиков вышел майор Теплов, прошел к двери, открыл, и устало бросил Сергееву:

— Трап подан, можно выйти на пару часиков, размяться.

— Спасибо, товарищ майор.

Теплов спустился на землю, за ним последовал Ермолай. С одной стороны аэродрома простиралось зеленое море, с другой — здание вокзала и городские строения. Из-за небольших тучек выглядывало не по-осеннему яркое солнце, температура стояла определенно плюсовая.

— Странно как-то, — выдавил Теплов, — тепло здесь. Обычно в Сибири в это время уже снег лежит.

Откуда-то сбоку показался керосинозаправщик. За ним следовал мотоцикл с коляской. За рулем находился мужчина в военной форме и фуражке.

Мотоцикл остановился. Но находившийся за рулем капитан не стал глушить мотор. Он крикнул:

— Я капитан Окунев. Мне приказано доставить лейтенанта Сергеева к военному коменданту аэропорта.

— Я Сергеев, — бросил Ермолай. — Можно узнать, зачем мне к коменданту?

— Не могу знать. Прошу ко мне, товарищ лейтенант.

«Непонятно, зачем я понадобился коменданту?», — усмехнулся Ермолай, следуя к мотоциклу.

В голову полезли разные мысли, в том числе негативные...

— Товарищ капитан! — крикнул майор Теплов. — Имейте в виду, самолет с грузом государственной важности без лейтенанта Сергеева никуда не полетит.

— Я выполняю приказ, — отчеканил капитан...

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Калиновский (Негоциант) сидел в кресле недалеко от горящего и потрескивающего камина и грустил. Грустил о неожиданной смерти Пехоева (Герцога) и, разумеется, о последствиях лично для него... Грустил о предстоящей своей жизни в блокадном городе, ведь ситуация стремительно ухудшалась...

Калиновский взял со стоящего рядом стола бокал с вином, сделал пару глотков.

Подав сигнал телефон. Встать с теплого места явно не хотелось. Он крикнул:

— Василий, возьми, пожалуйста, трубку.

В комнату вошел невозмутимый Василий, прошел к телефонному аппарату.

— Ал-ло.

Некоторое время родственник слушал абонента.

Затем переспросил:

— Значит, вы — хороший знакомый Пехоева и хотите переговорить с Калиновским?

«Кто это может быть?» — задумался Негоциант.

— Значит, вы, Владимир Петрович, очень хотите переговорить? — снова переспросил Василий, посматривая на Калиновского.

«Так-так. Если знакомый Пехоева, то можно и переговорить», — решил Негоциант, кивнул родственнику, поднялся с кресла.

Взял трубку и вымолвил:

— Слушаю, Калиновский...

Приятный, учтивый мужской голос предложил встретиться для делового, взаимовыгодного разговора в одном из городских парков.

«В такое время, встречи с незнакомцами, в парке?..» — засомневался Калиновский и выдавил:

— Спасибо за приглашение. Но я немного приболел.

— Печально, пожалуйста, поправляйтесь. Тогда давайте э... я подъеду к вам, Федор Федорович?

«На бандита по разговору точно не похож, — прикинул Калиновский. — Опять же ссылки на Герцога. Рискну, пожалуй... Если что-то будет не так, пошлю его...» — и назвал свой адрес...

Глава 12

Капитан Окунев, следом за ним Сергеев вошли в кабинет военного коменданта аэропорта.

— Товарищ майор, — изрек капитан. — По вашему приказанию лейтенант Сергеев с борта 13 доставлен.

«Что все это значит?» — хмурился Ермолай, рассматривая кабинет.

Майор поднялся из-за стола. Строго взглянул на вошедших военных. Секунда-вторая-третья и... Майор улыбнулся, шагнул навстречу офицерам, весело вымолвил:

— Ну, конечно же, капитан, не доставлен, а приглашен товарищ лейтенант Сергеев, — и протянул руку.

Ермолай сразу повеселел, пожал крепкую кисть мужской руки. Четко представился:

— Сотрудник Госбанка, лейтенант ГРУ Сергеев.

— Хорошо-хорошо. Позвони с моего телефона полковнику Селезневу. Знаешь такого, Сергеев?

— Да, знаю.

— Звони. А мы с капитаном оставим тебя одного, не будем мешать служебному разговору.

Майор, следом капитан вышли из кабинета.

«Так... Что там хочет полковник?» — раздумывал две-три секунды Сергеев.

Затем не спеша подошел к рабочему столу коменданта, взял телефонную трубку...

Окрестности Варшавы, объект Абвера – штаб «Вали»...

Перед нападением на СССР в июне 1941 года Канарисом был создан специальный орган по координации и руководству

разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельностью на Восточном фронте — штаб «Валли». Начальником штаба «Валли» был назначен старый сотрудник Абвера, полковник Баун.

Адмирал Канарис внезапно прибыл на объект. Не спеша обойдя его территорию, слегка обследовал и рассмотрел. Затем выслушал доклад начальника объекта, полковника Бауна. Доклад в целом оказался положительно-приукрашенным...

В войне с СССР Канарис сделал ставку на массовую засылку в тыл агентов — «тотальный шпионаж». В Германии и на оккупированных территориях были созданы десятки школ по подготовке агентов. Самых агентов вербовали из пронемецки настроенного местного населения и среди советских военнопленных в концлагерях.

Перед диверсионными абвер-командами, абвер-группами и террористами-одиночками были поставлены следующие задачи: создавать склады оружия, базы и площадки для парашютных десантов; устанавливать ориентиры для воздушных бомбардировок военных, промышленных и транспортных объектов; вербовать кадры; организовывать антисоветские банды; совершать взрывы, поджоги, нарушать связь, отравлять источники воды...

В кабинете, в полной тишине адмирал Канарис раздумывал о деятельности своей службы в России.

По донесениям резидентов из регионов и спецагентов, работающих автономно по отдельным заданиям, картина складывается вполне благостная. Но бывалый адмирал знал, как составляются эти донесения, приукрашиваются факты, цифры. Одновременно знал он и о гибели многих агентов, арестах, переходе их части к врагу. Советские органы государственной безопасности, милиции и военной контрразведки неплохо справлялись со своими обязанностями... В Берлине нарастало недовольство действиями вермахта и военной разведки...

— Здравствуй, Сергеев, — весело изрек полковник Селезнев. — Как самочувствие, настроение?

— Здравия желаю. Все хорошо, товарищ полковник.

— Так. Скажи, железнодорожник, который напал на тебя, ты его никогда ранее не видел? — уже строго спросил полковник.

«Железнодорожник на мотоцикле?..» — напряг память Ермолай.

— Никогда не видел.

— Получается, он или вышел случайно, или сам тебя специально выследил, этот абверовец. Как сам думаешь?

«На меня на Урале вышел агент Абвера? — лихорадочно соображал Ермолай. — Случайно или специально?.. И хотел убить?.. Или...» — тихо выдавил:

— Теряюсь в догадках, товарищ полковник.

— Я тут смотрел твое личное дело. Ведь ты работал вместе с капитаном Ципок, агентом Абвера.

Ермолай моментально вспомнил яркую капитаншу, отчего-то сразу вспотел. Выдавил:

— Так получилось.

— Да я тебя ни в чем не обвиняю. Я это вот к чему, лейтенант. Эта Ципок могла о тебе сообщить в свой Центр. Поэтому и идет на тебя охота, ведь ты им сорвал важную операцию. Что скажешь?

— Ничего.

— Ну, хорошо, не буду тебя нагружать. Продолжай работать в рамках операции «Театр». И, исходя из нашего разговора, думай и действуй. Понял, лейтенант?

— Так точно...

Когда Сергеев оказался возле своего самолета, день уже склонился к закату.

Если еще недавно светило солнце, то сейчас всю ширину небосвода заволокла тяжелая, темно-свинцовая туча. Учитывая стоявшую плюсовую температуру, можно было предположить, что приближался хороший такой дождик.

— Придется переждать непогоду, — изрек появившийся возле Сергеева майор Теплов. — Небо затянуто серьезными облаками. Все нормально у тебя, лейтенант? Вид у тебя какой-то озадаченно-озабоченный.

— Да... все нормально, — медленно выдавил Ермолай. — Начальство дало ценные указания.

— Бывает, — усмехнулся майор. — Надеюсь, в нашем полетном графике ничего не меняется?

— Нет.

— Тогда давай в самолет, сейчас дождик хороший ливанет.

Действительно, почти сразу обрушился шумный, настоящий летний ливень. Плотность ливневого водопада была такова, что из иллюминатора ничего не было видно.

Расположившись на своем обычном месте, Сергеев раздумывал о словах полковника Селезнева:

«...Железнодорожник — агент Абвера... Он убил водителя-женщину и хотел убить меня... Так... Значит, исходя из нашего разговора, думай и действуй...».

На удивление ливень быстро закончился.

Но взлететь самолет смог лишь в полночь. После взлета Ермолай задремал...

Ленинград, ул. Итальянская, д. 3, кв. 45...

В прекрасном настроении Сонет пил кофе с коньяком и закусывал шоколадом.

Ведь события развивались как нельзя хорошо. Сегодня он передал связному 10 картин для Риббентропа. Но главное, оставшиеся из изъятых в квартире Пехоева 13 холстов Сонет сумел доставить своему ленинградскому знакомому. Этот человек, разумеется за деньги, должен переправить их в Финляндию, в одно укромное местечко. Милое местечко было хорошо знакомо...

Сонет довольно улыбнулся. Как иначе! Ведь там жила его любовница, белотелая и безотказная пышечка Магда...

Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Соблюдая все меры безопасности, Сонет подошел к двери Калиновского (Негодианта). Прочитав небольшую молитву, нажал на кнопку звонка. В телефонном разговоре Сонет соврал,

что его направил Пехоев (Герцог), координаты коллекционера Калиновского он получил от Центра...

За дверью послышалось некое движение, и она распахнулась. В дверном проеме стоял пожилой мужчина и недовольно взирал на гостя.

— Здравствуйте. Я — Владимир Петрович, по договоренности к Федору Федоровичу.

Пожилой мужчина слегка кашлянул и выдавил:

— Коль пришел, проходи, голубчик...

Беседа Сонета с Калиновским, несмотря на выставленную гостем бутылку отменного коньяка, продолжалась недолго и на сухую. Хозяин явно осторожничал, был немногословен и насторожен. Но он в итоге пообещал достать пять-шесть картин из предложенного гостем обширного списка. Калиновский даже взял предложенный небольшой аванс. Они договорились о новой встрече. Сонет покинул квартиру коллекционера в хорошем настроении...

Перед посадкой в Новосибирске Сергеев немного перекусил из своих запасов.

Приземлились рано утром. Кругом уже лежал основательный слой снега, стоял легкий морозец.

— Ну вот! — воскликнул майор Теплов. — Наконец-то настоящая сибирская погода!

У самолета встречала целая делегация: майор Апальков, директор театра Лектор и начальник службы безопасности Борода.

После приветствий серьезный майор Апальков изрек:

— Мы получили приказ, вас, уважаемые наши гости, уже с нетерпением ждут в Ленинграде. Поэтому мы изменили немного прием груза. Его прямо здесь при перегрузке из самолета в грузовики примет товарищ Лектор. Она и оформит соответствующие документы. А вы, товарищ майор Теплов и лейтенант Сергеев, сразу после выгрузки груза незамедлительно отправитесь в обратный путь.

— Приказ есть приказ, — бросил Теплов. — Тогда приступаем к выгрузке.

К самолету подъехали два грузовика. Началась выгрузка груза из самолета и погрузка его на грузовики.

Майор Апальков отозвал Сергеева в сторонку и вымолвил:

— Как Ленинград? Как там Истомин?

— Несмотря ни на что, Ленинград стоит и мужественно держится. Истомин передавал вам привет. Он с местными товарищами ловит фашистских агентов и диверсантов, их засылают в город пачками. Еще он просил узнать у вас, как продвигается дело по поджогу театра? Надеюсь, новых диверсий у вас не было?

Майор еще более посуровел лицом.

— Спасибо за привет, передавай Истомину мой, сибирский. Новых терактов у нас не было, новости по расследованию поджога следующие. Я переворошил все ведомственные архивы у нас по гражданину Удачину, на которого ссылался туповатый поджигатель. Были некоторые сомнения, что следы ведут к белякам. Я сделал запросы в Управления НКВД Иркутска и Читы. Спасибо коллегам, сработали оперативно. Так вот, из полученных материалов получается следующая картина. Этот Удачин является сыном российского штабс-капитана Ивана Удачина, сподвижника белого атамана Семенова. Смекаешь, лейтенант?

«Беляки... штабс-капитан... атаман Семенов... Как-то это кажется далеко-далеко...» — задумался Ермолай.

Медленно отрицательно покачал головой.

— Удачин-старший в 1921 году с атаманом сбежал в Маньчжурию, — продолжал майор. — Сынок с мамашей, кстати, это вторая семья штабс-капитана, остался у нас, сначала они жили в Иркутске, потом переехали в Новосибирск. Удачин-старший участвовал в антисоветской деятельности этого отщепенца Семенова и созданного им Союза белых казаков. Особенно в Забайкалье, они проводили диверсии, устраивали поджоги, убивали наших активистов, комсомольцев и так далее. Есть данные, что Удачин-старший после 1921 года нелегально проникал на нашу территорию и тоже участвовал в подрывной, преступной деятельности...

«Папаша-белогвардеец! Куда концы тянутся?.. Это надо же...» — слушая, раздумывал Ермолай.

— ...В Новосибирском архиве НКВД я нашел донос соседей Черемухиных, это новая фамилия жены, второй жены штабс-капитана. Так вот, согласно доноса, мужчина, очень похожий на Удачина-старшего, неоднократно был в гостях у Черемухиных. Теперь смекаешь, лейтенант? Чем он занимался в Советском Союзе?

Исходя из услышанного, Сергеев напряг свое воображение. Кое-что прикинул и в раздумье вымолвил:

— Папаша, белый офицер, склонил к работе против Советской власти сынка! Сынок снабдил слабоумного поджигателя «коктейлем Молотова» и направил на театр! Дебил сделал свое гнусное дело, Удачин-младший свалил подальше.

— Правильный вывод, — слегка улыбнулся майор. — Кстати, сынок оставил себе фамилию отца.

— А где сейчас Удачин-младший? — спросил Ермолай.

— Сбежал гад, в Маньчжурию, мы, конечно, объявили его во всесоюзный розыск. Для сведения, здесь, в Сибири, далеко не все спокойно. Кроме белогвардейского отребья, действует и японская разведка. Недавно органы задержали в Новосибирске японского агента.

— Настоящего японца? — удивился Ермолай.

— Он по национальности оказался корейцем, но был завербован японской разведкой, на нее и работал...

Ленинград, служебный офис ГРУ ГШ Красной армии...

В кабинете присутствовали трое офицеров: подполковник Чехов, майор Истомин и капитан Максимов. Они обсуждали ход операции «Театр».

— ...Мои сотрудники плотно поработали по Пехоеву, известному в определенных кругах под кличкой Герцог, — излагал подполковник. — Это еще тот фрукт, любитель сладкой жизни, девочек и еще художественных произведений искусств. Оказалась, что в рамках своей коллекционной деятельности он до войны сотрудничал со многими, в том числе и с иностранцами. В частности, с неким шведом Стэном Ульссоном. Мы не исклю-

чаем связи этого Стэна со спецслужбами Швеции, ну и соответственно фашистской Германии.

— Пехоев был в разработке нашей службы? — спросил Истомин.

— К сожалению, нет, — хмуро ответил подполковник. — Поэтому полной картины его деятельности мы не имеем.

— М-да, плохо, — хмуро выдавил Истомин. — У НКВД на него тоже ничего нет?

— Нет, — бросил подполковник.

— Как он сумел сохранить свое место после пожаров на Бадаевских складах? — энергично спросил капитан. — Ведь почти все руководство складов было отдано под суд.

Подполковник развел руками.

— Мне это неизвестно.

Капитан хотел что-то сказать. Но в это время подал сигнал телефонный аппарат. Чехов поднял трубку, какое-то время слушал абонента.

Затем со словами:

— Это тебя, из милиции, — передал трубку Максимову.

Капитан какое-то время слушал. Затем поблагодарил абонента, положил трубку, взглянул на присутствующих и вымолвил:

— Информатор у квартиры Калиновского сообщил, что к коллекционеру приходил подозрительный мужчина в коричневом пальто и шапке.

— Подозрительный в пальто и шапке? — усмехнувшись, изрек Истомин. — Это как?

Капитан нервно бросил:

— Ну, женщина-информатор сообщила, что мужчина до входа в квартиру постоянно осматривался по сторонам, что-то высматривал. После выхода из нее через 5—6 минут, тоже оглядывался, зыркал...

Выгрузку груза с музейными экспонатами из самолета и погрузку в грузовики провели ударными темпами.

По завершению этой работы Сергеев и Лектор оформили необходимые документы. Директор театра немного пораспрашивала Ермолая о Ленинграде, об Эрмитаже и конечно же академике Понаровском. Ермолай отвечал кратко. Он не стал сообщать женщине, что со здоровьем у академика дела далеко не самые лучшие...

К моменту окончания выгрузки груза самолет уже заправили топливом.

Сергеев устроился на свое место у иллюминатора. Самолет взревел, помчался по взлетной полосе и стал медленно подниматься в воздух. Внизу проплывали городские кварталы, церковные купола, синий рукав Иртыша, озеро, лес...

Ермолай раздумывал над словами майора Апалькова о поджоге театра, белом подполье, японской разведке... И как-то незаметно уснул...

Сергеев проснулся и понял, что самолет снижается. Прильнул к иллюминатору.

«Похоже, мы уже в Свердловске! — решил. — Хорошо я поспал!».

Настроение было замечательное! Ермолаю почему-то вспомнилась девушка Рая-краса с льняной косой, удивительные мгновения близости...

«Чудно я с ней время провел!.. Нужно будет Ольге Молевой позвонить...».

Самолет приземлился. Из кабины водителя вышел майор Теплов. Взглянув на Сергеева, выдавил:

— Перекур два с половиной часа, лейтенант.

— Да, товарищ майор. Я схожу в здание аэровокзала, хоть поем супчика до отвала.

— Давай, брат, только будь осторожен. Хотя... Давай я с тобой тоже схожу? Мои орлы с погрузкой и дозаправкой справятся сами, я им сейчас дам указания.

«Никак он опекает меня, — усмехнулся Ермолай, вспомнил железнодорожника-мотоциклиста. — Наверное, Истомин приказал присматривать за мной. Получается, отнекиваться глупо, если не сказать — просто нельзя», — ответил:

— Давайте вместе сходим, товарищ майор, будет веселее...

Город Маньчжурия, государство Маньчжоу-го...

Город уездного значения Маньчжурия находится в 4 км от границы с СССР. Половину тридцатитысячного населения города составляли китайцы, вторую половину — выходцы из России. Это бежавшие по разным причинам из СССР от большевиков — русские, украинцы, буряты, якуты. После оккупации в 1932 году Японией китайской территории Маньчжурии, появились в городе и японцы...

В небольшом зале китайского ресторанчика было всего двое посетителей. За накрытым столиком располагались двое мужчин-европейцев. Один — в возрасте, с аккуратной бородкой, второй — примерно тридцати лет, гладковыбритый, с родинкой на левой щеке. Мужчины вели неспешный разговор по-русски.

— ...Ты пойми, сын, сейчас на большевистскую Россию навалилось полмира. Время Советов сочтено, это совершенно точно. До Нового года немцы возьмут Москву, Кавказ, выйдут к Казани и Самаре. После этого вступят в войну японцы...

— Извини, отец, — вступает в разговор более молодой мужчина, — СССР будет защищаться до последнего солдата...

— Да, население СССР большое, внушительная территория, ресурсы. Но Германия лучше вооружена и подготовлена к войне. С ней вместе воюют войска Италии, Румынии, Финляндии, Испании, Венгрии и другие страны. Если не к Новому году, так к следующему лету они точно разгромят Красную армию. Мы с тобой в новой России должны занять достойное место.

— Сомневаюсь я, отец, что японцы дадут нам развернуться.

— Ты, Иван, сын русского полковника Удачина, — наполняя рюмки из графина, вымолвил мужчина с аккуратной бородкой. — Я уверен, у нас все будет хорошо.

— Дай бог, дай бог. Стало трудно работать, отец. Мне бы запасные документы.

— Это не проблема. Считаю, паспорт у тебя в кармане. Давай выпьем за удачу.

— Символично, — весело изрек более молодой мужчина. — Удачины пьют за удачу...

Глава 13

В здании аэровокзала Сергеев и Теплов прошли в столовую и хорошо, исходя из предложенного меню, покушали.

Далее проследовали к военному коменданту.

Сергеев упросил дежурного по комендатуре сделать один телефонный звонок в свое хранилище. К сожалению, Молевой на месте в кабинете не оказалось. С другими сотрудниками Ермолай разговаривать не стал...

Генеральный округ Эстония (оккупированный Германией), 10-й километр шоссе Таллин – Пярну...

На обочине шоссе стоит легковой автомобиль черного цвета с фашистской символикой. Возле него двое вооруженных офицеров в черной, военной форме СС. Они очевидно кого-то ждут, часто смотрят на часы и шоссе. Движение на шоссе слабое, лишь изредка проходит военный транспорт...

Вот на шоссе со стороны Таллина показался легковой автомобиль серого цвета с немецким флагом на бампере и желтыми полосами.

— Она, дипломатическая почта, — весело бросает по-немецки один из офицеров.

Он достает из-под плаща полосатый жезл и, делая им движения, приказывает приближающейся машине остановиться.

Серый легковой автомобиль сбавляет скорость и останавливается.

Из машины выходит солидный мужчина в штатской одежде. Он недовольно изрекает:

— В чем дело, господа офицеры? Мы из дипломатического ведомства Таллина, я унтершарфюрер СС (унтер-офицер) Кройс. Мы везем спецпочту в Восточную Пруссию. У нас есть все разрешения, — достает из кармана документы.

Офицеры СС переглянулись.

— Спокойно. Я гауптштурмфюрер СС (капитан) Гилис, — бросает один их них. — Проводится закрытая операция по нейтрализации появившихся партизан. Это не займет много времени, чистая формальность. Выйдите, пожалуйста, все из машины.

Из серой машины вышел второй, худой мужчина в штатской форме.

Внезапно и гулко раздалась автоматная очередь. Это второй офицер СС из автомата дал очередь по вышедшим из серой машины мужчинам. Последовала вторая автоматная очередь. Оба вышедших из машины штатских мужчин с недоуменными выражениями лиц упали на землю.

Офицеры СС проходят к серой машине со следами пуль, обходят лежащих на земле мертвых мужчин. Они заглядывают в серую машину, что-то ищут, выбрасывают небольшие коробки, какие-то вещи.

Вот один из офицеров достает большой темный пенал и бросает:

— Скрученные художественные холсты наверняка находятся в этом пенале.

— Похоже. Ничего более подходящего в машине нет, — бросает второй. — Забираем и уезжаем, — достает из кармана исписанный по-русски лист бумаги и бросает на одного из мертвых мужчин.

Через несколько секунд черный автомобиль с офицерами СС срывается с места...

Расположившись на своем обычном месте в грузовом салоне самолета, Сергеев взгрустнул:

«Жаль, что не поговорил с Ольгой Молевой... Не узнал, как там поживает Рая-краса с льняной косой... — мысленно представив девушку, слегка улыбнулся. — Опять же, ничего не узнал о своем Хранилище, привезенных мною самородках...».

Ермолай проснулся и услышал разрывы снарядов.

«Похоже, работают фашистские зенитки», — подумал, всматриваясь в иллюминатор.

Самолет сделал разворот и вскоре пошел на снижение. Замелькали небольшие серые облака.

«Ленинград?.. Мы уже почти прилетели... — всматриваясь в городские кварталы, решил Сергеев. — Хорошо я поспал...».

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

К двери подошел мужчина в коричневом пальто и шапке. Осмотрелся по сторонам, что-то тихо пробубнил и нажал на кнопку звонка.

Вскоре дверь распахнулась, появился пожилой мужчина.

— Это ты, голубчик, — глухо изрек он. — Коль пришел, проходи.

Гость прошел в квартиру, дверь захлопнулась.

В это время из небольшой щели, незакрытой двери соседней квартиры напротив, наблюдали пожилая женщина и мужчина в милицейской форме.

— Это он, этот мужчина давеча приходил, — тихо вымолвила женщина. — Точно он, в том же коричневом пальто и шапке.

— Хорошо, мамаша, идите в квартиру, — сказал милиционер...

Через полчаса из квартиры на лестничную площадку вышел мужчина в коричневом пальто и шапке, со свертком в руке. На него мгновенно налетели двое милиционеров, очевидно, поджидавшие мужчину. Послышался шум борьбы, крики, все трое

упали на пол. Из двери квартиры напротив вышли еще двое военных.

Несмотря на сопротивление, мужчину в коричневом пальто скрутили, связали руки, поставили на ноги...

Дверь грузового салона распахнулась, было как-то хмуро и пасмурно, моросил мелкий дождь.

«Чисто питерская погода», — усмехнулся Сергеев.

Спустился вниз на землю. Осмотрелся по сторонам, его никто не встречал.

Но вот показался худой высоченный молодой парень в шинели, шапке и с винтовкой на плече.

— С прибытием, товарищ лейтенант, — улыбаясь, изрек быстро подходящий боец.

— Здравствуй, рядовой.

— Товарищ лейтенант, мне приказано вас встретить и провести в помещение аэродрома...

— Где майор Истомин и капитан Максимов? — перебил Сергеев.

— Они на задании, скоро будут.

«На задании», — медленно повторил Ермолай, бросил:

— Хорошо, свободен, боец...

Восточная Пруссия, вила в Штейнорте, резиденция рейхсминистра Риббентропа...

Риббентроп нервно расхаживал по кабинету. Он получил неприятные новости. В Эстонии русские партизаны напали на машину спецпочты, перевозившую 10 картин, переправленные из Ленинграда. Машина с холстами как раз направлялась на виллу в Штейнорте. Два сотрудника убиты, тара с холстами изъята...

«Как могло такое случиться!? И именно с его картинами!? — возмущался рейхсминистр. — Агент Сонет во вражеском городе нашел картины. Упаковал и переправил через линию фронта.

И вот на нашей территории убиты почтальоны и похищены картины!?».

Получил Риббентроп и второе неприятное известие. Агент Сонет, работающий в блокадном Ленинграде, не вышел на связь в установленное время. Как это понимать? Недисциплинированность опытного агента? Или провал...

— Одно к одному!.. — ругнулся хозяин кабинета. — Со всем этим надо еще разобраться...

Риббентроп вызвал главного разведчика министерства, полковника Шульца, и поставил соответствующие задачи...

Сергеев прошел в помещение аэродрома, зашел в пустой кабинет капитана Максимова.

«Надо ждать майора Истомина», — осматривая уже знакомое помещение, подумал Ермолай.

Снял верхнюю одежду и завалился на железную кровать...

На улице слышались мужские голоса. Сергеев поднялся с кровати, оправил одежду.

В помещение вошли сосредоточенные майор Истомин и капитан Максимов.

— Привет, лейтенант! — весело бросил капитан. — С благополучным прибытием!

— Спасибо, — бодро ответил Ермолай. — Здравия желаю, товарищи офицеры, рад вас видеть.

— И мы рады, — изрек Истомин, протянул руку для приветствия. — Рассказывай, как там, на Большой земле?

— В целом неплохо, страна успешно работает на войну. Я убедился в этом в Горьком.

— Слышали о вашей вынужденной посадке.

— Было дело...

— Что в Новосибирске, Ермолай? — энергично продолжал майор. — Как расследуется теракт в театре?

— Жизнь идет в Сибири. Вам привет от всех знакомых, — ответил Ермолай и поведал о том, что ему сообщил майор Апальков...

**Ленинград,
Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...**

После ареста знакомого Пехоева (Герцога) буквально за порогом своей квартиры и последующего неприятного допроса, Калиновский (Негоциант) серьезно задумался. Ведь допрашивающие его офицеры сообщили, что в военное время купля-продажа произведений искусств рассматривается как спекуляция, уголовно наказуемое действие с последующей конфискацией. И поскольку он, Калиновский, определенно находится на крючке у органов, то как же ему теперь без купли-продажи, то есть спекуляции, жить дальше? Вопрос очень интересный...

Тут еще родственник Василий все причитает, предлагает уехать к родне, в Казань...

Калиновский (Негоциант) сидел в кресле невдалеке от горящего и потрескивающего камина и тяжело раздумывал. Ведь сейчас, в условиях блокады, он не сможет вывести всю свою коллекцию на Большую землю. Распродавать за бесценок результаты своего многолетнего труда он не хотел. Спрашивается, что ему делать дальше?.. Увы, он не знал... Опять же, как долго будет длиться блокада?.. Запасов продовольствия и денег еще надолго хватит, может, на год... А дальше?.. А если все же в город войдут немецкие войска? Ведь Гитлер обещал стереть город с земли...

— У нас тут тоже есть кое-что интересное, — бросил майор Истомин.

Истомин, Максимов и Сергеев, расположившись за столом, трапезничали.

— Задержали мы у коллекционера Негоцианта одного скупщика картин, — вымолвил капитан. — Ушлый мужик, на хлебозаводе работает и коллекционирует произведения искусств.

— Чувствую я, что не простой он коллекционер, — вставил майор. — За ним что-то тянется. Но он скромно молчит, а доказательства у нас против него никаких нет.

— Надо Негоцианта хорошо потрясти, — напористо изрек капитан. — Уверен, он многое знает.

— Я думаю, Негоциант — мелкая рыбешка, и ничего интересного для нас не скажет, — медленно вымолвил майор. — Нам надо изловить крупную рыбу. Вот Герцог был крупной рыбой.

— Да, крупной. Но он уже ничего не скажет, — усмехнулся капитан, весело добавил. — Как его любовница уделала.

Истомин взглянул на часы и строго бросил:

— Выезд в музей через пятнадцать минут.

— Какое положение на ленинградских фронтах? — спросил Ермолай.

— Пока все без изменений, — вяло выдавил Истомин. — Волховский фронт предпринимал попытку наступления и прорыва блокады, но... увы, не получилось.

Два грузовых и один легковой ГАЗон выехали из ворот аэродрома. Сергеев внимательно смотрел в окно.

Вскоре машины свернули в какой-то проулок, затем в другой.

«Так. В целях конспирации следуем в Эрмитаж другим маршрутом», — смотря в окно, решил Ермолай.

Всюду виднелись следы бомбардировок и маскировки. Людей на улицах практически не было, много валялось разного мусора. Во многих окнах домов были выбиты стекла...

«С каждым моим приездом любимый город тускнеет и разрушается», — горько размышлял Ермолай.

Послышалась строгая мужская речь из городского громкоговорителя, предупреждение о скорой бомбардировке...

Колонна въехала во внутренний двор Зимнего дворца и остановилась. Ермолай увидел две бронемашины с пулеметами.

Из здания вышел капитан Ильиных. Вышли из машин и Истомин, Максимов, Сергеев.

— Здравствуйте, товарищи, — громко вымолвил капитан Ильиных. — Все будем делать как всегда?

— Как всегда, — ответил Истомин.

— Как поживает академик Понаровский? — спросил Сергеев. — Я ему привез большие приветы.

— Приболел наш академик, — хмуро вымолвил капитан Ильиных. — Но я при встрече ему обязательно передам приветы.

Ермолай вспомнил, как неважно выглядел академик во время их последней встречи, неприятно кашлял. Подумал:

«Жаль старика...».

Иркутск, железнодорожный вокзал...

Из одного вагона прибывшего состава на перрон вышел мужчина в пальто, шляпе и лайковых желтых кожаных перчатках. Благоухающий, примерно тридцати лет, гладковыбритый, с родинкой на левой щеке, он разительно отличался от окружающих. Неспешно осмотрелся по сторонам и важной походкой направился к зданию вокзала.

Мужчина в шляпе уже подошел к зданию вокзала, как из него вышел вооруженный милицейский патруль.

— Гражданин, — грозно обратился к мужчине с родинкой на левой щеке патрульный сержант милиции. — Предъявите документы.

— Я что-то нарушил? — улыбаясь, спросил мужчина с родинкой на левой щеке.

Второй патрульный, ефрейтор, зевая, недовольно бросил:

— Щегол! Грамотный очень! — и грязно выругался. — Ошибаются тут... по тылам, а кто-то за них воюет. Терпеть не могу пахучих мужиков, еще в шляпе и бабских перчатках.

— Я мирный человек...

— Значит без документов, — зло перебил сержант милиции.

— С документами у меня полный порядок...

Договорить солидный мужчина с родинкой на левой щеке не успел.

Со словами «разберемся» его грубо схватил за руку ефрейтор и потащил в здание вокзала.

— Товарищи-товарищи! Почему?..

— Разберемся. Уж очень ты на одного фашистского диверсанта смахиваешь...

Погрузка в машины ящиков с музейными экспонатами прошла по обычной схеме. По окончанию ее Сергеев расписался в накладных.

Колонна из легкового ГАЗона, двух грузовых машин и броневедомола медленно двинулась в путь по вечернему городу. По-прежнему моросил мелкий дождь.

Сергеев находился в кабине грузовика, следующего за легковым ГАЗоном с майором Истоминым. Помня предыдущие попытки нападений на колонну, Ермолай внимательно посматривал по сторонам, прислушивался к доносившимся звукам.

Вот завывли сирены, предупреждающие о скором авианалете фашистских самолетов. Колонна продолжала свое движение.

Вскоре послышались отдаленные взрывы.

До аэродрома добрались без приключений...

Перед вылетом самолета капитан Максимов предложил перекусить. Он, а также Истомин и Сергеев расположившись за столом.

— Николай Максимович, ты со мной не летишь? — спросил Сергеев.

— Нет, Ермолай, не лечу. У нас с капитаном есть еще здесь некоторые делишки.

Максимов в это время поставил на стол четвертинку водки.

— Старая заначка, — бросил капитан, — давайте ее усугубим.

— Давайте, — ловко открывая емкость, изрек Истомин.

Быстро разлили содержимое по стаканам.

— За твой удачный полет, Ермолай, — предложил тост майор.

— Спасибо, Николай Максимович. А я выпью за вашу удачную операцию здесь, в городе.

Мужчины выпили, стали закусывать, разговаривать. По просьбе Ермолая Истомина изложил невеселые фронтовые новости...

Примерно через час Сергеев поднимался в самолет. Сильно гудя, самолет пошел на взлет...

Ленинград, Литейный проспект, нелегальная квартира резидента Абвера...

Резидент Абвера Пэн был хорошо осведомлен о существовании в блокадном Ленинграде черного рынка произведений искусств. Он также знал, что многие высокие чины Третьего рейха увлекались коллекционированием художественных шедевров. Пэн знал и отношение шефа, Канариса, к искусству. Резидент аккумулировал информацию о музеях города, серьезных коллекционерах...

Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Двое мужчин в милицейской форме подошли к двери квартиры и стали кулаком стучать по ней.

Вскоре дверь приоткрылась, показался недовольный пожилой мужчина.

— Открывай, открывай, старик, — крикнул один из милиционеров. — НКВД с ордером на обыск.

Оттолкнув удивленного старика, милиционеры стремительно прошли в квартиру.

За ними из слегка приоткрытой двери соседней квартиры напротив, наблюдала пожилая женщина...

Милиционеры вышли из квартиры примерно через час. В руках одного было два чемодана, в руках другого — вещевой мешок и сумка. Один из них закрыл дверь квартиры на ключ...

Глава 14

В салоне самолета Сергеев занял свое обычное место у иллюминатора. Настроение была какое-то неважное, в голову лезли странные, непонятные мысли.

Часы показывали полночь, самолет уверенно набирал высоту.

«Надо подремать, — решил Ермолай. — Может, и настроение улучшится...».

Что-то рядом взорвалось. Самолет неестественно, как от взрывной волны, задрожал. Дремоту Сергеева сняло как рукой. Он быстро прилип к иллюминатору. Но в крошечной тьме ничего не было видно, лишь отдельные вспышки от снарядов недалеке.

Опять раздался взрыв. Самолет сильно вздрогнул, как будто в него что-то попало.

«Вероятно, фашистские зенитки бьют по нам», — невесело подумал Ермолай.

Самолет как-то повело на одну, левую сторону. Он слегка накренился, стало тревожно.

Из кабины выскочил взъерошенный майор Теплов и быстро проследовал по левому борту вглубь салона. Из-за ящиков Сергееву не было видно действий майора.

Вот он снова показался из-за ящиков.

— Черт возьми! — крикнул майор. — Осколок от разорвавшегося снаряда зенитки попал в крыло. Оно начало разрушаться, — выругался. — До Урала точно не дотянем.

«Опять вынужденная посадка», — приуныл Сергеев и спросил:

— Что будете делать, товарищ майор?

— Будем выжимать из самолета все, что можно, — зло ответил Теплов. — Штурман еще, блин... ранен, — и прошел в кабину летчиков.

Из-за борта слева послышались скрипы, шум и треск.

«Точно, разрушается крыло, — хмуро подумал Ермолай. — А на одном мы далеко не улетим...».

Ленинград, Комендантский аэродром...

Майор Истомин и капитан Максимов пили чай и обдумывали свои дальнейшие действия. Задержанный у дверей Негоцианта коллекционер по фамилии Иштуин, с хлебокомбината, нес полную ахинею. Определенно косил под дурачка, тянул время...

Подал сигнал телефонный аппарат. Максимов поднял трубку, бросил абоненту:

— Привет, капитан, — и стал внимательно слушать.

Затем изрек:

— Хорошо, мы подъедем, — и положил трубку.

Взглянув на майора, Максимов вымолвил:

— Женщина, соседка Негоцианта, сообщила капитану Ильиных, что к коллекционеру приходили двое милиционеров. Грубя хозяевам, вошли в квартиру. Вышли они через час с чемоданами и сумками. Ильиных предлагает проехать к Негоцианту, и все на месте выяснить.

— Милиционеры вышли с вещами из квартиры Негоцианта, — медленно вымолвил Истомин. — Как-то это странно.

— В городе уже действуют лжемилиционеры, грабят и убивают жителей, — сказал капитан.

Майор кивнул.

— Поехали на место...

Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

У двери квартиры стояла пожилая женщина и капитан Ильиных. Капитан, чертыхаясь и ругаясь, методом подбора ключей пытался открыть дверной замок.

На лестничную площадку с шумом вошли майор Истомин и капитан Максимов.

— Здравствуйте, товарищи, — громко бросил Максимов. — Над чем это вы колдуете?

— Звоню-звоню, а никто не открывает, полная тишина, — вымолвил Ильиных. — Вот, пытаюсь открыть замок.

— Эти двое милиционеров вышли из квартиры с вещами, — изрекла женщина. — А один из них потом закрыл дверь на ключ, ключ сунул в карман. Я видела.

Офицеры переглянулись, сразу как-то сосредоточились.

— Товарищи, отойдите, — осматривая дверь, строго бросил Истомин.

Когда все отошли от дверей, майор тоже отошел на три шага, а потом... пошел на таран двери. Дверь не устояла от удара плечом могучего тела майора и со скрипом распахнулась.

Все осторожно вошли в прихожую, прошли дальше. На кухне на полу весь в крови лежал пожилой мужчина. Из гостиной выглядывали безжизненные мужские ноги.

— Ой, батюшки! — громко воскликнула женщина. — И Василий, и Федор, ведь оба — мертвецы! Ой-ой, — визгливо заголосила, — соседей убили и обворовали...

Самолет сильно затрясло, он все больше наклонялся на левый бок. К тому же, он определенно стал снижаться.

«Мы линию фронта уже перелетели? — всматриваясь в люминатор, пытался понять Ермолай. — Куда же мы сядем? Кругом такая темень... И сядем ли вообще...».

Самолет неприятно задрожал и загудел. Угрожающе задвигались ящики в салоне самолета.

«Блин... Я вроде ящики капитально закрепил!» — воскликнул Ермолай.

Самолет, казалось, попал в воздушную яму.

«Неужели мы погибнем!?» — ужаснулся Ермолай, внутри все похолодело, сердце учащенно забилося...

Мгновение, другое... Раздался резкий треск, потом послышался истеричный крик человека. Определенно, он исходил из кабины летчиков. В салоне погас свет. А потом... удар... шум... тряска самолета... Ермолай держался, как мог. Снова страшный удар... шум, крики... Ермолай отлетел в угол, ударился головой... И... тишина...

...В помещение вошла, вернее, легко впорхнула сосредоточенная молодая девушка в цветастом платье и с подносом в руках. Бледнолицая!! Красивая!! Глаз не оторвать!.. У нее были волосы льняного цвета. Причем волосы были сплетены между собой в длину и ниспадали до груди. А на подносе красовался румяный пирог!..

Ленинград, Кирпичный переулок, д. 4, кв. 44...

Майор Истомин, капитаны Максимов и Ильиных, а также старший лейтенант, следователь из местного территориального отделения милиции, уже третий час делали обыск и опись имущества квартиры Негоцианта.

В квартире все было перевернуто и перерыто. Воры поработали на славу, в большинстве висевших на стенах рам вместо картин зияла пустота. Подверглись обыску все шкафы, комоды, диваны и полки квартиры. Два кресла были изрезаны ножами, разворочена спальная кровать, на кухне полный кавардак...

— Похоже, обыск делали специалисты своего дела, — недовольно ворчал Ильиных.

— Может, наоборот, дилетанты все перерыли, перевернули, — вставил Максимов.

— Квартира у Негоцианта скромнее, чем у Герцога. Но воры все же поживились хорошо, коллекция весьма солидная, — вымолвил Истомина, рассматривая хозяйский каталог. — Родственники, то есть наследники у Негоцианта были?

— Родственники вроде как есть, — медленно ответил следователь...

— Лейтенант! Сергеев! Живой?

Ермолай открыл глаза и увидел во тьме перед собой контуры человека, мужчины.

— Никак живой, очухался значит, — вымолвил человек.

— Ты кто? — спросил Ермолай.

— Хорошо видать тебя шандарахнуло, лейтенант. Это я, командир самолета, майор Теплов. Вспомнил?

— Припоминаю, — тихо и медленно выдавил Ермолай, ощутил головную боль. — А где мы?

— Мы совершили вынужденную посадку. Давай поднимайся, Сергеев, пойдем разбираться, выяснять обстановку. Пойдем-пойдем, рассиживаться нам нельзя...

«Точно, мы совершили вынужденную посадку, — с трудом поднимаясь, стал вспоминать Ермолай, в голове все гудело. — А почему майор один?» — спросил:

— А где твои помощники, майор?

— Члены моей команды мертвы, — выдавил не своим голосом майор.

— Как? Оба?

— Да, оба погибли при жесткой посадке. Нам с тобой очень повезло, лейтенант. Впрочем, об этом сейчас рано говорить. Если выберемся, то может нас обоих под трибунал отдадут...

Москва, штаб-квартира ГРУ ГШ Красной армии, кабинет начальника...

В помещение стремительно вошел полковник Селезнев. Комиссар Голиков стоял у висевшей на стене карты, держа в руке стакан с чаем в подстаканнике.

Он строго взглянул на полковника и спросил:

— Что-то случилось, Сергей Михайлович?

— Так точно, товарищ комиссар. В рамках операции «Театр» пропал самолет, перевозивший из Ленинграда ценности.

Комиссар посуровел лицом.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Грузенный самолет вместе с сопровождающим лейтенантом Сергеевым вылетел из Ленинграда по направлению на Свердловск. Взлетели, доложили. Через 15 минут майор Теплов доложил, что фашисты ведут сильный зенитный заградительный огонь. И все... На связь с ярославским диспетчером в заданное время самолет не вышел, на запросы не отвечает. Может, фашисты сбили. Может, возникли технические проблемы, самолет сам упал или... вынужденно сел... Я позвонил на Калининский фронт, там о нашем самолете ничего не знают.

Какое-то время хозяин кабинета раздумывал и размышлял. Вот он решительно взглянул на карту. К нему подошел полковник и также взглянул на карту.

— Предположительно, самолет находился где-то на стыке трех областей, — кивая на карту, вымолвил полковник. — Калининской (в настоящее время Тверской), Вологодской и Ярославской.

— Экипаж самолета — один из лучших, — медленно сказал комиссар. — Он сделает все для спасения... Возникает главный вопрос — пересек самолет линию фронта или нет? Сильный зенитный огонь... А ваши предположения — это только предположения... Значит, верна была информация разведки: дабы перекрыть наш воздушный коридор с Ленинградом, фашисты усилили свое ПВО на этом участке.

Затем энергично вымолвил:

— Позвоните в Ярославль, пусть наши люди организуют поиск на земле. Кстати, что у нас там сейчас?

— К военной комендатуре прикомандирован после ранения майор Чиликин.

— Так, пусть действует без промедления, — продолжал комиссар. — Сергей Михайлович, еще раз позвоните на Калининский

фронт, пусть они тоже займутся поисками. Перевозку ценностей воздушным путем прекратить, слишком высоки риски. Тем более, что по докладам, наиболее ценные художественные произведения уже вывезены. Проинформируйте Истомина, пусть он тоже подключится к поискам. Задействуйте все возможные наши силы.

— На НКВД выходить? — спросил полковник.

— Не хотелось бы, — нехотя выдавил комиссар. — Но они все равно узнают, обидятся, да еще и будут вредничать. Поэтому сразу сообщите им, пусть тоже помогают в поисках. В конце концов, одно дело делаем...

Поскольку самолет лежал частично на левом боку, то основной выход из грузового отсека оказался закрыт ящиками с грузом. Майор, громко ругаясь, стал открывать деформированный запасный выход со стороны правого борта. Но дверь не поддавалась. Вот в руках майора появилась монтировка, дело явно пошло веселее.

Вскоре дверь с неприятным скрипом отворилась.

Майор, следом и Сергеев вышли из салона и встали на подмерзшую землю.

— Вот мы и на земле, — озираясь по сторонам, выдавил майор. — Поле, рядом лес и темень. Как мы сели, ума не приложу.

Они прошли к передней части самолета. Носовая часть, очевидно, от удара о землю, оказалась разбита и вдавлена в корпус.

— Жаль ребят, — изрек Ермолай. — Будем доставать тела?

— Будем, — жестко отрезал майор.

— В Москве знают, где мы находимся? — спросил Ермолай.

— Конкретно, где мы находимся, нет, — хмуро ответил майор. — Во время обстрела немецкими зенитками, осколок снаряда попал в кабину, где располагался штурман. Он получил сильное ранение, вышла из строя рация, мы утратили связь с землей, частично управляемость самолета. Но я уверен, нас уже ищут...

Смольный, кабинет первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б)...

Жданову доложили о пропаже где-то в районе линии Калининского фронта самолета, перевозившего из Ленинграда художественные музейные ценности.

Член Военсовета Северо-Западного направления сильно возмутился! Срыв государственно важной задачи!? Утрата ценностей!? Реакция Сталина!? Жданов искренне переживал за порученное дело, равно как и за свою судьбу. Поэтому сразу взялся за телефонный аппарат.

Жданов позвонил директору Эрмитажа, академику Понаровскому, но больной старик ничего не знал. Затем позвонил исполняющему обязанности начальника городского управления НКВД, полковнику Шадрину. Полковник оказался также не в курсе.

— С кем приходится работать!? — возмущался лидер ленинградских коммунистов.

После разговора со Ждановым, Шадрин для подстраховки перезвонил в Москву и сообщил своему прямому начальнику, заместителю министра, о пропаже самолета.

Между тем уже достаточно заведенный Жданов, не найдя по телефону городских офицеров ГРУ Красной армии, вышел прямо на начальника ГРУ ГШ Красной армии, комиссара Голикова.

Комиссар заверил Жданова, что будут предприняты все меры, чтобы досконально разобраться в возникшей ситуации с самолетом.

— А что с ценностями? — строго спросил Жданов.

— Данных о том, что перевозившиеся художественные ценности попали в руки фашистов, нет, — твердо заверил комиссар.

Жданов немного успокоился.

— Как только появятся свежие данные о самолете, вы мне сообщите.

— Непременно, Андрей Александрович...

С большим трудом Теплов и Сергеев достали тела офицеров из сильно деформированной кабины самолета и положили их на землю.

— Простите меня друзья, что не сумел спасти вас, — закрывая тела куском брезента, горько, со слезами на глазах изрек майор.

Теплов и Сергеев постояли, погрустили.

— Надо выбираться отсюда. Искать наших людей, военных, органы советской власти, доложить о себе надо. Нас наверняка ищут, — выдал майор. — Потом организовывать вывоз тел, груза.

— Верно, какие-то населенные пункты должны быть поблизости. Но я не могу покинуть груз в самолете, — изрек Сергеев.

— Ах да, ты же, лейтенант, хранитель ценностей, — хмуро согласился майор, — и головой отвечаешь за них. Значит, пойду я, а ты, брат, останешься здесь, будешь все охранять. Предлагаю сейчас перекусить, а потом заняться нашими делами.

— Согласен. Мне очень интересно, мы на нашей территории или оккупированной фашистами?

— По моим данным, — вымолвил майор, — на нашей. То ли в Калининской области, то ли в Ярославской, а, возможно, и Вологодской. Но бдительность надо сохранять, здесь могут быть заброшенные фашистские диверсанты, бандиты разных мастей, дезертиры и прочий элемент. У тебя какое оружие, лейтенант?

— Наган.

— И у меня пистолет. Жаль, наш штатный ППШ, находившийся в кабине пилотов, при посадке вышел из строя.

Ленинградская область, окрестности Красного Села, линия фронта...

Ночь, видимость слабая, в трех-четыре метрах ничего не видно. Два дежуривших бойца, ефрейтор и рядовой, сидят в окопе и ведут тихий, неспешный разговор. Примерно в кило-

метре от них тянется немецкий окоп. От него доносятся слабые звуки губной гармошки...

Вот рядовой, уже в солидном возрасте мужчина с восточными чертами лица, замер и слегка высунулся из окопа. Быстро достал винтовку, прицелился и выстрелил.

— Ты что, дед Митроха? — воскликнул ефрейтор. — Решил поохотиться, эвенк?

— Кажись, однако попал. Взгляни там возле пригорка, на нейтральной полосе. А лихо он меж минных полей полз.

Но в это время начался обстрел из стрелкового оружия окопов с немецкой стороны.

— Дождались блин... канонады, — недовольно изрек ефрейтор. — Тишину нарушил, получим, дед, от комбата теперь.

— Не бойсь, ефрейтор. Обстрел однако сейчас закончится. Я слажу и гляну, кого там у пригорка пристрелил.

Беспорядочная немецкая канонада закончилась через 10 минут. Рядовой (дед Митроха) осторожно на четвереньках полез к пригорку. Через десять минут рядовой приволок убитого мужчину с привязанным к поясу серым пеналом.

— Приволок перебежчика! — удивленно выдавил ефрейтор. — Гляди, а рожка-то какая у мертвеца. Давай-ка взглянем, дед, что у этого перебежчика на поясе висит.

— Осторожнее, однако! — изрек рядовой. — Может, там взрывчатка, грохнет невзначай.

— Знаю-знаю, — бросил ефрейтор, осторожно открывая пенал.

В нем в аккуратно закрученном состоянии находились художественные холсты.

— Мать честная! — бросил рядовой. — Люди погибают на войне, а кто-то картины вывозит через границу.

— Может, там шифровка какая, надо нашему начальнику разведки передать, — вымолвил ефрейтор.

— Это правильно, однако. Может, наградят меня...

— Держи шире карман, дед Митроха. Как бы в штрафбат за нарушение тишины не отправили...

В предрассветной тишине майор Теплов, дав последние указания Сергееву, отправился на поиски населенных пунктов и органов советской власти.

Температура воздуха была где-то около нуля градусов. Чтобы не замерзнуть, Ермолай стал ходить возле самолета. Вперед-назад, вперед-назад, вперед... В голову лезли самые разные, в основном, невеселые мысли...

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

В кабинете начальника отделения милиции находилось трое мужчин. За столом восседал капитан Ильиных, рядом прохаживался майор Истомин. Посреди помещения стоял мужчина в потертом и помятом пиджаке со связанными сзади руками. Вид у него был явно невеселый, если не сказать удрученный.

На столе лежали холсты с написанными маслом художественными картинами. Кивая на холсты, капитан спросил:

— Что это за картины, Ишутин?

— Я не знаю, — тихо выдавил допрашиваемый Ишутин. — Я уже говорил, что один человек попросил их забрать по одному адресу. Назвать его имя я не могу, дал честное слово... Да и с памятью у меня неважно...

— Честное слово! — прерывая, крикнул капитан. — Идет смертельная война, а мы играем в бирюльки! Память плохая... — ругнулся. — Ведь мы можем поговорить и по-другому!

В помещении воцарилась напряженная тишина.

— Хорошо, — вымолвил Истомин. — Давайте поговорим спокойно.

— Давайте, — жалобно выдавил Ишутин. — Только у меня затекли руки, и я хочу курить. А в спокойном состоянии я наверняка что-то вспомню. Развяжите меня.

Истомин кивнул, подошел к допрашиваемому. Развязал руки и предложил папиросу.

— Благодарствую, — выдавил Ишутин.

Взял папиросу и... резко оттолкнул майора. Далее он стремительно бросился к окну. И, несмотря на то, что помещение находилось на втором этаже, руками вперед выпрыгнул. Раздался треск стекла и выбитой рамы, шум с улицы. Майор и капитан бросились к окну и почти одновременно стали стрелять в убегающего Ишутина. Вот он резко остановился, вздрогнул и... упал на землю...

Истомин и Ильиных не рискнули выпрыгнуть в окно. Они бросились к двери помещения, пробежали по коридору, спустились по лестнице и оказались на улице. Офицеры сразу увидели распластавшегося в 5 метрах от них лицом вниз, в неестественной позе Ишутина.

— Ну, надо же такому случиться! — воскликнул Ильиных и зло выругался...

Глава 15

Город Мышкин Ярославской области, районный отдел НКВД...

В кабинете начальника отдела находился его хозяин, капитан Маслов. Поступил срочный циркуляр с требованием организовать поиск вынужденно приземлившего самолета (или его останков) на территории района. Самолет с ценным грузом летел из Ленинграда. Капитану до чертиков надоело сидеть в этом заштатном городишке и заниматься преступлениями бытового характера. Хотелось заниматься серьезными, масштабными делами. И вот, кажется, подвернулся шанс отличиться и перевестись...

Капитан рассматривал карту района и его наиболее глухих западных мест. Ныла раненая правая рука (по локоть у него был протез, часть руки оторвало в 1940 году во время финской войны).

В итоге раздумий Маслов организовал три группы поиска. Во главе одной из них в составе трех человек пошел он сам...

Часом позже, деревня Корчмино, в 25 километрах на запад от Мышкина...

Капитан Маслов с группой прибыл на грузовике в деревню и стал опрашивать встречающихся на пути местных жителей.

Но никто ни про какой самолет ничего не слышал и не видел.

— Едем дальше, в деревню Левцово, — дал указание водителю капитан.

— Дорога туда плохая, — выдавил пожилой водитель в очках.

— Вперед! — твердо изрек капитан...

Светало. Разминаясь и маршируя возле самолета, Ермолай осматривал округу.

Поле оказалось совсем не большим. Окружающий его лес был смешанным, виднелись березы, ели, ольха и даже могучие дубы.

«Как же летчики смогли приземлиться ночью на такую совсем небольшую поляну?» — удивлялся Ермолай, рассматривая бутристую, промерзшую полянку.

«Впрочем, — сразу грустно подумал, — ценой этого виртуозного приземления стали две жизни летчиков...».

Стал раздумывать и прикидывать, как будут подъезжать к самолету грузовики, за ящиками с экспонатами...

Ермолай взглянул на часы, майор Теплов ходил уже 4 часа...

Лесной массив на стыке Калининской и Ярославской областей...

Двое мужчин в шапках и солдатских шинелях сидели спиной к спине на упавшем, старом большом дереве. Согреваясь друг от друга, они то ли дремали, то ли бодрствовали...

Вот в двух десятках метрах от них среди стволов деревьев показался осторожно идущий мужчина в военной форме. На голове у него находился синий летный шлем.

— Никак летун военный топает, — толкнув соседа локтем, тихо изрек один из мужчин.

— Тихо ты, — прошипел второй. — Я его уже пять минут наблюдаю. Внимательный тип.

— Да, минуту назад ты храпел вовсю, Емеля...

— Тихо, Балда! — резко оборвал второй мужчина. — Видно не местный вояка, идет неуверенно.

— Осторожность соблюдает, — прошипел первый мужчина. — Давай его пропустим вперед, потом понаблюдаем. Ну, а потом возьмем на abordаж, поговорим с ним. Ну, и решим, как с ним быть. Как мое предложение?

— Точно балакаешь. Только сделать это надо осторожно, у военного может быть оружие...

Время шло, а майора Теплова не было видно.

«Интересно, как он там? — раздумывал Сергеев. — Нашел какой-то населенный пункт? Нашел людей? Позвонил в Москву?..» — и решил перекусить.

Аккуратно проник в чрево самолета. Обошел грузовой салон, поправил несколько ящиков с экспонатами в отсеке.

Занял свое обычное место у иллюминатора, достал запасы и принялся не спеша трапезничать...

Восточная Пруссия, вила в Штейнорте, резиденция рейхсминистра Риббентропа...

Последнее время у Риббентропа было плохое настроение. Гитлер требовал, чтобы Япония незамедлительно вступила в войну с Россией. На все дипломатические усилия его, Риббентропа, министерства в этой части, японцы неофициально отвечали, что пока не готовы к большой войне. Следовал и их официальный ответ — они усиленно готовятся к войне с Россией.

Ох уж эти восточные тонкости и хитрости!

На доклад прибыл полковник Шульц. Какое-то время рейхсминистр слушал невыразительную речь полковника. Когда тот перешел к российским событиям, Риббентроп перебил:

— Шульц, вы выяснили, что с питерским агентом Сонетом?

— На данный момент, точной информации по нему нет.

— Сонет — важнейший наш агент! — вскипел рейхсминистр. — Что вам вообще известно о нем?

— Сонет исчез, не выходит на связь. Возможно, уходя от слежки, он залег на дно...

— Срочно отправьте человека в Ленинград, мы должны точно и все знать о Сонете.

— Слушаюсь, господин рейхсминистр.

— Что по украденным в Эстонии художественным холстам из Ленинграда? — спросил рейхсминистр.

— Руководство спецпочты еще не закончило расследование.

— А вам, Шульц, ничего не известно? — уже взорвался Риббентроп. — Нет даже никаких предположений?

— Мы навели некоторые справки, поставили задачи информаторам и агентам...

— И?

— Пока только предположительно, по косвенным признакам, — это работа СД.

«Шеленберг! — воскликнул Риббентроп. — Этот выскочка! Пронюхал... и организовал нападение...».

— Стопроцентных доказательств, господин рейхсминистр, — продолжал полковник, — у нас пока нет...

— Продолжайте работать, Шульц. И активнее, активнее работайте. Вы свободны...

— Смотри-смотри, Емеля, самолет! Лежит на брюхе! — внезапно приглушенно раздался незнакомый мужской голос.

Ермолай удивленно встрепенулся. Прильнув к иллюминатору, увидел приближающихся двоих мужчин в военной форме, шинели и шапках. Они шли со стороны леса.

— Тихо ты, Балда, — прошипел еле слышно второй мужской голос. — Может это немецкий самолет, и там есть живые люди.

«Говорят по-русски. Значит, наши люди!» — воскликнул Ермолай, отложил трапезу, направился к выходу из грузового салона.

— Да нет, это наш самолет, похоже, экстренно приземлился, — донеслось. — Наверняка там одни трупики, сейчас поживимся чем-нибудь...

— Здравствуйте, товарищи, — выходя из двери самолета, громко изрек Ермолай.

Находящиеся примерно в десяти метрах мужчины остановились и удивленно взирали на человека, вышедшего из двери самолета.

— Я лейтенант Сергеев, нахожусь на спецзадании. Прошу вас представиться.

Внезапно и гулко прозвучал выстрел. Над самой головой Ермолая что-то просвистело и ударилось в обшивку самолета. Инстинктивно Ермолай замер...

Деревня Левцово Мышкинского района...

Грузовая машина затормозила возле деревенского магазина. Из кабины выскочил капитан милиции и быстро подошел к лавочке, на которой располагались трое пожилых женщин.

– Здравствуйте, милые! – громко изрек капитан.

– Здравствуй, служивый, коль не шутишь.

– Не шучу, родные. Я начальник райотдела милиции в Мышкине, капитан Маслов. Имею к вам очень серьезный вопрос.

– Говори.

– Ночью в вашей округе ничего такого не произошло?

Женщины стали переглядываться, пожимать плечами.

– Может, шум большой кто слышал? – продолжал спрашивать капитан.

– Старик мой что-то слышал, – вымолвила одна из женщин. – Не спит он ночами, болеет...

– Где он? – быстро и перебивая, спросил капитан.

– Дома, – ответила женщина. – Третий дом по улице, с высокой такой трубой, – показала рукой направление.

– Спасибо, дорогие, – бросил капитан и быстрым шагом направился по указанному направлению...

Разговор капитана Маслова с седобородым стариком длился недолго.

А после него грузовая машина с военными направилась по лесной дороге...

Оцепенение длилось какое-то мгновение. Сергеев юркнул в дверь самолета. Следом прозвучал второй выстрел.

– Не пали ты, береги патроны, – прозвучали мужские слова.

Ермолай достал свой наган, привел в боевое положение и стал осторожно выглядывать в дверь. Воцарилась тишина.

«Кто эти люди? — раздумывал Ермолай. — По форме одежды похожи на военных... Почему стреляли в меня?.. Это фашистские диверсанты, наши бандиты?.. Возможно, дезертиры?..».

Вот из-за одного дерева показалась мужская голова в шапке.

«Метров двадцать будет», — прикинул Ермолай и стал прицеливаться.

Голова исчезла.

«Черт! Ситуация! — выругался Ермолай. — Что делать? Что предпримут эти типы?.. Как долго я смогу здесь находиться?..».

Вот голова показалась снова.

Сергеев прицелился и выстрелил. Послышалось вскрикивание, голова и следом туловище упало на землю.

«Попал!» — воскликнул Ермолай.

В это время из-за другого дерева выскочил второй мужчина и бросился бежать в лес. Сергеев снова прицелился и выстрелил. Мужчина продолжал бежать и все дальше удаляться.

«Промазал во второго, — зло подумал Ермолай. — Уйдет гад, уйдет...» — выругался...

Иркутск, железнодорожный вокзал, КПЗ при линейном отделении милиции...

Уже третий день Иван Удачин сидел в камере. Правда, он предъявил при досмотре «левый» паспорт на имя Руслана Вешина. Он ругал себя последними словами, что так глупо попался патрулю, приехал из Маньчжурии, не переоделся. И вот...

Кормили задержанных какими-то отходами. Сутки с ним сидел шевбутной вор-карманник, потом привели на некоторое время тихого православного батюшку, потом в стельку пьяного парнишку...

«Почему меня не вызывают на допрос?» — возмущался Удачин (Вешин)...

— Вешин, на выход, — раздался грубый мужской голос.

Вскоре Удачин (Вешин) заходил в мрачное помещение. За столом восседал капитан милиции. Невдалеке стоял некий гражданский тип в кожанке с улыбающимся, неприятным лицом.

— Зарос щетиной, — осматривая задержанного, выдавил гражданский. — Трудно признать. Но это мы сейчас поправим.

В руке его мелькнуло лезвие опасной бритвы. Подойдя к Удачину (Вешину), выдавил:

— Стой спокойно, если не хочешь, чтобы я тебя порезал, — и резко махнул бритвой по левой щеке.

Удачин (Вешин) спокойно перенес болевое ощущение.

Капитан встал из-за стола, в руке он держал фотокарточку. Подошел к Удачину (Вешину), фото поставил рядом с его лицом.

— Точно, это наш искомый Удачин с родинкой на левой щеке, — выдавил капитан. — Нагулялся милок, будем этапировать в Новосибирск.

Удачин (Вешин) сделал удивленно-непонимающее выражение лица. Выдавил:

— Не понимаю...

— А тебе, белогвардейское отродье, и понимать нечего, — грубо прервал капитан...

Раздумывая, что предпринять дальше, Сергеев посидел какое-то время в самолете. Затем осторожно, держа наготове наган, вышел из салона самолета.

«Второй бандит мог спрятаться где-то недалеко, — прикидывал Ермолай. — Но осмотреть убитого бандита надо, возможно, он еще жив», — и медленно двинулся к лежащему на земле мужчине.

Подойдя, Ермолай стал рассматривать мужчину. Судя по неподвижной позе, он был мертв. Пуля попала прямо в висок. Из-под шапки убитого выглядывало что-то синее. Ермолай сдвинул шапку с головы и... увидел шлем летчика.

Сразу мелькнула мысль:

«Такой шлем был у майора Теплова!? Неужели эти двое бандюков его убили?..».

Не хотелось, очень не хотелось в это верить. Полезли совсем уж темные мысли:

«Возможно, бандиты пытали майора... И он сказал им о самолете... Вот они и притащились...».

Ленинград, музей Эрмитаж, отделение НКВД...

На рабочем столе начальника отделения милиции лежало полтора десятка художественных полотен без рамок. Эти полотна в сером пенале только что доставил посыльный с линии фронта, из района Красного Села. Майор Истомин и капитан Ильиных рассматривали полотна.

— Надо все это показать академику Понаровскому, — вымолвил Истомин. — Кстати, как его здоровье?

— Здоровье неважное, но сегодня он вышел на работу, — ответил капитан, взял телефонную трубку.

Услышав абонента, вымолвил:

— Эльдар Иосифович, зайдите, пожалуйста, ко мне. Пришли новые картины для музея.

Через минуту в помещение решительно вошел академик. Окинув взглядом комнату и бросив:

— Здравствуйте, товарищи, — быстро прошел к рабочему столу хозяина кабинета.

Подкашливая, академик принялся рассматривать и комментировать лежащие на столе холсты.

— Так... — тихо изрек, — это ранний Серов. Эту работу я не знаю... Это творение Ивана Никитина... это, кажется, поздний Хендрик Гольциус. Кое-что из этого требует ремонта, опять же, рамы надо изготовить. Откуда эти шедевры?

— Вы, Эльдар Иосифович, коллекционера Федора Федоровича Калиновского по кличке Негоциант знали? — спросил Истомин.

— Да, я знаю художественного эксперта Калиновского. Надо признать, эксперта высокого уровня. Знал я и его давно умершего отца, отменного искусствоведа.

— Калиновский, или Негоциант — это один и тот же человек, — бросил капитан. — Его убили и ограбили. Эти картины были найдены у фашистского лазутчика, пытавшегося пересечь линию фронта. Теперь это экспонаты нашего музея.

— Убили, ограбили? Калиновского? — тихо вымолвил академик. — В нашем городе... — закашлялся.

— Вот именно. Как коллекционер, он был связан с темными личностями. Эти неразборчивые связи его в конечном итоге и погубили, — вымолвил Истомин.

— Сейчас, в условиях блокады, еще кто-то занимается коллекционированием? — спросил академик.

— Занимаются, Эльдар Иосифович, — ответил майор. — И еще как занимаются...

Внезапно послышался звук мотора машины. Сергеев поднялся и увидел едущий по полю грузовик.

«Кто едет? — задумался Ермолай. — Наши, не наши...», — отчего-то разболелась голова, а рука потянулась к нагану.

Но несмотря на возникшие сомнения и головные боли, надо было идти встречать грузовик. Держа в правой руке пистолет, Ермолай пошел навстречу машине.

Вот машина затормозила, из кабины выскочил капитан милиции.

— Наконец нашли самолет! — крикнул он громко. — Ты кто, лейтенант?

— Сергеев, — выдавил Ермолай.

— Я — капитан Маслов. Ты-то нам и нужен, Сергеев, убери наган. Как приземлились? Груз цел?

«Меня искали и нашли», — вяло подумал Ермолай, ощутил большую усталость.

Перед глазами проскочили неприятные мгновения приземления самолета, вынос из кабины тел летчиков, мертвый бандит...

Ермолай тихо изрек:

— Груз цел...

После осмотра самолета и погрузки на машину тел двух летчиков и одного бандита, Маслов и Сергеев стали обсуждать дальнейшие действия. Капитан сообщил, что до линии фронта порядка 90 — 100 километров.

— Прилично, — выдавил Ермолай.

— В общем да, — согласился капитан. — Но в прифронтовую полосу проникают фашистские диверсионные группы. Совершают набеги на населенные пункты, минируют дороги, устраивают разные диверсии, поджоги, убийства.

— В нашей ситуации я предлагаю следующий вариант, — продолжал Маслов. — Я оставляю тебе двоих вооруженных человек для охраны груза. Сам на машине еду в Мышкин, докладываю по инстанции...

— Первым делом позвоните в Москву в ГРУ полковнику Селезневу, — вставил Ермолай.

— Хорошо, сначала ему — полковнику, потом по своей инстанции, — продолжал капитан. — Нахожу два грузовика и еду сюда, к тебе, лейтенант. Далее мы действуем в зависимости от полученных указаний начальства.

— Все правильно, — бросил Ермолай. — А ближайшая железнодорожная станция от этого места далеко?

— Станция Некоуз, примерно 40 — 45 километров. А что?

— Я вижу только один вариант, как выбраться из создавшейся ситуации, — медленно вымолвил Ермолай. — ГРУ выделяет спецвагон, он прибывает на станцию Некоуз. Мы на грузовиках возем груз на станцию, выгружаем в вагон. Далее он отправляется к месту назначения.

Некоторое время капитан раздумывал.

— Логично, лейтенант, — изрек, похлопал по плечу...

После отъезда капитана Маслова Сергеев расставил двух совсем молодых бойцов на охрану самолета. Основательно проинструктировал, сообщил и об убежавшем бандюке.

Голова у Ермолая была какая-то чумная, в организме чувствовалась усталость.

«Капитан Маслов будет мотаться в общей сложности часа четыре, — прикинул. — Пожалуй, надо мне отдохнуть».

Прошел в салон самолета, сделал себе небольшое лежбище. Удобно расположился...

Глава 16

Ермолай проснулся и услышал шум моторов машин. Причем явно не одной машины.

Ермолай взглянул на свои часы:

«Похоже, Маслов приехал, транспорт пригнал. А хорошо я отдохнул».

Поднялся, потянулся, чувствовал он себя замечательно.

Вышел из самолета и увидел подъезжающие три грузовика. Машины остановились. Из одной машины вышел незнакомый майор с перевязанной правой рукой, из другой — капитан Маслов.

— Принимай подмогу, лейтенант! — крикнул капитан.

— Спасибо, — ответил Сергеев. — Подмоге я всегда рад.

К нему подошел майор с перевязанной рукой и вымолвил:

— Майор Чиликин, ГРУ. Вы — Сергеев?

— Так точно, — облегченно вымолвил Ермолай.

Майор внимательно осмотрел лейтенанта, улыбнулся и вымолвил:

— Хорошо, брат. Хорошо, что сам жив, что груз сохранил, — протянул левую руку.

После рукопожатия изрек:

— Кратко доложи обстановку.

— Есть...

Сергеев в течение минуты изложил ситуацию, в которой оказался он и груз...

Капитан Маслов привез четырех бойцов, совсем молодых, определенно по возрасту еще школьников. Под руководством Сергеева они извлекли груз из самолета и погрузили в три грузовика.

В ходе выгрузки-погрузки Сергеев спросил Маслова о майоре Теплове.

— Он нигде не объявлялся, мы его ищем, — ответил капитан.

— А кем оказался тип, которого я застрелил? — спросил Ермолай.

— Дезертир из действующей части на Калининском фронте. Его убежавший напарник наверняка тоже такой же.

«Кто-то воюет, а кто-то дезертирует», — ругнулся Ермолай.

Закончив работы, он поклонился разбитому самолету, сказал про себя добрые слова в его адрес.

— Я пришлю сюда людей, — вымолвил капитан, — они здесь все внимательно осмотрят, все, что можно, демонтируют с самолета, вывезут останки.

Ермолай кивнул.

— Ну что, товарищи! — громко изрек майор Чиликин. — Вперед!

— Вперед, — согласился Сергеев.

Офицеры сели в кабины рядом с водителями, по два бойца разместились в кузове вместе с грузом. Колонна из трех машин медленно тронулась в путь...

Ленинград, служебный офис ГРУ ГШ Красной армии...

В кабинете присутствовали подполковник Чехов и майор Истомин. Майор по телефону разговаривал с полковником Селезевым.

— ...Это здорово, Сергей Михайлович, что летчики сумели посадить самолет на обычную поляну, что Сергеев жив, и цел перевозимый груз.

— Безусловно, здорово, что так все закончилось, конечно же, жаль летчиков. Но в создавшейся ситуации мы останавливаем операцию «Театр». Комиссар считает, что ваша миссия в Ленинграде на данном этапе закончена, важнейшие художественные ценности, картины из Эрмитажа вывезены. Вozить самолетом мраморные статуи на Большую землю мы, разумеется, не будем.

— Полностью согласен.

— Ты корректно это доведи до директора Эрмитажа, академика. Он в свою очередь пусть доложит Жданову.

— Понял.

— Есть еще одна новость в рамках операции «Театр». Задержан Иван Иванович Удачин, сын белого офицера, организатор теракта в Новосибирском театре. Он во всем сознался.

— Очень хорошо, товарищ полковник.

— Да, вот что. Вы, Николай Максимович, немедленно возвращайтесь в Москву.

— Слушаюсь, Сергей Михайлович...

Лесная дорога оказалась узкой, с ухабами и разными неровностями. Чтобы не повредить музейный груз, двигались медленно. Ермолай находился в кабине третьего грузовика.

Внезапно раздалась приглушенная автомагнотная очередь. Как послышалось, с левой стороны по ходу движения. Колонна остановилась. Ермолай с водителем выскочили и укрылись справа за машиной. Раздалась более громко вторая очередь, затем еще одна. Послышались одиночные винтовочные и пистолетные выстрелы.

«Ну, дела! Кто мог напасть на колонну в глухом лесу?» — недоумевал Ермолай.

Выстрелы прекратились, установилась тишина.

«Что дальше? Противник готовит атаку на колонну? Или решил отступить?» — раздумывал Ермолай.

— Отбой тревоги! — раздался голос капитана Маслова.

Ермолай и водитель вышли из-за машины, прошли вперед ко второй машине. В это время Маслов и два бойца вытаскивали водителя из кабины первой машины.

К Ермолаю подошел майор Чиликин с пистолетом в левой руке.

— Похоже на почерк диверсионной группы Абвера, — изрек майор. — Неожиданно напасть из засады, обстрелять и быстро уйти. Жаль, жаль убитого водителя первой машины. Но задерживаться нам в лесу нельзя, надо двигаться дальше...

— По машинам! — раздалась вскоре команда капитана Маслова.

Через минуту колонна продолжила свое движение...

Москва, штаб-квартира ГРУ ГШ Красной армии...

В кабинете комиссар Голиков и полковник Селезнев обсуждали текущие служебные дела.

Внезапно подал острый, неприятный звук крайний слева от комиссара телефонный аппарат. Хозяин кабинета тихо изрек:

— Вертушка, НКВД, — взял трубку и бодро изрек:

— Комиссар Голиков, слушаю.

— Что у вас по вывозу музейных экспонатов Эрмитажа? — из телефонной трубки раздался неприятный, но хорошо знакомый мужской голос.

— В целом все идет по нашему плану, товарищ Берия, — быстро ответил комиссар. — Есть, конечно, некоторые трудности...

— Вы не забыли, что вы лично отвечаете за результаты операции.

— Никак нет, не забыл, товарищ Берия.

— А что с самолетом, перевозившим уникальные картины?

Голиков взглянул на полковника, усмехнулся и вымолвил:

— При пересечении линии фронта самолет был обстрелян фашистами. Из-за полученного повреждения он совершил вынужденную посадку на нашей территории. Самолет обнаружен нашими наземными службами, ценности Эрмитажа все в сохранности. Сейчас они вывозятся железнодорожным транспортом к месту своего назначения.

— Так... — медленно выдавил Берия. — Проведите расследование по данному факту и незамедлительно доложите мне.

— Есть, товарищ Берия.

На какое-то время повисла тишина.

— Работайте, товарищ Голиков.

— Есть, товарищ Берия, — быстро отчеканил комиссар и осторожно положил трубку.

Кистью ладони смахнул проступивший на лбу пот, не спеша сел в кресло и бросил:

— Продолжим, Сергей Михайлович...

Колонна подошла к небольшой, из трех домов, железнодорожной станции.

Майор Чиликин и капитан Маслов решительно двинулись в здание станции. Вскоре они вышли вместе с женщиной в железнодорожной форме и направились в сторону одиноко стоящего грузового вагона. Маслов махнул рукой Сергееву.

Ермолай догнал тройцу, и они все вместе подошли к товарному вагону.

— Вот, товарищи, — кивая на вагон, вымолвила женщина, — вагон прибыл час назад из Рыбинска.

— А тепловоз у вас есть? — спросил майор.

Женщина улыбнулась.

— Для вас, дорогие наши военные, защитники вы наши, все, абсолютно все есть.

— Прекрасно! — весело бросил майор, взглянул на Сергеева. — Будем организовывать загрузку вагона?

— Будем, — подтвердил Ермолай. — Только я сначала его как следует обследую.

Обследование и затем загрузка вагона продолжалась примерно три часа. Ермолай в целом остался доволен состоянием вагона и результатами погрузки груза.

После окончания работ майор Чиликин и Сергеев прошли в здание станции. Не сразу, но майор связался по телефону с Москвой и затем вышел на полковника Селезнева. Затем со словами:

— Слышимость плохая по линии, — передал трубку Ермолаю.

— Здравствуйте, товарищ Сергеев! — прокричал полковник. — Молодец, лейтенант! Будешь представлен к награде!

— Спасибо, служу Советскому Союзу, — смущенно выдавил Ермолай.

— А сейчас о нашем деле, — продолжал, крича, полковник. — Тебе в помощь поступает сержант Веселов, он после ранения, но мужик деловой и бывалый. Ваш вагон доставят в Рыбинск, а там прицепят к составу, и покатите вы по маршруту Ярославль — Буй — Киров — Молотов (в настоящее время Пермь) — Свердловск и дальше в Новосибирск. Доставляете груз по назначению, и там ты получишь новый приказ. Все ясно, Сергеев?

«Доставить груз... Новый приказ?.. — подумал Ермолай. — Возможно, новое дело?..» — бодро ответил:

— Ясно, товарищ полковник.

— Постоянно звони и докладывай о движении. Ну, вперед, лейтенант. Счастливой тебе дороги.

— Спасибо.

Чиликин и Сергеев вышли из здания, прошли к вагону. Их встретил небольшого роста сержант. На плече его висел автомат, в руках он держал два вещевых мешка.

— Здравия желаю, — изрек весело боец. — Сержант Веселов прибыл в распоряжение лейтенанта Сергеева.

— Здравия желаю, — в тон ответил Ермолай.

— Здравствуй, Веселов, — бросил Чиликин. — В мешках харчи?

— Так точно. Ведь путь не близкий предстоит.

— Молодец...

В это время к вагону подъехал и заглушил разговор дымящий и гудящий паровоз.

Чилихин взглянул на Сергеева, потом на Веселова, весело бросил:

— Ну, давайте, братцы, устраивайтесь в вагоне. Отправка через 15 минут, не подведите...

— Ни в коем разе...

Часть вторая

ОПЕРАЦИЯ «ТУГРИК»

Глава 1

Железнодорожный вояж Сергеева по маршруту станция Некоуз — станция Новосибирск длился одиннадцать суток. В целом, если не считать пару неприятных ситуаций, он прошел спокойно. Приятно сгладил тяготы и однообразие путешествия находчивый и никогда не унывающий сержант Веселов...

**Москва, Охотный ряд,
Госплан при Совнаркомех СССР,
кабинет председателя...**

Председатель Госплана Вознесенский Николай Алексеевич по телефону разговаривал с председателем Госбанка страны.

— ...Николай Александрович, голубчик, ну кому же, как не вам поручить это дело? Братский монгольский народ собрал денежные средства и ценности, он хочет внести свою лепту в победу над фашистской Германией. От вас требуется привезти это все в страну, разместить в своих хранилищах и поставить на баланс банка.

Булганин возражал и приводил свои доводы.

Вознесенский взглянул на часы, висевшие на стене, покачал головой и решительно перебил.

— Николай Александрович, этот вопрос согласован на самом верху. Я не могу более с вами дебатировать. Согласуйте свои действия по этому вопросу с военной контрразведкой, они получили соответствующие указания. Желаю успехов и жду доклада...

В Новосибирске на товарной станции железнодорожный состав встретил как обычно серьезный майор Апальков. Сразу приступили к выгрузке из вагона и погрузке на машины.

Закончив все мероприятия, колонной из четырех машин двинулись к оперному театру.

Уже после окончания выгрузки груза в театре майор позвонил в Москву и затем передал трубку Ермолаю.

— Здравствуй, Сергеев, — раздался голос полковника Селезнева. — Поздравляю с успешной работой.

— Здравия желаю, товарищ полковник. Спасибо.

— Слушай приказ, тебе предстоит выполнить непростое задание по линии Госбанка страны. Передай трубку Апалькову, он тебя соединит с председателем Госбанка. Успехов тебе, Сергеев, по ходу задания и его окончанию — доложишь.

— Есть...

Председатель Госбанка СССР Булганин поздравил Ермолая с хорошо выполненной работой.

— Мы верили в тебя, товарищ Сергеев. И очень прекрасно, что ты нас не подвел.

— Никак не мог я вас подвести, Николай Александрович.

— Очень хорошо, — изрек Булганин. — Время сейчас военное, масса всякий ситуаций, и тебе, товарищ Сергеев, будет особое задание.

— Я весь во внимании и готов выполнить любое задание.

— Я не сомневался в тебе, — сказал Булганин и дал указание убыть в Иркутск.

Сергеев слегка растерялся и умолк.

— В иркутской конторе Госбанка ты, Ермолай, получишь это особое задание, — продолжал председатель Госбанка. — Я на

тебя — надеюсь и поручился за тебя на самом верху. Понимаешь меня? И помни, идет война, четко выполняй порученное дело и держи язык за зубами.

— Понял вас, Николай Александрович, убываю в Иркутск, — энергично ответил Ермолай. — Готов выполнить любое порученное задание, — и задумался.

«География моих заданий расширяется. Иркутск, рядом Байкал, никогда не был в тех краях... Это от Новосибирска еще, наверное, тысяча, если не больше километров...».

Слышавший разговор майор Апальков спросил:

— Тебе, Ермолай, надо в Иркутск?

— Да.

— Могу подействовать с перелетом военным бортом, если хочешь улететь самолетом.

— Хочу, товарищ майор. И буду очень признателен.

— Я договорюсь...

Перелет проскочил удивительно быстро и спокойно. Перед вылетом Ермолай написал и отправил коротенькое письмо маме в далекий уральский Ирбит.

Иркутск уже изрядно завалило снегом, температура стояла отрицательная. На Сергеева город произвел впечатление такого тихого, полусонного, провинциального.

Контора Госбанка находилась в старинном, двухэтажном кирпичном доме. Охранник на входе, худая женщина в милицмейской форме, долго рассматривала документы Ермолая.

Наконец охранница выдала:

— Проходи, лейтенант, кабинет управляющей, Веры Николаевны Быстровой, на втором этаже.

— Спасибо, — бросил Ермолай и проследовал на второй этаж.

Управляющей оказалась полная хмурая женщина с отдышкой.

— Ждем-ждем вас, товарищ Сергеев. Я, правда, представляла вас постарше возрастом.

— Со временем, Вера Николаевна, этот недостаток пройдет, — пошутил Ермолай.

Быстрова не поняла шутку, сразу перешла на деловой лад.

— Вам предстоит ответственное задание, товарищ Сергеев. В Монголии создан Фонд помощи Красной армии. Гражданами Монголии собраны самые разнообразные подарки. Вы на грузовой машине выедете в Монголию, конкретно — в Улан-Батор. Там в нашем посольстве заберете дары Монголии, вклад этой страны в победу над фашистами, и отправитесь обратно, сюда к нам в контору. Вопросы?

Несколько секунд Ермолай осознал слова управляющей.

«Серьезное задание? — воскликнул. — Везить подарки, дары Монголии? Какие у них могут быть подарки? Шкуры, овцы?.. Их инкассаторы этого не могут сделать? Или она что-то не договаривает?..».

Очевидно, видя сомнения Сергеева, Быстрова продолжила:

— У нас в конторе сейчас только двое мужчин и то — оба больные. Мужчин-инкассаторов с началом войны всех мобилизовали в армию. Я просила для этого задания у Булганина двоих-троих мужчин, дали только вас.

«Допустим, — подумал Ермолай, — все это так. А граница с Монголией?..» — вымолвил:

— Хорошо. А как я пересеку границу с Монголией?

— По межправительственному соглашению у нас свободное пересечение границы. Еще вопросы?

— Почему на машине? А поездом нельзя?

— До Улан-Батора нет железной дороги и аэропорта там нет. Автомобильная дорога делает небольшой крюк и проходит через Улан-Удэ, расстояние — около тысячи километров. Наш сотрудник, водитель машины, будет вашим помощником и проводником. Он местный, кстати, знает бурятский и монгольский языки. За доставку груза вы, товарищ Сергеев, отвечаете, в прямом смысле головой. Нужно выехать как можно раньше, пока не наступили сильные сибирские холода. Машина и помощник ждут вас во дворе...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

В своем кабинете начальник ИРУ, генерал Янагиту, работал со служебными документами.

В дверь постучали. Генерал медленно оторвал взгляд от документов и изрек:

— Войдите.

В кабинет вошел подполковник, сделал поклон и замер в положении «смирно».

— Вольно, мы не на параде. Подходите ближе, подполковник Хирай, — бросил генерал.

Подполковник прошел к рабочему столу хозяина кабинета. Хирай являлся одним из лучших сотрудников ИРУ. Он специализировался на особо важных заданиях.

— Подполковник, — вымолвил генерал, — наш резидент в Улан-Баторе Скала сообщил, что, несмотря на наше противодействие, монголы собрали значительную денежную сумму, а также золота для помощи Красной России. В ближайшее время эти средства и ценности будут переправляться в Россию, — вскочил с кресла. — Мы не должны этого допустить! — истерично крикнул. — Мы должны захватить деньги и золото! В крайнем случае, уничтожить! Вы поняли задачу? — горящими глазами впился в подчиненного.

— Так точно! — выкрикнул подполковник.

— Немедленно отправляйтесь в Улан-Батор. И без победы не возвращайтесь!

Подполковник щелкнул каблуками и направился к выходу.

— Постоянно меня информируйте, — бросил вдогонку хозяин кабинета...

Покинув кабинет управляющей, Ермолай задумался, почему ему поручили эту курьерскую задачу? Можно сказать, рутинную задачу в глубоком, тихом тылу. Возникал и законный вопрос, что это за груз такой? За который он отвечал своей го-

ловой... Дары, подарки Монголии... Хотя... тысяча километров не так уж и много. Если двигаться со скоростью 50 километров в час... то и за сутки можно управиться в одну сторону...

Ермолай вышел во внутренний двор. Невдалеке стоял серо-зеленого цвета ГАЗон, грузовик-полупортка. У машины были непонятные, с точки зрения географической привязки, номера:

**УУ
36-88**

Рядом ходил небольшого роста мужчина в черном комбинезоне.

— Здравствуй, товарищ Сергеев, — раздался незнакомый, подростковый, то ли мальчишеский, то ли девичий, звонкий голос.

Ермолай стал осматривать двор, ища обладателя высокого тембра голоса. В это время мужчина в черном комбинезоне быстро подошел к нему и впился глазами. Ермолай взглянул в улыбающееся восточное, скуластое, загорелое лицо.

— Здравствуй, товарищ Сергеев, я твоя помощница и водитель, — весело изрекло лицо. — Однако, зови меня Урин.

«Это мой помощник? — удивился Ермолай. — Да она же женщина? И к тому, совсем девчонка?..».

Широко улыбаясь, Урин протянула руку. Ермолай осторожно пожал горячую женскую руку.

— Познакомимся потом в пути, а сейчас пойдем в подвал на склад. Однако там нам приготовили одежду и еду в дорогу.

— Пойдем, — тихо вымолвил Ермолай. — Ты давно водишь машину?

— Три года, — следуя впереди, горделиво ответила девушка. — И вообще, я отличница ОСОАВИАХИМа (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, образовано в 1927 году; с 1951 года — ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту); с 1991 года — РОСТО (Российская оборонная спортивно-техническая организация)). Я даже совершила два прыжка с парашютом, стреляю из стрелкового оружия.

Ермолай лишь усмехнулся.

Работником склада оказалась веселая женщина средних лет. Она осмотрела с головы до ног Сергеева, широко, почти в 32 зуба улыбнулась, шаловливо подмигнула. Весело изрекла:

— Красавец мужчина. Значит, из самой Москвы приехал нам помогать?

Ермолай скромно промолчал.

— Шанс для тебя, Урин, — весело продолжала женщина.

Но девушка была не расположена шутить и вести пустые разговоры.

— Некогда нам, Феня, задание срочное, — строго бросила она.

Работник склада тихо изрекла:

— Эх, молодежь-молодежь, — выложила черный овчинный полушубок, меховую шапку, шарф, рукавицы и валенки.

— Примеряй, товарищ лейтенант, — весело изрекла, — все должно подойти на тебя.

— А зачем мне это? Ведь мы едем совсем ненадолго? — удивился Ермолай.

— Оставляй свою одежду прямо здесь, потом заберешь, — вставила Урин. — Одеться тепло надо, на горных перевалах уже очень холодно, а в степи ледяной ветер гуляет.

Сама она уже облачилась в тулуп и валенки. Ермолай спорить не стал, стал переодеваться.

— Вот вам два вещмешка с пайком, — продолжала работник склада. — Дня на 3—4 точно хватит. Как говорится, чем богаты.

— Однако, спасибо, тетя Феня, — изрекла Урин, подхватывая мешки.

Она неожиданно и звонко рассмеялась.

Ермолай не без труда закончил переодевание, бросил:

— Спасибо.

— Счастливой вам дороги, — весело изрекла женщина. — Берегите себя, помогайте друг другу.

— Так и будет, тетя Феня, — бросила Урин.

Ермолай взял у нее один мешок и направился к выходу.

Работник склада перекрестила уходящую пару и тихо вымолвила:

— Да храни вас бог...

Перед выездом Ермолай обошел машину, заглянул в кузов. Там находился брезент, канистра и металлические цепи.

— Урин, а зачем нам цепи?

— Как зачем? — удивилась напарница. — Если на дороге будет гололедица, то придется на колеса надевать цепи.

«Действительно», — согласился Ермолай.

— Взяла я и полную канистру с бензином на всякий случай, — продолжала Урин. — Машину я проверила, все нормально, бак заправлен бензином.

Она села на место водителя, Ермолай расположился рядом.

— Ну, что, товарищ Сергеев, однако трогаем, — весело изрекла девушка.

«Дожил! С девчонкой на задание!» — усмехнулся Ермолай и изрек:

— Трогаем, напарница...

Машина выехала из деревянных ворот и свернула на проезжую, городскую улицу. От работы двигателя кабина слегка вибрировала, припахивало и бензином. Определенно, машина была не первой свежести, хотя внешне и выглядела отменно.

— Нам надо сначала заехать в военную комендатуру, — сказал Сергеев, — и только потом мы тронемся в пункт назначения. Ты знаешь, где находится военная комендатура?

— Знаю, начальник. Она тут в двух шагах.

— Скажи, Урин, сколько тебе лет?

— Однако, я школу закончила, мне 18 лет, уже совершеннолетняя.

«Я бы ей дал не больше 16 лет», — подумал Ермолай.

— Кто ты по национальности?

— Бурятка, настоящая бурятка. Нам управляющая сказала, что приедет опытный, знающий специалист. А ты, начальник, однако, совсем молодой. Ты сам откуда будешь?

— Из Ленинграда. Ну, не такой уж я и молодой. Действительно, опыт у меня имеется, участвовал в нескольких операциях, имею поощрения, награды, ранения...

Вскоре машина затормозила возле длинного, одноэтажного кирпичного строения.

— Однако в этом доме находится военная комендатура, — показывая рукой на строение, изрекла Урин.

— Хорошо, — бросил Ермолай. — Кстати, у тебя есть оружие?

— Да, мне выдали пистолет. И стрелять я умею.

— Ладно. Я выйду, ты жди меня.

— Хорошо, начальник.

Сергеев улыбнулся.

— Можешь называть меня просто по имени, Ермолай.

— Хорошо, начальник, — ответила напарница и звонко рассмееялась.

Сергеев махнул рукой, вышел из машины и проследовал в здание...

Ермолай не без труда нашел кабинет, где находился офицер ГРУ.

Уже в возрасте старший лейтенант, в очках, тяжело поднялся из-за стола, прихрамывая, вышел навстречу Сергееву.

— Жду тебя, лейтенант, жду, — выдавил скрипучим голосом. — Пятов Павел Павлович, бывший учитель математики, раненый бандитской пулей.

Мужчины пожали руки.

— Присядем на диван, — предложил Пятов, — я тебя введу в курс наших местных дел.

Они сели на скрипучий диван.

— Сразу заруби себе на носу, Ермолай, здесь тоже идет война, — строго начал хозяин кабинета. — Равно как и в Монголии. Наши враги — это японские диверсанты и разведчики, недобитые в двадцатые годы белогвардейцы и казаки, самый разношерстный преступный элемент...

Пятов говорил минут 6 — 7. Слушая его, Ермолай становился все более хмурым.

Вот Пятов поднялся и спросил:

— Вопросы?

Сергеев тоже поднялся, пожал плечами.

— Понимаю, тебе надо все это обмозговать, — изрек Пятов, прошел к столу. — По телефону доложи в Москву о том, что приступил к операции под кодовым названием «Тугрик». Надеюсь, ты знаешь, что такое тугрик?

— Да, это национальная денежная единица Монголии.

— Вот-вот, твое задание — это операция «Тугрик». У тебя будет три легенды на поездку, — продолжал Пятов. — Будешь использовать в зависимости от ситуации. Первая — дипломатическая, вторая — банковская и третья — военная. Документами по ним я тебя снабжу, по дороге изучишь.

«Как все не просто. — удивился Ермолай. — Казалось бы, рутинная и скоротечная поездка по перевозке груза. По вполне мирной, спокойной территории...».

После краткого разговора с полковником Селезневым, Ермолай стал собираться.

— Какое у тебя оружие? — спросил Пятов.

— Наган.

— Один? — бросил Пятов. — Маловато, — и достал из стола пистолет. — Вот возьми еще один, на всякий случай. И спрячь куда подальше и незаметнее.

— Спасибо, — принимая оружие, сказал Ермолай.

— Возьми и это, — протягивая гранату, вымолвил Пятов. — «Ф-1» по прозвищу «лимонка». Пользоваться умеешь?

— Умею.

— Лучше, чтобы это тебе не пригодилось. Но, как знать, как знать, время сейчас...

В машине Урин встретила со словами:

— Однако, долго ходил.

— Сколько надо, столько и ходил, — буркнул Ермолай. — И вообще, негоже делать замечание начальнику. Заводи, поехали.

— Есть, начальник...

За окном замелькали городские кварталы, кирпичные, но в основном деревянные дома. Проскочил православный храм с полуразрушенной колокольней.

Сергеев разложил карту на коленях. Карту он выпросил у Пятова, когда тот объяснял ему предстоящий маршрут. Стал рассматривать движение по маршруту. Урин что-то тихо напевала.

Они уже покинули пределы города и держали путь по шоссе на юг. По обе стороны от дороги тянулся лес, вернее даже, сибирская тайга. Изредка встречались встречные машины. Урин уверенно и ловко вела машину, держа скорость в пределах 50 километров.

— Так, — глядя на карту, вымолвил Сергеев, — от Иркутска до Улан-Удэ примерно 500 километров. Мы должны проскочить за 10 часов.

— Однако, ты шутишь, начальник! — воскликнула девушка.

— Вовсе нет.

Напарница широко улыбалась.

Ермолай убрал карту и стал изучать полученные от Пятова документы по трем легендам...

Показалась какая-то деревенька.

— Что это? — спросил Сергеев.

— Однако, деревня Олха, эвенкийская деревня. Мы выезжаем на Култукский тракт.

Эти названия ни о чем не говорили Ермолаю. Вскоре показалась небольшая речка.

— Это речка Моты, — изрекла Урин. — Однако, в Байкал впадает 200 рек, а из него вытекает только одна — Ангара. Байкал очень глубокий, есть впадины по полтора и более километра.

— А ты неплохо знаешь эту трассу и район, — бросил Ермолай.

— Однако, моталась по трассе...

Пошли пригорки. Дорога пошла вверх, скорость машины упала, она стала местами пробуксовывать.

Вот машина взяла вправо на обочину и остановилась. Сергеев удивленно взглянул на Урин.

— Однако, надо цепи поставить на задние колеса, — изрекла напарница, — иначе Култукский перевал не одолеем.

— Култукский перевал большой? — спросил Ермолай.

— Большой, на высоте 600 метров верхняя точка. Ты сиди, начальник, я быстро цепи поставлю.

Минуты через три они двинулись дальше. Машина шла гораздо увереннее, хотя скорость движения определенно падала. Дорога изобиловала поворотами, приличными обрывами прямо за обочиной шоссе. Сосредоточенная Урин крепко держалась за баранку.

— Медленно едем, — поглядывая на часы, бросил Ермолай.

— Здесь каждый год крушения машин с жертвами бывают, — ответила напарница. — Ехать быстро, однако, никак нельзя, можно соскользнуть в пропасть.

— Тебе виднее, — выдавил Ермолай.

Они проехали совсем ничего, а из расчетного графика Сергеева уже выбились. В кабине стало холодать...

Скорость машины совсем упала. Вот они объехали стоявшую на обочине легковую машину. Миновали какой-то обелиск.

— Фу! — воскликнула Урин. — Перевал покорен! Держись, начальник, теперь пойдём вниз...

Светило солнце. Впереди внизу показалось какое-то селение. А дальше на горизонте... удивительная и величественная, и какая-то нереальная сине-зеленая гладь.

— Что это? — непроизвольно восторженно воскликнул Ермолай.

— Великий и священный Байкал, — тихо вымолвила Урин. — Наше море, море-кормилица.

— Картина потрясающая! — всматриваясь в изумительный, грандиозный вид, изрек Ермолай. — Просто глаз не оторвать!

— Так, однако, — подтвердила напарница. — Байкал притягивает, как магнит. Вот ты увидел его, начальник, будешь постоянно вспоминать, и обязательно опять приедешь.

Ермолай спорить не стал.

Машина на небольшой скорости спускалась вниз.

— Что там на побережье внизу за деревня? — спросил Ермолай.

— Старое село Култук, здесь тоже много эвенков живет, немало бурятов...

Они сделали небольшую остановку, Урин быстро сняла с колес цепи.

Вскоре машина проезжала по селу, состоящему из частных одноэтажных домов. Вот показалась деревянная церковь с серыми покосившимися куполами. По дороге какой-то небольшой паренек лениво гнал с десятка овец. Урин посигналила, овцы неспешно расступились...

Миновали село Култук. Дорога шла вдоль берега озера. Ермолай не мог оторвать взгляд от чудной и завораживающей водной глади. На ней переливались серебристо-золотистые солнечные блики. Справа от дороги также был прекрасный вид: на заснеженной возвышенности красовался зеленый сибирский кедр, сосны, ели, лиственница.

— Это пошли отроги Забайкальского хребта, — пояснила напарница. — Там зверья много всякого.

Пересекли мост через очередную небольшую, но бурную речку, невдалеке проходил участок железной дороги.

Вскоре показалось большое селение.

— Это очень старинный город, Слюдянка, здесь слюду добывают, мрамор, — вымолвила Урин. — Говорят, — добавила уже весело, — здешний мрамор используют при строительстве московского метро.

— Ты хорошо знаешь эти места, — сказал Ермолай.

Девушка довольно улыбалась.

Совсем небольшой город они проскочили быстро.

— Моталась, однако, по этим местам, — вымолвила напарница. — Да и в школе нам много рассказывали о Прибайкальском и Забайкальском краях, географию я любила.

После этих слов напарницы Сергеев почему-то загрустил. Вспомнил свои школьные годы, своих родителей, друзей, знакомых... Слегка покачивало, мотор машины заунывно звучал... За окном промелькнула деревенька в три дома, пошел лес...

Глава 2

Маньчжоу-го, город Дайрене...

Кроме России, атаман Семенов имел агентурную сеть и в Монголии. Правда небольшую, — надежных монголов у него было очень мало, а работать его людям, русским по национальности, было сложно в этой дикой и отсталой азиатской стране.

Семенов знал, что под давлением большевиков по всей Монголии была развернута компания по сбору денег и ценностей в пользу советской Красной армии. Собирались тугрики, советские рубли и американские доллары, имеющие хождение в Монголии, а также золото и изделия из него. Было собрано много миллионов. Попытки японской разведки сорвать компанию не увенчались успехом.

Знал атаман и о предполагаемой отправке собранных денег и ценностей в советскую Россию. Люто ненавидевший большевиков, допустить этого он, царский генерал, никак не мог... Сотрудничать по этому вопросу с японцами атаман не хотел... Но что предпринять в этой ситуации?.. Надо было как-то заинтересовать своих сподвижников... Самый надежный способ — материальный...

— Начальник! Проснись, начальник!

Сергеев открыл глаза. Машина стояла на улице посреди деревянных домов. Его за рукав тормошила Урин.

— Начальник, пойдем перекусим и дальше поедем.

— А мы где? — спросил Ермолай.

— Пока ты спал, мы прилично проехали, половину пути до Улан-Удэ отмахали.

Ермолай взглянул на свои часы, прикинул:

«Так... мы пилили 7 часов...».

Кивнул на дом.

— Это что?

— Бурятская деревня Танхой, дом моей бабушки, Лосол. Пойдем покушаем и поедем дальше.

«Отмахали получается где-то 250 километров за 7 часов. М-да, выбиваемся из моего расчетного графика, — подумал Ермолай, ощутил чувство голода. — Но поесть точно надо».

— Пойдем, — окончательно просыпаясь, изрек...

Машина подъехала к изгороди из длинных жердей, миновала распахнутые ворота и остановилась возле небольшого деревянного дома.

Бабушкой оказалась маленькая, морщинистая, улыбчивая восточная женщина. Вместе с Урин они быстро накрыли стол, выставив миску с вареной картошкой, тарелку с рыбой, графин кваса.

— Это байкальский омуль, — пояснила хозяйка, показывая на тарелку с рыбой. — Вкуснейшая рыба, язык проглотишь. Ешьте, дорогие гости, на здоровье. Однако, скоро позы поспеют.

Понять бабушку оказалось не просто, говорила она с неким акцентом, порой проглатывая целые слоги.

Сели за стол, стали кушать. Действительно, омуль оказался исключительно вкусным.

— У меня самогонка есть, — улыбаясь, изрекла хозяйка.

Урин взглянула на Сергеева.

— Спасибо, уважаемая Лосол, — ответил Ермолай. — Мы за рулем, нам ехать надо.

Вскоре хозяйка выставила миску с дымящимися позами.

— Спасибо! Все так вкусно! — воскликнул Ермолай.

Хотя и подумал, что вероятно их в этом доме поджидали, ибо всего так быстро наготовили...

Внезапно с улицы донесся мужской голос.

— Кушайте, — поднимаясь из-за стола, изрекла Урин. — Я схожу посмотрю, кто пришел, — и быстро покинула комнату.

Ермолай к этому времени уже хорошо насытился, попил домашнего кваса.

Урин не возвращалась, это слегка напрягало Ермолая.

— Большое вам, Лосол, спасибо, — вымолвил он. — Я выйду на улицу, разомнусь.

— Давай сходи, — бросила хозяйка. — Снова приходи, пить чай будем.

Ермолай вышел из дома во двор. В десяти шагах, рядом с машиной стояли двое, очевидно местных, парней-бурятов и Урин. Они о чем-то нервно говорили, размахивая руками. При этом один парень, повыше ростом, крепко держал девушку за руку. Дружеской беседой определенно это назвать никак было нельзя.

Ермолай насторожился и спросил:

— Урин, помощь нужна?

Троица обратила на него внимание.

— Не лезь ты, это наши дела, — заикаясь, громко крикнул второй, низкорослый парень. — Тебе не понять.

— Я не с тобой разговариваю, — бросил Ермолай.

Незаметно, на всякий случай достал свой наган.

— Ну, не понимаешь ты нормальных слов!? — проглатывая некоторые буквы, неестественно дергаясь, истерично крикнул низкорослый.

В его руке блеснул нож.

«Опасный тип! — воскликнул Ермолай. — Он, по сути, в одном прыжке от меня... А с двумя я могу и не справиться».

Решение он принял мгновенно. Быстро выстрелил из нагана сначала в плечо низкорослому, затем в ногу второму парню. Оба они с воплями упали на землю.

— Ты убил их? — крикнула Урин.

— Нет, — подходя к ней, вымолвил Ермолай. — Одного ранил в плечо, дабы ножом не махал, второго в ногу, дабы к тебе не приставал.

Парни вопили и ругались.

— Давайте поднимайтесь и проваливайте, пока я окончательно не разозлился и не пристрелил вас, — зло бросил Ермолай. — Живо! Ну!?

Воя и ругаясь, парни стали подниматься и медленно двигаться со двора. Вскоре они удалились. Урин явно недовольно смотрела на Сергеева.

— Через 5 минут отъезд! — строго бросил Ермолай.

— Это мои знакомые. Они просто хотели покататься...

— У нас особое задание, Урин! — решительно прервал ее Ермолай. — Мы не имеем права подвергаться рискам! Тем более, передавать кому-то машину! Мне все равно, кто они и что они хотели. По-твоему, я должен был ждать, когда эти типы порезали бы тебя или меня? И прощай задание? А впереди... впереди у нас трибунал?

Насупившись, девушка молчала.

— Все, — изрек Ермолай, — разговор на эту тему окончен...

Деревню миновали быстро. На окраине одиноко стоял бордового цвета, деревянный буддийский храм. Ермолай с интересом смотрел на храм с необычной формой крыши, сильно выступающей за само строение и загнутыми уголками вверх.

Дорога проходила вдоль живописного берега Байкала. Со всем рядом лежали железнодорожные шпалы Транссибирской магистрали. Но сейчас Сергеев не любовался байкальскими красотами. Он просто смотрел на дорогу и думал о произошедшем инциденте с парнями. Думал, правильно ли он поступил?..

Хмурая Урин тоже смотрела на дорогу...

Миновали какой-то населенный пункт. Урин уверенно вела машину, периодически искоса бросая взгляды на Сергеева.

— Хватит дуться, — бросил Ермолай. — Ты же понимаешь, что я поступил правильно, в интересах дела. А парни быстро залечат раны.

— Да, наверное. Тем более, что они были пьяны...

Снова на горизонте появилось поселение.

— Это город Мысовск (в настоящее время город Бабушкин), — изрекла Урин. — Назван в честь реки Мысовки. Нам

в школе говорили, что в 1918 году город был захвачен белочехами, многих жителей тогда они поубивали. Что в период гражданской войны город оккупировался американцами, японцами, унгерновцами, семеновцами, капшелевцами.

«Какая богатая история у этого захудалого на вид городка», — удивлялся Ермолай.

Хмурость и суровость с лица Урин ушли, лицо было такое же, как и в момент знакомства.

— Бабушка сказала, что ты хороший человек.

— Почему она так решила? — удивился Ермолай.

— Сказала, что душа у тебя светлая, глаза чистые.

— Она и видела-то меня всего ничего...

— Бабушка умеет читать по глазам.

Ермолай хотел возразить. Но Урин твердо добавила:

— И не спорь, пожалуйста.

«Ладно, не буду», — усмехнувшись, решил Ермолай...

Вот дорога отвернула вправо. Байкал стал быстро удаляться и вскоре исчез из видимости. Ермолай достал карту. Судя по ней, до Улан-Удэ осталось менее 100 километров...

Слева от дороги показалась то ли река, то ли озеро.

— Река Селенга, — кивая, вымолвила Урин. — Еще не успела замерзнуть. Она берет начало в Монголии и впадает в Байкал. В реке много рыбы, главная из них — это, конечно, омуль. Потом хариус, сиг, таймень, налим, сазан, язь и многие другие.

Дорога то удалялась от реки, то приближалась. Урин держала хорошую скорость. Ермолая снова потянуло в сон...

— Начальник, проснись!

Сергеев проснулся и понял, что машина тормозит.

— В чем дело?

— Милицейский патруль при въезде в Улан-Удэ, — изрекла напарница. — Требуется остановиться. Что делать?

— Останавливайся.

Машина остановилась возле милицейского мотоцикла с коляской. Рядом с ней стояли два милиционера, один из них с автоматом наперевес.

— В чем дело? — крикнул Ермолай милиционерам. — Мы на задании по линии министерства обороны.

— Выйдите из машины! — грозно крикнул младший лейтенант восточного вида.

Второй милиционер, ефрейтор, навел на машину автомат.

«Блин... — выругался Ермолай, мелькнула мысль. — А если это переодетые бандиты?.. Может, бросить «лимонку» и продолжить путь?.. Нет, это же наши, советские люди, не стоит так обострять», — решил и вышел из машины.

— Садитесь в коляску мотоцикла, товарищ лейтенант. Проедем в горотдел милиции, — строго изрек младший лейтенант.

— Зачем? — воскликнул Ермолай. — Мы находимся на спецзадании, я лейтенант ГРУ. Вы не имеете права нас задерживать!

— Имеем. И не заставляйте нас применять силу, — отчеканил младший лейтенант.

«Спокойно, спокойно, — успокаивал себя Ермолай. — Это их территория. Разберемся...» — направился к мотоциклу.

Сел в коляску. За руль сел младший лейтенант, за его спиной разместился ефрейтор.

Мотоцикл взревел и медленно тронулся вперед. За ним последовала машина с Урин за рулем.

Мотоцикл изрядно трясло на неровной дороге. Проехали одну улицу, другую, свернули в переулок и затормозили.

— Выходим и проходим в отдел милиции, — изрек младший лейтенант. — Только без глупостей, лейтенант. С вами побеседует заместитель начальника горотдела, капитан Галайба.

«Может поступила новая вводная по заданию?» — подумал Сергеев, бросил:

— Хорошо, — и стал вылезать из коляски.

Оглядевшись, он не увидел грузовой машины с Урин.

«Где же она? — недоумевал Ермолай. — Не надела ли бы глупостей девчонка...».

Сергеева привели в типично служебное, серое невзрачное помещение.

За столом располагался хмурый капитан милиции со свернутой на бок скулой.

«Вероятно, на лице капитана — последствия ранения или контузии», — предположил Ермолай, присел на предложенный стул.

— Ваши документы, — тихо вымолвил капитан.

Ермолай достал из кармана и передал офицерское удостоверение и документ, подтверждающий, что он находится на особом задании по линии министерства обороны. Затем спросил:

— Чем вызван интерес ко мне органов внутренних дел?

Капитан не спеша просмотрел документы. Обратил внимание на маршрут движения: Иркутск — Улан-Батор. Наконец изрек:

— На вас поступило заявление от двух граждан о покушении на убийство.

«Во как? — удивился Ермолай. — Это те два типа, в которых я стрелял в бурятской деревне, написали клевету? Или сообщили по телефону... Быстро сработано!» — вымолвил:

— Дело было вовсе не так...

— Вы подтверждаете факт стрельбы в безоружных людей? — быстро и напористо спросил капитан и впился глазами в Сергеева.

Ермолай выдержал неприятный, явно недружественный взгляд и изрек:

— Может, вы меня все же выслушаете.

— Отвечайте на мои вопросы, — резко бросил капитан. — Повторяю вопрос, Вы стреляли в деревне Танхой в двоих граждан?

Скула следователя стала как-то неестественно двигаться вверх-вниз.

«Давит этот контуженный следователь... — раздумывал Ермолай. — Никак он взялся за меня всерьез. Ну, уж, фигу тебе...».

— Или вы хотите в камеру? — напирал следователь.

Ермолай вспомнил о своем, далеко не самом приятном, пребывании в милицейской камере в Рязани. Как можно спокойнее вымолвил:

— Органы внутренних дел не имеют права задерживать находящегося при исполнении лейтенанта ГРУ Красной Армии.

Если я даже что-то и совершил, вы обязаны незамедлительно передать меня военной комендатуре...

— Грамотный! — перебивая, воскликнул капитан. — А все же сознался в совершенном преступлении.

— Попрошу не передергивать. Я не совершил никакого преступления, а действовал в рамках необходимой самообороны...

— Посидишь в камере на воде три дня — заговоришь по-другому.

Ермолаю хотелось сказать «ласковые» слова капитану. Из последних сил он сдерживал себя.

— Завтра с тебя снимут погоны, — издевательски продолжал капитан, — а еще через пару дней осудят лет этак на пятнадцать.

— Я требую встречи с военным комендантом или офицером ГРУ, — выдавил Ермолай.

Капитан буквально пожирал Сергеева глазами, скула его неприятно двигалась, корпус дергался.

— Страна воюет, — выдавил капитан, — а некоторые мотаются тут по тылам. Совершают преступления, глумятся, дискредитируют...

— Попрошу выбирать выражения. Я боевой офицер, имею награды...

— Разберемся, какие ты имеешь награды и за что...

— Прошу не тыкать...

В разгар этой неприятной и нервной перепалки в помещение решительно вошел майор Красной армии, следом капитан. Поочередно строго рассматривая присутствующих напряженных мужчин, майор требовательно спросил:

— Что здесь происходит?

— А вот и военный комендант города, — улыбаясь, выдавил капитан. — Полюбуйтесь, товарищ майор, на этого голубчика-героя, стрелка по гражданским...

Ермолай поднялся и вымолвил:

— лейтенант Сергеев, нахожусь на специальном задании по линии ГРУ Красной Армии. В данный момент необоснованно задержан милицией и вроде как допрашиваюсь незаконно.

Хозяин кабинета поднялся и бросил в сторону вошедшего капитана:

— Ваш кадр, товарищ капитан Смелов, лейтенант-разведчик или контрразведчик, уж не знаю точно. По тылам шарится, терроризирует мирных людей...

Но его перебил комендант. Майор строго бросил:

— Вам и не положено знать точно! Документы лейтенанта мне! Быстро!

Капитан милиции мгновенно сник, снова сел и не спеша передал документы Сергеева.

— Я его забираю, — сказал майор.

— Но у меня заявление...

— Никаких «но»! — грозно изрек майор. — Лейтенант, на выход...

Военный комендант, капитан Смелов и Сергеев вышли из здания горотдела милиции. К ним быстро подскочила Урин.

— Ну, как? Ну, как?.. — заглядывая в глаза мужчин, быстро затараторила девушка.

Майор вручил документы Ермолаю и вымолвил:

— Ваша напарница, лейтенант Сергеев, все нам рассказала. Она молодец, нашла меня, рассказала об инциденте в Танхое с пьяными парнями, — улыбнулся. — Горой встала на твою защиту. Так что, смело опирайтесь на нее, лейтенант.

Ермолай слушал и кивал.

— Можете продолжать выполнение задания, — продолжал майор, кивнул на капитана Смелова. — Москва подтвердила ваши полномочия. С местной милицией я разберусь.

— Есть, продолжать выполнения задания, — изрек Ермолай. — Урин, к машине.

— Есть, к машине...

Улан-Удэ, городской отдел внутренних дел...

После ухода офицеров у капитана Галайбы сильно разболелась голова. В ходе жестоких боев в 1938 году у озера Хасан между японскими императорскими войсками и армейскими

частями Красной армии, Галайба получил тяжелое ранение в голову. Почти год он провалялся в госпиталях, потом в санаториях, домах отдыха. Комиссация из армии, трудности жизни на гражданке, развод с женой — сильно обозлили. С большим трудом, но Галайба все же сумел устроиться на работу в милицию...

Ругаясь, капитан поднялся, открыл книжный шкаф, достал бутылку самогонки. Налил половину стакана и быстро выпил, закусил соленым огурцом. Проверенный способ поправить больную голову сработал и на сей раз. Уже через 5–7 минут капитану стало гораздо легче.

В памяти возник лейтенант Сергеев, молодой и наглый. Пострелял деревенских пацанов и строит из себя героя!

— Щенок! — воскликнул капитан. — Нет! Врешь, не возьмешь! Надо тебя проучить!

Да и офицерское слово он дал отцу одного из двух раненых деревенских парней, что накажет зарвавшегося лейтенанта.

На какое-то время капитан задумался.

«Надо действовать», — решил.

Взял телефонную трубку и стал названивать в республиканское управление НКВД. Заместитель начальника управления, полковник Доржиев, выслушал эмоционального капитана и пообещал разобраться в ситуации с лейтенантом Сергеевым.

«Пока они там будут разбираться, я тоже кое-что узнаю про этого наглеца, — решил капитан. — А для начала, официально открою уголовное дело на героя...».

Машина выехала за пределы города. Урин держала хорошую скорость.

И она, и Сергеев молчали. Хотя, несомненно, у обоих накопились вопросы. Начало смеркаться.

Ермолай разложил карту и пытался сориентироваться по части дальнейшего их пути.

— Ермолай, — изрекла Урин, — примерно в 120 километрах будет старинный небольшой городок Новоселенгинск, на берегу реки Селенга. Предлагаю там остановиться, покушать и за-

ночевать. А с утра рванем на пограничную Кяхту, это порядка 80 километров, проскочим границу и затем еще 400 километров до Улан-Батора. Там, в монгольской столице, переночуем и потом обратно с грузом.

— Ну что же, вполне разумное предложение, — медленно вымолвил Ермолай, рассматривая карту, улыбнулся и добавил. — Так и сделаем.

Девушка широко улыбалась.

— Ты не обижаешься на меня, Ермолай?

— Наоборот, напарница! Я тебе благодарен за твою сообразительность, выход на военного коменданта.

— У одного из тех двоих парней папа — большая «шишка». Видимо, он и организовал весь кипиш.

— Забудем об этом...

В Новоселенгинск добрались в одиннадцатом часу вечера.

— Где нам остановиться? — спросил Ермолай, осматривая полутемную улицу, на которой они находились. — Кругом частный сектор, гостиниц здесь, похоже, нет.

— Сейчас узнаем, — бросила напарница, остановила машину.

Невдалеке шла женщина. Урин выскочила из машины и быстро прошла к ней. О чем-то они переговорили, кажется, по-бурятски.

Урин снова заскочила в кабину и изрекла:

— Невдалеке находится Дом приезжих. Едем?

— Едем...

— У нас только один трехместный свободный номер, — вымолвила пожилая женщина, дежурная Дома приезжих.

Ермолай и Урин переглянулись.

— А другие гостиницы в городе есть? — спросил Ермолай.

— Нет. Так оформлять вас?

«Отдых нам, безусловно, нужен... — раздумывал Ермолай. — Но в одной комнате?..».

— Оформляйте, — твердо ответила Урин.

В номере Ермолай и Урин поужинали выданными на складе в Иркутске продуктами. Разговор за столом как-то не клеился, определенно на обоих давила усталость и нервное напряжение.

На стене висела черная тарелка-радиорепродуктор. Сергеев включил ее, покрутил рычаг громкости, но тарелка молчала.

Ермолай быстро лег на свою койку, Урин — на свою. Ермолай моментально уснул...

— Начальник, подъем!

Ермолай проснулся. Мгновенно в памяти проскочили некие неясные сновидения.

Он встряхнул голову, открыл глаза. Невдалеке стояла уже одетая и улыбающаяся Урин.

— Время 7 часов утра, — изрекла напарница. — Однако, пора вставать, кушать и выдвигаться на трассу. К вечеру нам надо добраться на конечное место.

— Точно-точно, — согласно подтвердил Ермолай...

Примерно через сорок минут они поднимались в свою машину. На улице стоял легкий морозец.

Урин быстро завела двигатель и весело бросила:

— Однако, вперед!

— Вперед! — в тон подтвердил Ермолай.

Вскоре они покинули Новоселенгинск и выехали на широкий кяхтинский тракт...

Глава 3

По обе стороны от шоссе раскинулась заснеженная, бескрайняя ровная степь. Лишь изредка появлялись лесистые островки, да небольшие пригорки. Дул небольшой боковой западный ветерок. Встречных машин практически не встречалось, не было видно и населенных пунктов.

Настроение Ермолая было замечательное.

— Однако, начальник, а ты ночью во сне что-то говорил, называл какие-то имена, — изрекла Урин.

Ермолаю почему-то неприятно резануло слух слово «начальник».

— Урин, я тебе уже говорил, обращайся ко мне по имени.

— Хорошо. Какие сны снились?

Ермолай попытался что-то вспомнить. Но... ничего не получалось.

— Что-то точно снилось, — медленно ответил. — Но вот что именно, не помню.

— Темнишь, нач... Извини, Ермолай.

— Действительно не помню. А тебе что снилось?

— Однако, мне ничего не снилось. Спала как убитая, — ответила напарница и звонко рассмеялась...

— Подъезжаем к городу Кяхта, — вымолвила Урин. — Наш последний город.

Вскоре показались частные одноэтажные деревянные дома. Среди них выделялся большой белокаменный православный храм, правда, почти на треть разрушенный. Стали встречаться и кирпичные двухэтажные дома.

Сергеев с интересом поглядывал по сторонам. Урин уверенно управляла машиной.

— Ты бывала в этих краях? — спросил Ермолай.

— Приходилось как-то раз, — неохотно буркнула напарница.

Ермолай не стал больше задавать вопросов.

Миновав небольшой город, они подъехали к пограничному переходу, состоявшему из трех небольших строений. Над ними, на древке, колыхался флаг СССР. У полосатого черно-белого шлагбаума стояла группа военных, они осматривали легковой автомобиль. Урин аккуратно подрулила и встала в очередь из трех машин.

Минут через пять к ним подошел, судя по всему, пограничник — мужчина в военной форме, но без знаков различия.

— Здравствуйте, — бросил он лениво. — Личные документы? Цель вашей поездки в Монголию?

— Исключительно служба, — бросил Ермолай.

Он и Урин передали документы.

— Значит, едете по линии Наркомата иностранных дел, — просматривая документы, выдал пограничник.

Сергеев передал дипломатические документы, которые по легенде вручили ему в Иркутске.

— Совершенно верно, — подтвердил Ермолай.

— Запрещенного ничего не везете? — заглядывая в кузов, спросил пограничник.

— Нет.

— Проезжайте, счастливой дороги.

— Спасибо.

Машина проехала по небольшой нейтральной полосе и оказалась у красного шлагбаума. Он сразу поднялся, машина въехала на монгольскую землю.

Монгольский офицер-пограничник долго рассматривал предоставленные Сергеевым документы.

— Сунь ему деньги, — прошептала Урин.

— Сколько? — также тихо спросил Ермолай.

— Немного.

Ермолай достал из кармана рубли и незаметно положил в карман шинели пограничнику.

— Хо-ро-шо, — медленно, по слогам, изрек пограничник, вернул документы и бросил. — Про-ез-жай-те.

Урин прибавила газу, они выехали за пределы погранзоны. Ярко-ярко светило солнце.

Впереди показалось селение. Небольшие дома стояли вперемешку с войлочными юртами. По улицам бродили собаки, в небе кружило черное воронье.

— Это Алтанбулаг, — изрекла Урин, — монгольский поселок.

Автодорога обогнула поселок, они снова оказались в заснеженной, ровной степи. Ермолай достал карту и стал ее рассматривать.

— Слушай, Урин, — вымолвил вскоре. — К Улан-Батору идут две дороги...

— Совершенно верно, — перебила напарница. — Мы поедем по новой, через Сухэ-Батор, Хонгор.

Ермолай убрал карту, стал посматривать по сторонам. Степные виды, правда, открывались далеко не самые лучшие...

Как-то внезапно показалось селение.

— Это строящийся с помощью нашей страны город Сухэ-Батор, — бросила Урин. — Назван он в честь монгольского политического и государственного деятеля.

На город поселение из небольших домов явно не натягивал. Миновали его быстро. Снова пошла заснеженная степь...

— Я что-то проголодалась, — изрекла Урин. — Может, остановимся, перекусим?

— Давай, — согласился Ермолай.

Урин съехала на обочину и остановилась. Достала мешок с продуктами, разложила их. Весело бросила:

— Кушать подано.

— Спасибо.

Они приступили к трапезе.

Вскоре как-то неожиданно появились два всадника-монгола. Они были одеты в национальные халаты, меховые шапки, на плечах обоих висели винтовки.

Один из них подъехал вплотную к кабине и что-то начал кричать. Ермолай нащупал в кармане пистолет. Урин в это время опустила стекло двери и стала говорить с мужчиной, очевидно, на монгольском языке. Разговор длился недолго, всадники, так же, как и появились, неожиданно исчезли.

— Кто это были? — спросил Ермолай.

— Это были монгольские милиционеры, — ответила Урин. — Конный патруль.

— Я подумал, что это какие-то басмачи, — сказал Ермолай. — Начал пистолет готовить.

— Милиционеры. Они предложили срочно продолжить путь, — продолжала напарница, стала сворачивать продукты и убирать их в вещевой мешок.

— Почему срочно? — удивленно спросил Ермолай.

— Нас могут заметить и напасть бандиты. Милиционеры сказали, что их тут много.

— Бандиты... Тогда вперед, Урин.

— Есть, вперед.

Вскоре недалеко от дороги показались очертания какого-то селения. Урин уверенно вела машину...

Заснеженная, бескрайняя ровная степь. Несмотря на солнечное, голубое чистое небо, ветер постоянно крепчал, теперь он дул с востока. Машина поскрипывала, порой даже вихляла и двигалась совсем не быстро. В кабине стало свежо. Встречных машин не было видно вовсе.

— Ты быстрее можешь ехать? — спросил Ермолай.

— Нет.

— Почему?

— Ты не понимаешь? — воскликнула Урин. — Ветер мешает, смотри какой он сильный, настоящий маньчжурский ветер. Того и гляди, машину бросит в кювет или вообще перевернет.

«Маньчжурский ветер, — поеживаясь от холода, повторил Ермолай. — Надо же, такой сильный... Хорошо, что нас тепло приодели в Иркутске...».

Невдалеке от дороги показались какие-то очертания то ли дома, то ли еще что.

— Что это виднеется? — спросил Ермолай.

— Руины буддийского монастыря, — хмуро бросила Урин...

Стало темнеть.

«Ну, когда же этот Улан-Батор появится?» — ругался про себя Ермолай.

Он, равно как наверняка и Урин, изрядно продрог.

— Никак показался Улан-Батор, — изрекла Урин.

Ермолай прильнул к окну. Действительно, впереди показались некие темные очертания.

— Ты знаешь, где находится посольство СССР? — спросил Ермолай.

— Да, в восточной части города.

На горизонте показались юрты, возле них лошади, верблюды, овцы, собаки.

Урин уверенно вела машину, они уже въехали в город. Стали попадаться и обычные дома. Снега кругом было довольно-таки много.

Вот показались двухэтажные кирпичные дома.

— Кажется, приехали, — тяжело выдохнула Урин. — Это советский посольский квартал. Там и жилые дома для наших людей, школа, детский сад, магазин.

— Откуда ты знаешь?

— Как-то раз была.

Машина остановилась у ворот из кирпичной ограды, припорошенной снегом. Из дверей КПП (контрольно-пропускной пункт) вышел вооруженный мужчина в военной форме, быстро подошел к машине.

Вяло изрек по-русски:

— Здравствуйте. Никак наши, из Союза прибыли? Ваши документы.

— Из Союза, — здороваясь, бросил Сергеев и передал документы.

Рассмотрев документы, охранник объяснил, куда им необходимо проехать. Машина миновала ворота, обогнула белый дом и остановилась во дворе. Немного поодаль стоял легковой ГАЗон, рядом — бронеевтомобиль с пулеметом наверху.

Часы Сергеева показывали 22 часа...

Урин и Ермолай вышли из машины.

— Ужасно устала и промерзла, — вымолвила девушка. — А главное, смертельно хочу спать.

В это время из дома вышел мужчина в пальто и шапке. Он подошел к машине и изрек:

— Здравствуйте. Я майор Сидоркин. Прошу за мной, товарищи, — поздоровался за руку с Сергеевым и Урин.

Информируя об операции «Тутрик» в Иркутске, старший лейтенант Пятов говорил, что общаться в посольстве Улан-Батора в рамках операции Ермолай должен только с майором Сидоркиным.

Все вошли в вестибюль дома. Посреди его за столом сидела женщина с повязкой на рукаве.

— Это со мной, — бросил майор женщине.

Он, за ним Урин и Сергеев свернули налево и стали спускаться по лестнице вниз. Спустившись, они оказались в полутемном, узком подвальном коридоре со множеством дверей. В одну из них прошел майор, за ним последовали Сергеев и Урин. Они оказались в узкой длинной полутемной комнате. Вдоль одной стены стояли три кровати, у другой — стол, тумбочка, табуретки. В помещении стоял далеко не свежий воздух.

— Располагайтесь, товарищи, — строго вымолвил майор. — В тумбочке находится еда, а также спиртное. Очень рекомендую с дороги и ради дезинфекции. Здесь непростая инфекционная обстановка, а спиртное, как известно, хорошо нейтрализует разные бактерии. Чайник и вода на столе, столовые принадлежности — в тумбочке. По коридору вы найдете туалетную комнату, там и ополоснуться можно. Прошу вас из подвального помещения никуда не выходить. Завтра утром мы все обговорим и решим. И не забывайте, товарищи, здесь мы находимся на полувоенном положении. Вы же участвуете в секретном задании,

поэтому и особые меры предосторожности для вас, — улыбнулся. — Отдыхайте спокойно. Да, чуть не забыл. Урин, дайте мне ключи от машины. Наш механик ее осмотрит, при необходимости подремонтирует, подготовит к поездке, заправит.

Урин взглянула на Сергеева. Тот согласно кивнул головой. Урин передала ключи, майор взял и покинул помещение.

Ермолай и Урин переглянулись.

— Будем осваивать новые помещения? — весело бросил Ермолай.

— Делать нечего, будем, — изрекла Урин. — Я освоение начну с туалетной комнаты.

— Принимается, — снимая верхнюю одежду, весело бросил Ермолай и ощутил зверский аппетит. — А я начну пока накрывать на стол. Нам надо хорошо покушать, да и по грамульке выпить для профилактики. Да и ради дезинфекции действительно не мешает...

Улан-Батор, конспиративная квартира японской разведки...

За окном едва забрезжил рассвет. В неосвещенном, небольшом помещении за столом расположились двое мужчин восточной внешности. Между ними происходил непростой, если не сказать нервный разговор на японском языке.

— ...Я, подполковник Хираи, спецпосланник генерала Янагити. Я буду определять правила проведения операции.

— Я, резидент монгольской агентурной сети, — жестикуюлируя, активно возражал собеседник. — По инструкции я разрабатываю и отвечаю за операции на территории Монголии. Я отвечаю за всех наших агентов и информаторов, за прибывающих в страну государственных и военных деятелей императорской Японии. То есть я отвечаю и за вас! — на высокой ноте. — Вы меня слышите, подполковник Хираи?

— Я вас хорошо слышу, Скала, можете не кричать...

В дверь помещения постучали. Через секунду вошел мужчина восточной внешности.

— Шеф, — обратился он к мужчине, которого подполковник назвал Скалой. — В русское посольство в 4 часа утра прибыла грузовая машина с крытым брезентовым тентом кузовом, — назвал и номера машины.

— Это все? — медленно бросил Скала.

— Так точно.

— Свободен.

Мужчина моментально покинул помещение.

— Получается, — медленно вымолвил подполковник, — в десять вечера прибыл один грузовик, в четыре утра — второй. Номера машин нам известны. Русские определенно готовят вывоз денег и ценностей.

— Вот именно! — воскликнул Скала. — Нам надо бросить все пререкания, подполковник, и приступить к разработке операции. За провал ее генерал Янагиту с нас обоих снимет головы.

— Согласен, — бросил подполковник. — Кстати, надо ему оправить радиошифровку.

— Сначала надо разработать план, потом доложить...

Послышался шум, вспыхнул свет.

— С добрым утром, товарищи! — раздался знакомый веселый мужской голос.

Ермолай проснулся, открыл глаза и увидел рядом улыбающегося майора Сидоркина. Сергеев вчера расположился на ближайшей к выходу кровати, Урин заняла крайнюю кровать в отдаленном углу.

— С добрым утром, — раздался голос Урин.

— С добрым, — бросил и Ермолай.

— Хорошо поспали, товарищи, — продолжал майор. — Сейчас одиннадцать часов утра по местному времени. Сообщаю, что в двенадцать здесь, в этом помещении, состоится обед, будут присутствовать 4 человека. Трое из них сейчас находятся здесь, — сделал паузу. — Плюс чрезвычайный и полномочный посол СССР в Монголии, товарищ Иванов Иван Алексеевич.

Почему здесь, в подвале? Исключительно в целях конспирации. Кстати, товарищ Иванов вам все объяснит. Вопросы?

— Все ясно, — изрек Ермолай.

— Хорошо, — вымолвил майор. — Просьба, Урин, к вам, навести здесь относительный порядок. Разместить посередине стол на четверых, накрыть, понимаете. Хорошо?

— Будет сделано, — заверила Урин.

— Надеюсь на вас, — улыбнувшись, бросил майор. — Да, в Иркутск, товарищу Быстровой я позвонил и сообщил о вашем прибытии, — и быстро вышел.

— Такие вот дела, — вымолвил Ермолай...

После исполнения личных гигиенических процедур Ермолай и Урин стали готовиться к встрече посла. Среднюю кровать поставили на крайнюю. В образовавшееся посередине комнаты пространство поставили стол. Накрыли его продуктами из тумбочки, достали столовые приборы и необходимые принадлежности на четыре персоны.

— Как думаешь, рюмки достать? — спросила Урин.

— Мне не приходилось быть на дипломатических приемах, — выдавил Ермолай. — Достань, для порядка.

Вскоре, осматривая стол и улыбаясь, напарница изрекла:

— Все очень даже хорошо.

— Согласен, — поддержал Ермолай.

— Только не хватаем мне вечернего платья, а тебе — смокинга, — рассмеялась девушка.

Ее весело поддержал и Ермолай...

Послом оказался невысокий, лысый и уже в возрасте мужчина. Он был одет в темный костюм, светлую рубашку и галстук. Широко улыбаясь, со словами:

— За границей всегда с удовольствием встречаешь земляков, — пожал руку Сергееву и Урин.

Следом вошел также одетый в штатскую одежду майор Сидоркин с пакетом в руке. Он сразу выставил на стол из пакета бутылку водки и тарелку с дымящимися пельменями.

— Прошу к столу, — вымолвил посол. — Надеюсь, вы понимаете, почему мы не можем встретить вас за банкетным столом посольства.

Ермолай и Урин переглянулись.

Очевидно, по-своему истолковав этот жест гостей, посол хотел что-то сказать. Но его опередил майор.

— К сожалению, в нашем посольстве есть вражеские агенты, — хмуро изрек он. — Поэтому, в интересах задания и вашей безопасности мы решили вас не светить перед сотрудниками посольства.

«Ну, дела! — удивился Ермолай. — В нашем посольстве — вражеские агенты?.. Как это?..».

— Прошу меня правильно понять, — быстро продолжил майор. — Кроме прибывших из СССР проверенных специалистов, в посольстве работают в качестве обслуживающего персонала и местные товарищи. Вот за них мы и не можем полностью поручиться.

Все разместились за столом, майор наполнил рюмки.

— Поскольку территория посольства — это наша российская земля, — вымолвил посол, — предлагаю выпить за встречу на нашей земле. Но, — улыбнулся, — в государстве Монголия.

Чокнулись, выпили, стали закусывать.

— Как там Родина? — спросил посол.

— Воюет и держится, — ответил Ермолай.

— Мы с вами земляки, петербуржцы-ленинградцы, — внимательно всматриваясь в Сергеева, вымолвил посол. — Я знаю, вы, товарищ Сергеев, по службе недавно неоднократно бывали в блокадном Ленинграде. Как он сейчас поживает?

— Честно говоря, — медленно сказал Ермолай, — неделю назад было больно смотреть на свой любимый город. Фашисты бомбят, обстреливают из дальнобойной артиллерии, еще засланные диверсанты бесчинствуют и терроризируют граждан. Ощущается нехватка продовольствия, топлива. Агенты Абвера вбросили фальшивые рубли. Но я уверен, город выстоит и не сдастся на милость врагу.

— Страшно жаль, — вымолвил посол. — У нас здесь тоже есть масса проблем. Конечно, не таких, как в Питере, ведь офи-

циально Монголия не находится в состоянии войны. Но здесь сложная политическая, национальная, религиозная обстановка. Пользуясь слабостью властей, нагло действует иностранная разведка, прежде всего, японская...

Обед с разговорами затянулся на полтора часа...

Улан-Удэ, городской отдел внутренних дел...

Капитан Галайба развил бурную деятельность в рамках «дела» лейтенанта Сергеева. Направил запрос в Госбанк страны, в ГРУ Красной армии, в НКВД страны и даже по месту жительства, в Управление внутренних дел блокадного Ленинграда...

Капитан дозвонился до погранотряда в Кяхте и уточнил время и дату пересечения границы лейтенантом Сергеевым. Убедительно попросил пограничников немедленно сообщить ему время возвращения лейтенанта в СССР...

«Один раз ты меня переиграл, лейтенант, — нервно рассуждал Галайба. — Выиграл один бой, порадуйся пока... Я заставлю тебя сделать фатальную ошибку! Я выиграю все битвы с тобой, лейтенант, и, уверен, упрячу тебя в каталажку...».

Хорошо помнил капитан и данное обещание отцу одного из двух пострадавших от стрельбы лейтенанта ГРУ парней...

Глава 4

Посол пожелал успехов и покинул помещение. Майор Сидоркин мягко вымолвил:

— Пока Урин будет наводить порядок в комнате, мы с Ермолаем выйдем и посекретничаем. Вы не против, Урин?

— Конечно нет.

Майор, следом Сергеев вышли из комнаты в коридор. Майор решительно направился по коридору.

— Мне нужно позвонить в Москву, в ГРУ, — сказал Ермолай.

— Понимаю. Но со связью у нас беда. Я могу отправить шифровку. Кому конкретно в ГРУ ее направить?

— Полковнику Селезневу. О том, что я прибыл в Улан-Батор и продолжаю выполнять задание.

— Сделаем, — ответил майор.

Вот он подошел к металлической двери, на которой висела ядовито-желтая табличка с ярко красными словами:

Осторожно! Газы!

Майор достал из кармана связку ключей. Сорвал висевшую на двери пломбу и неспешно ключом открыл один внутренний замок, затем второй.

С усилием открывая дверь, изрек:

— Это склад нашей химической службы, — прошел в помещение.

За ним проследовал Сергеев...

Улан-Батор, конспиративная точка Дальневосточного союза казаков...

По указанию атамана Семенова полковник Удачин с особым поручением инкогнито прибыл в город.

Резидентом Союза казаков в Монголии являлся штабс-капитан Вронский. В 1918—1920 годах Удачин вместе с Вронским воевали в Прибайкалье и Забайкалье с большевиками. А когда они были биты, бежали в Китай. В китайском городе Маньчжурии Вронский с горя пустился во все тяжкие. Удачину с большим трудом удалось вырвать друга из глубокой клоаки и отправить в качестве агента в Монголию. Там Вронский остепенился, женился на монголке и вскоре стал, не без помощи Удачина, резидентом белых казаков. На деньги Союза казаков Вронский оттяпал большой земельный участок на окраине Улан-Батора. Построил приличный дом, баню, подсобные помещения, прикупил скот. Одним словом, построил настоящую русскую, дворянскую усадьбу...

Удачин и Вронский, укутанные в простыни, сидели в предбаннике за столом. Они выпивали, закусывали и вели неспешные разговоры.

— ...Атаман поставил задачу, — тихо излагал Удачин, — не допустить получения Советской Россией даров Монголии. Как он считает, это вопрос политически очень важный. Понимаешь, Максим. Он требует, чтобы был совершен теракт.

— Легко сказать, — усмехнулся Вронский. — Советский посол Иванов — хитрющий, как змея. Мы конечно ведем наблюдение за посольством СССР. Сегодня ночью в посольство и, заметь, в разное время пришли два грузовика из России.

— Готовятся к отправке даров, — вставил Удачин.

— Готовятся.

— Атаман издал закрытый приказ, половина отбитых даров достанется исполнителям. Это миллионы и миллионы. Если дары будут просто уничтожены, то исполнители получают просто хороший куш. Понимаешь, Максим?

— Понимаю, Иван, все понимаю. Но сделать это будет крайне трудно.

Удачин наполнил стопки, мужчины выпили, закусили соевым огурцом.

— Тяжко мне здесь, Иван, тяжко.

— Потерпи, друг, недолго осталось.

Вронский обреченно махнул рукой и грустно запел:

*Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило сегою пургой,
И печальные ветры степные
Панихиды поют над тобой...*

В это время в предбанник вошли похожие две улыбающиеся женщины-монголки.

— Мы с сестрой тоже хотим помыться, — весело бросила одна и, что-то напевая, стала быстро раздеваться.

За ней последовала и вторая женщина. Мужчины молча смотрели на женщин. Вот они, нисколько не стесняясь присутствия мужчин, обе разделись догола и, смеясь и хохоча, быстро уперхнули в парилку.

Вронский наполнил стопки, мужчины выпили, стали не спеша закусывать.

Дверь в парилку приоткрылась, показалась краснощекая женская голова.

— Мужчины! Вы нам с сестрой спинки не потрете!

— Сейчас мы идем, Маня-женушка, идем, — бросил Вронский.

Голова исчезла, оставив после себя клубы пара.

— Да у тебя, дружище, не жизнь, а сплошная малина! — весело воскликнул Удачин.

Вронский широко улыбался.

— Не сразу и не просто, но я приучил жену и ее сестру к русской бане...

Резанул неприятный запах. Майор прошел вглубь склада, за ним последовал Сергеев. Вдоль стены стояли от пола до потолка стеллажи, на которых лежали различные коробки и упаковки.

— Милитаристская Япония наращивает производство отравляющих веществ, то есть химического оружия, — вымолвил майор. — Этими веществами начинаются артиллерийские снаряды для пушек и гаубиц, минометные выстрелы, авиабомбы, контейнеры и мины. Разработана даже боевая бронированная химическая машина «Канда». Поэтому, — махнул рукой в сторону стеллажей, — наше командование завалило нас различными защитными противохимическими средствами.

— Солидные запасы у вас, — обзревая стеллажи, бросил Ермолай.

— Точно, — усмехнулся майор. — С расчетом на особый период. Когда монголы доставили нам свои собранные дары, мы их спрятали подальше от глаз людских, в подвал. Мы долго думали, как упаковать и в чем везти дары Монголии — тугрики, рубли, доллары, а также золотые слитки, лом и ювелирные изделия. Содействие защитных средств и монгольских даров натолкнуло на принятие решения по форме или виду перемещения этих даров.

Они остановились у лежащих на полу трех чем-то наполненных серо-зеленых защитных комбинезонов. Все молнии, заклепки и застежки были прочно застегнуты и закрыты.

— Двойная прорезиненная ткань СК-1, — кивая на комбинезон, пояснял майор. — Водонепроницаемая, не боится огня и всего прочего. Так вот, в один комбез мы упаковали 1,5 миллиона тугриков, в другой — 1,5 миллиона рублей, в третий — 200 тысяч долларов. В основном купюры мелкого достоинства, население несло, что имело. Население в целом здесь живет бедно, да и его всего в стране полтора миллиона. Японская разведка, приверженцы атамана Семенова, местные бандгруппы активно мешали компании сбора пожертвований. Были запугивания и даже убийства. Но в целом компания прошла неплохо. Что скажешь, Сергеев, по выбранной нашей таре для бумажных банкнот? Может, у тебя есть свои предложения?

— Оригинальное решение по таре, — лишь смог выдавить удивленно Ермолай. — У меня других предложений нет.

— Добро, — вымолвил майор.

Наклонился, слегка расстегнул молнию на одном комбинезоне. Достал бумажную купюру и со словами:

— Это монгольская банкнота достоинством в один тугрик, — передал Сергееву.

Ермолай рассмотрел купюру, попробовал на прочность и вернул обратно.

— А зачем нам тугрики?

— Деньги всегда пригодятся, — бросил майор. — Этими деньгами СССР, например, может рассчитываться за поставки из Монголии лошадей, мяса баранины, кожаных изделий и других товаров.

Сидоркин убрал купюру в комбинезон, закрыл молнию. Повернулся ко второму комбинезону и достал купюру в 3 доллара США, из третьего — купюру в 5 рублей. Ермолай подержал купюры в руках и вернул обратно. Майор упаковал купюры в комбинезоны и шагнул в сторону находящихся на полу стандартных серых деревянных ящичков с надписью — противогазы.

— В этих пяти ящичках от противогазов, — продолжал майор, — мы сложили полученные золотые слитки, золотой лом и ювелирные изделия из золота и бриллиантов. Всего 350 килограммов. Поскольку они капитально упакованы, то вскрывать не будем, поверь мне на слово.

Сергеев кивнул.

— То, что я говорю, это гостайна. О том, что фактически в комбезах и ящичках, ты можешь сообщить только товарищу Быстровой в Иркутске, — изрек майор. — Впрочем, можешь и не говорить, она по накладным все поймет. По официальной версии вы просто везете в Союз бракованные средства химической защиты. Все ясно, товарищ Сергеев?

«Бракованные средства защиты... Операция неплохо продумана, даже с легендой прикрытия...» — раздумывал Ермолай.

— Лейтенант?

— В этой части — да, — медленно вымолвил Ермолай. — Когда и каким путем мы поедем?

— Эти вопросы решаются. Вам все объяснят перед самым выездом.

«Конспирация», — усмехнулся Ермолай.

— Несмотря на то, что в Монголии нет никаких военных действий, — продолжал Сидоркин, — обстановка здесь напря-

женная. Монголы предложили нам помощь в части вывоза дара в СССР — солидную вооруженную охрану. Но мы, как ты понимаешь, поблагодарили и культурно отказались. Решили справиться сами...

Сергеев вошел в комнату. Урин уже навела порядок и в одежде лежала на своей кровати.

— Я на запад, дальше Иркутска никуда не ездила, — вымолвила девушка. — Расскажи мне про Ленинград. Он красивый?

— Очень и очень красивый. Понимаешь, э... словами это трудно передать, — располагаясь на своей кровати, ответил Ермолай. — Ну, какие твои годы! — весело воскликнул. — Еще побываешь и в Ленинграде, и в Москве, и в других местах. Наша страна просто огромная, в ней много красивых и интересных мест.

— Надеюсь, что побываю. Когда выезжаем домой?

— Посольские еще не определились с датой и временем. Но я думаю, что скоро.

— Ермолай, у тебя была любовь? — тихо спросила Урин. — Настоящая любовь?

«Настоящая любовь!» — воскликнул Сергеев, усмехнулся и задумался.

Стал вспоминать девушек, с которыми у него были отношения: Иринку, Ципок, Милу, Раю...

— Может, ты и сейчас кого-то любишь? — снова спросила напарница.

«Любишь! — повторил Ермолай. — Не любишь!.. Вот блин... пристала!» — недовольно воскликнул.

— К чему эти вопросы? — недовольно бросил. — Нам надо думать сейчас о предстоящем серьезном задании.

— Ты же сам сказал, посольские все решат. Наше дело маленькое, сели и поехали. Как насчет любви?

«Какая привязчивая!? — воскликнул Ермолай. — Сказать ей?.. Нет, обижать не стоит», — как можно спокойнее ответил:

— Урин, я не намерен обсуждать с тобой свои личные вопросы...

— Скрываешь, нервничаешь. Значит, была любовь, — превала Сергеева девушка. — А у меня вот не было настоящей любви. Я, можно сказать, не целованная.

— У тебя все впереди, — отмахнулся Ермолай. — Давай прекратим этот разговор.

— А ты мог бы меня полюбить? — не унималась напарница.

— Урин!?

— Все, молчу.

— Давай лучше отдохнем.

Девушка тяжело вздохнула...

Улан-Удэ, городской отдел внутренних дел...

В кабинет вошел подполковник Ким, начальник горотдела. Капитан Галайбы в это время находился за рабочим столом и рассматривал документы по ведущимся уголовным делам.

— Капитан, ты завел уголовное дело на лейтенанта Сергеева? — спросил начальник хозяина кабинета.

Какое-то время Галайба раздумывал, что ответить.

Наконец выдал:

— Как положено, завел.

— Закрой это дело и сдай в архив.

Галайба впился глазами в начальника.

— Но, товарищ подполковник...

— Никаких «но». Это приказ! — повысив голос, бросил подполковник. — Сдай в архив и доложи.

«Надавили вояки на начальника, — вяло подумал капитан, выругался, мелькнула мысль. — Может, позвонить в республиканское управление полковнику Доржиеву?.. Впрочем, Ким наверняка уже все согласовал и подстраховался», — и тихо изрек:

— Есть.

Подполковник решительно покинул кабинет.

У капитана сразу сильно разболелась голова.

Грязно ругаясь и проклиная всех и вся, он поднялся, открыл книжный шкаф, достал бутылку самогонки. Налил половину

стакана и быстро выпил, заел огурцом. Проверенный способ поправить больную голову сработал и на сей раз. Вскоре капитану стало гораздо легче.

В памяти возник лейтенант Сергеев, молодой и наглый...

Вдруг мелькнула мысль:

«Подполковник не установил срок сдачи дела!? Значит... значит можно еще поработать по этому лейтенанту. А потом, когда-нибудь, и сдать дело в архив!.. — повеселел. — А может, уже с обнаруженными мною железными фактами и не сдать!..».

Сергеев проснулся от звуков, издаваемых открывающейся дверью. В комнату вошел улыбающийся майор Сидоркин. В руке он держал небольшую кастрюлю.

— Вот на кухне взял супчика для вас, товарищи, — проходя к столу, вымолвил майор. — Из баранины, наваристый такой. Покушайте и отдохните хорошо.

— Спасибо за суп, — бросил Ермолай.

Майор поставил кастрюлю на стол.

— Выезд завтра рано утром. Это чтобы вы к ночи добрались до нашей Кяхты, — добавил майор и быстро вышел.

— Какие запахи! Накрываем на стол? — вдыхая ароматы супа, спросил Ермолай.

— Да, — поднимаясь с кровати, изрекла Урин...

Они с удовольствием и с аппетитом покушали.

Затем быстро убрали со стола и разлеглись по своим кроватям. Часы показывали 17 часов. Сергеев попытался представить заграничный выезд. Но это как-то плохо получалась. Клонило в сон...

Улан-Батор, КПП перед въездом в советский дипломатический квартал...

Два часа ночи, усыпанное звездами темно-синее небо.

Ворота распахнулись, на городскую улицу выехал крытый брезентом грузовой ГАЗон. Буквально следом грозный бронеавтомобиль с пулеметом наверху.

Ворота закрылись, грузовик и сопровождающий броневедомобиль неспешно двинулись по темной, запорошенной снегом, пустынной улице.

Вот из ворот одного дома, газуя и ревя, выскочил на улицу мотоцикл с коляской и двумя наездниками в шлемах и очках. На некотором расстоянии стальной конь последовал за машинами, выехавшими из советского посольства. Вскоре следом за мотоциклом пристроился и легковой автомобиль. Кавалькада двинулась в северном направлении.

Вскоре они миновали город и вышли на шоссе, ведущее к границе с СССР...

Ермолай проснулся от неких звуков. В комнате горел свет, в дверях стоял майор Сидоркин.

— Будем подниматься, друзья, — весело изрек майор, — и готовиться к выезду.

— Сколько сейчас времени? — потягиваясь, сонно спросила Урин.

— Три часа ночи. Час вам на сборы и все про все и... вперед, друзья, — широко улыбаясь, вымолвил майор. — Родина ждет от вас героических поступков! Давайте просыпайтесь, умывайтесь, кушайте. Я зайду через полчаса, — стремительно покинул комнату.

— Голова какая-то чугунная, — хмуро выдавила Урин. — Вторую ночь мы спим по 10 часов. Мрак! Такое ощущение, что майор нам подсыпает в еду снотворное.

— Возможно, — согласился Ермолай. — Но заметь, это делает он для нашего же блага.

— И, конечно же, для нашего особого дела, — недовольно добавила напарница...

Майор зашел точно через полчаса. Он сразу разложил на стол карту и изрек:

— До Кяхты, или, что одно и то же, монгольского Алтанбулага есть две дороги из Улан-Батора. Основная или новая — по которой вы ехали, через Сухэ-Батор, Хонгор, Баянчандмань. И вторая — старая, условно объездная, менее качественная, это через Батсумбэр, Мандал, Ерее, — показал на карте обе дороги.

Ермолай и Урин внимательно смотрели на карту и слушали.

— В рамках вашего задания мы предприняли некоторые меры. Час тому назад, — продолжал майор, — из нашего посольства выехал крытый грузовик в сопровождении броневедомобиля. Он поедет по старой, или объездной дороге до Алтанбулага. И, как мы полагаем, станет объектом нападения врагов. Вы же, — взглянул на свои ручные часы, — через полчаса поедете по основной или новой дороге.

— Здорово! Грузовик с охраной — это чтобы запутать врагов и спровоцировать их на действия, — весело бросила Урин.

— Правильно, — сказал майор. — Кроме того, с вами поедет монгольский контрразведчик, капитан, по имени Наран.

— Наран в переводе с монгольского — значит «солнце», — быстро вымолвила Урин.

— Верно, — подтвердил майор. — Капитан будет сопровождать вас до Алтанбулага. Он будет лежать в кузове на матрасе с автоматом и ручным пулеметом Дегтярева и прикрывать в случае необходимости. Имейте в виду, Наран не говорит по-русски.

— Здорово! — восхищенно изрекла Урин. — Нам предстоит настоящая боевая операция!

— Увы. К сожалению, это жизненная необходимость, — строго вымолвил майор. — Это все, что мы можем сделать для вас. С этого момента судьба операции находится в ваших руках.

— Товарищ майор, мы сделаем все, чтобы груз прибыл на место, — твердо заверил Ермолай.

— Верю в вас, — строго сказал майор. — Вот тебе, товарищ Сергеев, два вида документов на груз, — передал документы. — Одни — настоящие накладные на груз, вторые, как мы с тобой говорили, — для легенды прикрытия...

10-й километр старой автодороги Улан-Батор – российская граница...

Крытый брезентом грузовой ГАЗон и следующий за ним броневедомобиль с пулеметом наверху не спеша двигались по заснеженной трассе.

Очевидно, эта скорость никак не устраивала следующий за ними мотоцикл с коляской и двумя наездниками в шлемах и очках. Он стал предпринимать попытки обогнать впереди следующую парочку. Поскольку дорога была узкой и заснеженной, сделать это было крайне трудно. В свою очередь, следующий за мотоциклом легковой автомобиль двигался спокойно и не предпринимал попыток обогнать впереди идущий транспорт.

Вот мотоциклу, кажется, удалось выйти из-за спины броневедомобиля и двигаться параллельно с ним. Но... в это время броневедомобиль вильнул в его сторону, и мотоцикл полетел в снежный кювет и перевернулся. Ему вдогонку из бронемашины раздалась автоматная очередь.

Грузовой ГАЗон, броневедомобиль и следующий на некотором расстоянии легковой автомобиль как ни в чем не бывало продолжили свой путь...

Сидоркин, Сергеев и Урин вышли во двор, сразу ощутили легкий морозец, Шел небольшой снежок.

— Погодка, как по заказу, — бросил майор.

У машины стоял в тулупе, валенках и шапке мужчина небольшого роста. Троица подошла к нему.

— Знакомьтесь, товарищи, — кивая на мужчину восточного типа, изрек майор. — Это товарищ Наран.

Ермолай подал руку, бросил:

— Сергеев.

Пожимая крепкую, жилистую руку, он заметил на лице Нарана рубцы, очевидно, последствия перенесенного заболевания оспой.

Представилась и Урин, сказав при этом несколько, судя по мимике, веселых слов по-монгольски.

— Ну что, товарищи, по коням! — весело бросил майор, передавая ключи Урин. — Еще вот — в кабине находится пакет с продуктами для вас.

— Спасибо вам за все, — улыбаясь, вымолвила девушка и слегка приобняла майора.

Ермолай крепко пожал ему руку.

Наран ловко запрыгнул в кузов машины. Ермолай решил взглянуть на содержимое кузова. Держась рукой за борт, он встал на колесо. У самой кабины лежал матрац, рядом автомат и пулемет. Далее в кузове лежал брезент. Ермолай аккуратно поднял его часть и увидел три серо-зеленых комбинезона и пять деревянных ящичков. Рядом лежали и их металлические цепи. Ермолай потрогал рукой комбинезоны.

«Все, кажется, на месте», — подумал довольно, снова аккуратно положил брезент, спрыгнул на землю.

— Теперь полный вперед, — весело бросил...

Глава 5

Автомобильный двигатель легко завелся, чем здорово порадовал Урин. Машина сразу тронулась с места.

— Молодцы посольские ребята, — изрекла Урин. — Подправили нашу машину, уменьшили вибрацию движка. Теперь любово-дорого ей управлять, да и сидеть в кабине стало спокойнее.

Сергеев согласился с мнением напарницы, тем более что запаха бензина вовсе не ощущалось.

Быстро миновали КПП посольского квартала, выехали на темную городскую заснеженную улицу. Улица оказалась совершенно пустой. Правда, показались две, уныло бредущие, бездомные худые собаки...

Ермолай раздумывал над словами майора Сидоркина о сложной обстановке в Монголии. Хотелось быстро и без приключений проехать эту страну...

Участок старой автодороги Улан-Батор – российская граница...

Справа от дороги сквозь ночную темень показались огни селения. По всей видимости, это была деревня Батсумбэр.

Внезапно и гулко на дороге перед крытым брезентом грузовым ГАЗоном прогремел взрыв. ГАЗон и следующий за ним броневедомитель с пулеметом наверху, остановились. Послышалась стрельба со стороны деревни. На ГАЗон и броневедомитель посыпался град пуль. Бронемашина открыла ответный огонь по деревне.

Минута-другая и ГАЗон вспыхнул. Огонь быстро стал распространяться по деревянному кузову и брезентовому тенту.

Из кабины машины выскочил водитель, за ним пассажир с переднего сидения. Они бросились к бронев автомобилю. В задней его части открылась дверь, к ней и побежали двое мужчин из ГАЗона.

В это время из остановившегося сзади в 15 метрах легкового автомобиля стали стрелять. Один из двоих мужчин из ГАЗона вскрикнул и сильно захромал. Ему стал помогать второй мужчина. Пулемет бронев автомобиля открыл огонь по легковому автомобилю. Первой очередью изрешетил его переднюю часть капота, второй — лобовое стекло и заставил авто прекратить стрельбу.

Раненый в ногу мужчина в сопровождении напарника добрались до открытой задней двери бронев автомобиля. С помощью находящихся в бронев автомобиле людей парочка поднялась в машину. Дверь «броника» захлопнулась.

Стрельба со стороны деревни продолжалась. Между тем, огонь с кузова ГАЗона перебрался на кабину и переднюю моторную часть авто. Пулемет бронев автомобиля вел огонь по деревне.

Бронев автомобиль медленно двинулся вперед. Он аккуратно объехал охваченный огнем ГАЗон, воронку от взрыва на дороге и продолжил свой путь по степной заснеженной дороге. Из расстрелянного легкового автомобиля вышел мужчина...

— А погодка, как по заказу, — весело бросила Урин.

Они уже покинули городскую черту монгольской столицы. Дорога проходила по ровной заснеженной степи. Дул легкий ветерок, в свете фар мелькали небольшие снежинки.

— Точно, — отвлекаясь от своих мыслей, изрек Ермолай.

— Дома всем непременно расскажу, как общалась с настоящим посланцем Советского Союза, сидела с ним за столом, выпивала, — улыбаясь, вымолвила напарница.

— Можно сказать, повезло нам в этой части, — согласился Ермолай. — Память будет на всю жизнь.

— Повезло...

Прошло минут пять.

Урин заерзала на сиденье, сосредоточилась. Вскоре озабоченно вымолвила:

— Однако, ветер крепчает. Как бы не налетел буран.

«С чего она это взяла? — озираясь по сторонам, удивился Сергеев. — Кругом тишь и благодать, скоро будет рассветать».

Но спорить с напарницей не стал...

Сильный порыв ветра чуть не перевернул машину.

Ермолай удивленно озираясь по сторонам. Определенно стало светать, но дорогу заметало снегом.

«Откуда взялся этот сильный ветер!?» — воскликнул.

Подумал и о находившемся в кузове офицере-монголе:

«Не сладко ему...».

— Черт возьми! — громко крикнула Урин. — Надо бы остановиться, а негде.

— Откуда взялся этот бешеный ветер? — спросил Ермолай.

— Здесь климат очень переменчивый, сложная роза ветров. Я его чувствую по ломоте костей...

Договорить Урин не успела. Машина съехала в кювет со стороны водителя, наклонилась примерно на 25 градусов и остановилась.

— Черт! Черт! — воскликнула девушка. — Машину буквально снесло! — что-то тихо изрекла то ли по-бурятски, то ли по-монгольски.

— Что будем делать? — спросил Ермолай.

— Надо вам с Нараном подтолкнуть машину. Ну, а я попробую ее вырулить на дорогу.

Сергеев кивнул, вышел из машины. На него сразу обрушился сильный порыв ветра со снегом. Спрыгнул с кузова и Наран.

Сергеев руками показал, что надо подтолкнуть машину. Мужчины прошли назад и стали толкать машину. Урин жала на газ, Ермолай и Наран толкали. Машина то двигалась вперед, то откатывалась назад. Снова вперед, назад. Вперед...

Трудно было сказать, как долго это продолжалось. Но, в конце концов, машина выехала на дорогу.

Изрядно уставшие Ермолай и Наран встали передохнуть около машины.

Совершенно неожиданно возле них появились двое вооруженных всадников в тулупах.

«Откуда они появились?» — удивленно воскликнул Ермолай, рассматривая неприятные, грозные, загорелые лица.

Мужчины громко стали что-то говорить, очевидно, на монгольском языке. Наран кратко отвечал. Но вот всадники схватились за винтовки. Внезапно и громко прозвучали два выстрела и... всадники упали на землю. Одна из лошадей дико заржала и исчезла в темноте. Вторая, понутив голову, осталась стоять возле лежащего на земле всадника.

«Как ловко их ликвидировал капитан!?» — удивился Ермолай.

А Наран с пистолетом в руке что-то громко ему говорил и показывал рукой на машину. Из всего, что он говорил, Ермолай понял только одно слово — айда.

Вот Наран запрыгнул в кузов машины. Наконец поняв, что хотел капитан, Ермолай побежал к кабине.

— Никак местные бандиты, — изрекла Урин.

Ермолай разместился на сиденье, захлопнул дверь и ответил:

— Они самые.

Машина с трудом тронулась с места. Сильно гудя, она постепенно набирала скорость. Ветер не стихал.

— В такую погоду придется медленно тащиться, — изрекла недовольно Урин.

А Сергеев между тем раздумывал, что если бы с ними не было Нарана, их операция уже вполне могла бы плачевно закончиться...

Они проехали немного, как справа раздались выстрелы. Буквально сразу из кузова машины раздались грозные пулеметные выстрелы. Одна очередь, вторая...

— Молодчик Наран, хорошо работает, — крикнула Урин.

Она прибавила скорость, Сергеев буквально прилип к дверному стеклу. Выстрелы по ним раздавались из какого-то небольшого

селения. Но они как-то быстро прекратились, определенно, Налан своим пулеметом подавил стрелявших.

Под порывами ветра машину бросало из стороны в сторону по заснеженной дороге.

«Мы так снова окажемся в кювете», — забеспокоился Ермолай.

Но вот Урин стала медленно сбавлять скорость, машина пошла ровнее и ровнее.

«И снова нас выручил монгольский капитан», — подумал об обстреле Ермолай.

Мысленно поблагодарил за него посольского майора Сидоркина...

Улан-Батор, усадьба Вронского...

Полковник Удачин привез раненного Вронского и разместил его в бане.

Мгновенно прибежала жена штабс-капитана и сразу, коверкая русские и монгольские слова, заголосила.

— Ой, любимый мой! Что они с тобой сделали! Как я без тебя...

— Замолчи, дура! — крикнул Удачин. — Неси лучше аптечку! — грязно выругался.

— Что нести? — переспросила женщина.

— Неси бинт, вату, спирт. Быстро, дура!

Женщина исчезла.

— Если я умру, ты помоги ей, Иван, — тихо выдавил Вронский.

— Брось эти похоронные мысли, — отрезал Удачин. — Лежи тихо, ты потерял много крови, — стал снимать с раненого одежду.

Вронский оказался ранен в руку, ногу и грудь.

— Ранение в руку пустяковое, — осматривая друга, вымолвил Удачин. — Задето ребро, но это тоже мелочи, голень ноги прострелена навывлет. Одним словом — мелочевка, я с этим справлюсь, — хотя на самом деле не был в этом уверен.

Вбежала жена штабс-капитана с аптечкой и бутылкой спирта в руках. Увидев окровавленного мужа, она снова заголосила.

— Ой-ой! Миленок мой!

— Поставь все на стол и пошла вон! — крикнул Удачин.

Женщина непонимающе-испугано моргала глазами. Наконец тихо выдавила:

— Мужа надо в больницу, — и расплакалась.

— Нельзя его в больницу, у него пулевые ранения, — бросил Удачин. — Вместо больницы его отправят в милицию. Дура!

— Он умрет! — заголосила женщина.

— Вон! — рявкнул Удачин.

Женщина стояла как вкопанная, по щекам текли слезы.

— Маня, — тихо вымолвил Вронский. — Иди в дом, готовь обед. Ничего страшного со мной не случилось, ранения пустяковые. Друг Иван — хороший медик, он все сделает как надо.

Женщина медленно закивала, смахнула рукой слезы и попятилась к выходу...

Выглянуло солнце, но неприятный ветер не стихал. Вцепившись руками в руль, с большим напряжением Урин вела машину.

«Так она долго не выдержит, — подумал Ермолай. — Надо делать привал», — и вымолвил:

— Что-то я проголодался, нужно сделать привал и перекусить.

— Однако, было бы неплохо, — согласилась напарница. — Впереди, кажется, виднеется лес. Там и остановимся.

Вскоре машина остановилась среди редких, худых березок по соседству с ельником. Урин открыла свою дверь и что-то громко крикнула в кузов по-монгольски.

— Я сказала Нарану, чтобы он спускался к нам, — сказала напарница. — Я думаю, мы потеснимся, и все втроем поместимся в кабине. Дружно все перекусим.

— Все правильно ты решила, — бросил в ответ Ермолай...

Трапеза, по факту совмещенная с отдыхом, длилась около часа. После этого они продолжили свой путь. Погода стояла пасмурная, неприятно свистел ветер, переметая по трассе снег. Сосредоточенная Урин держала небольшую скорость.

«Успеем ли мы сегодня пересечь границу? — невесело раздумывал Ермолай. — Ночевать где-то в незнакомой монгольской степи совсем не хочется».

Как-то незаметно подкралась дремота...

Маньчжоу-го, город Дайрене...

Атаман Семенов получил крайне неприятное сообщение из Советской России. Большевистские правоохранительные органы задержали его активного и ценного агента. Этот агент заговорил, ясно, что под пытками, но заговорил. Тем самым он нанес болезненный удар по белоказачьему движению. Вероятно, будет громкий судебный политизированный процесс, где будут трепать его, атамана, доброе имя, вешать ярлыки и всякого рода преступлений. Будет большой скандал...

Втройне неприятно, что этот агент — сын его давнего боевого и верного друга, полковника Удачина. Это, как говорят боксеры, удар под дых. Что и как он, атаман, скажет теперь полковнику?.. Как отреагирует Удачин на это известие? Он сейчас проводит важную операцию против Советов в Монголии... Запьет ли с горя полковник?.. А может, вообще выйдет из борьбы с Советами?..

Атаман глубоко и тяжело задумался...

Ермолай проснулся и сразу зажмурил глаза от ярко светящего солнца.

— Пока ты спал, начальник, — изрекла Урин, — у нас капитально сменилась погода. Вышло почти весеннее солнышко, пропал неприятный и холодный ветер.

«Действительно», — обзревая в окно белый, спокойный природный пейзаж, подумал Ермолай.

Урин держала хорошую скорость, встречные машины не падались.

«Какая же все-таки здесь переменчивая погода! — воскликнул Ермолай. — Теперь мы, похоже, успеем проскочить границу...».

Показалось небольшое поселение.

— Строящийся новый город Сухэ-Батор, — весело бросила Урин.

Миновали его быстро.

Снова пошла голая, заснеженная степь...

Солнышко медленно уходило за горизонт. Быстро стало темнеть, задул и неприятный боковой восточный ветер.

Вид у Урин был очень уставший. Казалось, она с трудом держит баранку, с напряжением смотрит вперед на дорогу.

«Она вообще большой молодец, — изредка бросая взгляды на напарницу, раздумывал Ермолай. — Поначалу я ее всерьез не воспринял... — усмехнулся. — Но, девчонка не подвела...».

Прикидывал он, и где им лучше заночевать...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

В своем кабинете генерал Янагиту работал со служебными документами. Он рассматривал поступившие в ИРУ донесения о разведывательно-подрывной деятельности против России на Дальнем Востоке и в Сибири.

В дверь постучали. Генерал медленно оторвал взгляд от документов и изрек:

— Войдите.

В кабинет бесшумно вошел адъютант с папкой в руке. Сделал поклон и отчеканил:

— Срочная шифровка из Улан-Батора.

— Давайте, — бросил генерал.

Офицер быстро прошел к рабочему столу хозяина кабинета и положил папку. Сделал поклон и моментально удалился.

Генерал открыл папку, быстро пробежался по тесту переведенной на японский ящик шифровки.

«Итак, русские решили отправить дары Монголии в Россию на грузовой машине в сопровождении броневика БА-20, — задумался. — Наши люди сожгли машину, но броневик ушел. Обследование остатков сгоревшей машины ничего не дало... Бумажные деньги могли сгореть, но вот золото никак не могло исчезнуть... Может, дары в броневике? Хотя, — напряг память, — судя по классификации бронемшины, у нее минимальная полезная вместимость и грузоподъемность... Тогда... Может, русские ничего и не отправляли с этим рейсом, а это был отвлекающий маневр?.. — ругнулся про себя. — Отвратительно бездарно работает агентурная сеть! А подполковник Хираи что там делает?.. Надо им всем вставить!» — вызвал адъютанта для составления срочной шифровки...

Стало совсем темно.

Вот впереди показалось поселение.

— Фу! Наконец Алтанбулаг! — вымолвила Урин. — А там рукой подать и до границы.

В лунном отсвете можно было различить дома, юрты. Вот на дороге показалась стая собак.

— Где выйдет Наран? — спросил Ермолай.

— Он мне сказал, что сойдет в погранзоне, — ответила Урин.

Миновали поселение.

Прошло минут десять, и показались контуры освещенной погранзоны. Вот впереди и пограничный красный шлагбаум, недалеке соответствующий флагшток. Машина остановилась.

Появились двое монгольских офицеров-пограничников.

Сергеев стал готовить документы для них. В это время из кузова выпрыгнул Наран, на одном его плече висел автомат, на другом пулемет. Капитан сразу вступил в разговор с пограничниками.

Ермолай хотел было выйти. Но Урин резко бросила:

— Не ходи, начальник, Наран разберется.

Разговор капитана и пограничников, как показалось Ермолаю, проходил на повышенных тонах, с использованием жестикуляции. Он стал прислушиваться. Из всех произносимых слов по-монгольски Ермолай лишь понял слово — химзащита.

«Очевидно, говорят они о характере нашего груза», — прикидывал Сергеев.

Один из пограничников запрыгнул на колесо машины, осмотрел кузов. При этом он поднял и затем опустил брезент. Через окно заглянул офицер и в кабину.

Громкие переговоры офицеров продолжались.

«Разговор затягивается», — забеспокоился Ермолай.

— Все будет нормально, — словно читая его мысли, спокойно бросила напарница.

Ермолай совсем не был уверен в этом.

Но вот красный шлагбаум медленно поднялся. Наран замал рукой в его сторону, что-то крикнул.

— Можно ехать. Прощай, Монголия, — грустно бросила Урин. — Прощай, настоящий друг Наран.

«Прощай», — подумал и Ермолай.

Машина медленно двинулась на нейтральную полосу. А впереди виднелся полосатый черно-белый шлагбаум...

Глава 6

Москва, штаб-квартира ГРУ ГШ Красной армии...

Полковник Селезнев получил служебный запрос из Улан-Удэ за подписью заместителя горотдела, капитана Галайбы, на лейтенанта Сергеева в связи с открытием уголовного дела.

Ранее полковник получил из Улан-Удэ от офицера службы, капитана Смелова, сообщение о произошедшем инциденте лейтенанта с гражданскими лицами. В сообщении действия Сергеева в возникшей нестандартной ситуации оценивались как правильные.

— Какого тогда... — недовольно ругнулся полковник, — надо этому Галайбе? Уголовное дело открыл!? Сергеев выполняет важное, государственное задание! А этот милицейский, тыловой капитан пытается помешать? Дело шьет!? Дудки вам, товарищи из НКВД! Мы своих в обиду не дадим!

Собрал документы и решительно направился в кабинет комиссара Голикова...

Машина медленно движется по темным, заснеженным улицам города Кяхта. Посматривая на напарницу, Сергеев напряженно раздумывает, где и как они будут ночевать.

«Майор Сидоркин говорил, что в этом городе высока преступность, что работают вражеские агенты и что лучше его быстро проскочить. И отдохнуть, — вспомнил, — например, в городке Новоселенгинск... Но как проскочить Кяхту, Урин засыпает на ходу, баранку держит с трудом...».

— Знаю, о чем ты, Ермолай, думаешь, — изрекла Урин.

В это время приглушенно слышались выстрелы со стороны домов.

— И о чем же? — нервно озираясь по сторонам, спросил Ермолай.

— Что было бы неплохо остановиться и заночевать в Новоселенгинске.

— Точно! — воскликнул Ермолай. — Как ты, Урин, догадалась?

— Все очень просто. Я знаю, что Кяхта — плохой городишко, что здесь много плохих людей, стреляют и убивают. А раз так, давай поедем, начальник, в Новоселенгинск.

Ермолай внимательно взглянул на напарницу.

— А ты сможешь до него доехать без отдыха?

Девушка вымученно улыбнулась.

— Постараюсь, начальник. Это ничего, что я маленькая и худенькая. Я жилистая и упорная.

— Было бы замечательно, Урин...

— Значит, — решительно перебила напарница, — так и будет, Ермолай. Двигаем в Новоселенгинск.

Они покинули город и двинулись на север. Кругом стояла непроглядная темень, гулял небольшой ветерок.

— Чтобы я не заснула, расскажи мне про Ленинград, — сказала Урин.

— Хорошо. Начну с музеев, поскольку город Ленинград является крупнейшим музейным центром страны и даже мира. Главный музей города — это Эрмитаж, государственный художественный музей, крупнейший в Европе. Он располагается в историческом центре города, на Дворцовой площади, в императорском Зимнем дворце. Собирать произведения искусства начал еще царь-батюшка...

Напарница слушала очень внимательно, порой задавала вопросы. Некоторые из них просто каверзные...

Улан-Удэ, городской отдел внутренних дел...

Капитан Галайба получил от пограничников Кяхты сведения о пересечении госграницы лейтенантом Сергеевым.

— Прекрасно! — воскликнул капитан, подошел к карте республики, висевшей на стене. — Мы с тобой еще поиграем, лейтенантик, я заставлю тебя сделать роковую ошибку! Что мы имеем?..

Стал прикидывать, по какой дороге и когда подъедет к городу Сергеев.

— ...Ты въедешь в наш город с юга...

После этого Галайба позвонил на стационарный пост ГАИ при южном въезде в город и отдал приказ о задержании транспорта с лейтенантом Сергеевым...

В кабинет вошел хмурый подполковник Ким с папкой в руке. Окинул недобрый взглядом сидящего за рабочим столом капитана, шагнул к столу.

— Галайба, я тебе приказал закрыть дело лейтенанта Сергеева и сдать в архив. Ты это выполнил?

«Начальник не в духе», — сразу определил капитан, тихо-смирненно выдавил:

— Я практически закрыл дело и сегодня собирался его сдать в архив.

— Теперь можешь не спешить, — выдавил подполковник, достал из папки исписанный бумажный лист, положил перед капитаном. — Это приказ из Москвы о понижении тебя в звании до лейтенанта, — положил на стол второй лист. — Это приказ по республиканскому Управлению о переводе тебя в поселок Уоян участковым. Сегодня должен полностью рассчитаться, а завтра с утра убыть к новому месту службы. Воп-росы?

— Лейтенант? Уоян? — бросив взгляд на карту, выдавил капитан. — Поселок золотодобытчиков, поселок осужденных и сосланных в дикой тайге, в тысяче километров... За что меня так,

подполковник? — воскликнул. — Я просто выполнял свой служебный долг...

— А ты не понимаешь? — в свою очередь, воскликнул подполковник. — Мне из-за тебя попало по шапке. Сам виноват, привязался к ГРУшникам, — крикнул. — Приказываю немедленно сдать дела...

— Но, товарищ подполковник...

Скула капитана неприятно задвигалась, плечи дергались.

— Выполнять приказ и без истерик, — строго изрек подполковник и быстро вышел из кабинета.

Галайба взглянул на лежащие на столе листы, мгновенно разболелась голова...

— Ермолай, скажи честно, о чем ты думаешь?

Сергеев в это время рассказывал уже о третьем музее Ленинграда, о недавно открывшемся Центральном военно-морском музее, как его прервала Урин. Он подумал пару секунд и вымолвил:

— О том, где и как мы будем спать. А что?

— И что надумал?

— Ну... — в раздумье ответил Ермолай, — поскольку я не могу отлучаться от груза, то я буду ночевать в кузове машины, — усмехнулся. — На лежащем месте Нарана, охраняя при этом груз. Ну, а ты, как обычно, в номере Дома приезжих Новоселенгинска. Тебе крайне необходимо хорошо отдохнуть, впереди еще длинная дорога.

— Интересно получается, — медленно изрекла Урин.

— Другого варианта я не вижу.

— Надо придумать что-то другое, — вымолвила Урин и определенно задумалась...

Показались окраины Новоселенгинска. Ермолай взглянул на свои часы, они показывали 22:57.

— Едем к знакомому нам Дому приезжих, — бросил он.

— Я вот думала, думала про ночной отдых и ничего не надумала, — вымолвила Урин.

— Не надо ничего придумывать, — строго вымолвил Ермолай. — Я все решил и сказал, так и будем отдыхать.

— Мне надо всего часика три поспать, и я буду как огурчик...

— Урин, прекрати, пожалуйста, — оборвал Ермолай. — Ты должна как минимум поспать 6–7 часов, чтобы нам потом спокойно за световой день добраться до Иркутска. Я не хочу аварий.

— Я тоже, — парировала напарница.

Вскоре машина затормозила во дворе Дома приезжих. Ермолай и Урин немного перекусили.

Затем они прошли в дом, поздоровались с сидящей за барьером полусонной женщиной-администратором.

— Одноместный номер для девушки есть? — спросил Ермолай.

— Есть.

— Он теплый?

— Теплый, — выдавила женщина, зевнула. — Еще никто не жаловался.

— Очень хорошо, — вымолвил Ермолай, взглянул на уставшую напарницу. — Ну, размещайся и отдыхай, Урин. Я действую по своему плану.

Урин кивнула, сбросила свой тулуп и со словами:

— Укройся там, пожалуйста, потеплее, — вручила его Сергееву.

— Спасибо, хорошо...

Улан-Батор, усадьба Вронского...

На ночь Удачин и Вронский остались в бане. Полковник как мог обработал раны друга, протер спиртом и зеленкой, перевязал. Организм у штабс-капитана был крепким. Но он потерял много крови, испытывал и болевой шок от ран, да и настроение было неважное.

Мужчины потрапезничали, немного выпили. Разумеется, обговорили свою неудачную операцию, попытались проанализировать допущенные ошибки. Правда Вронский быстро опьянел, стал рассказывать, как ему плохо живется среди монголов, вдали от родины. Потом пытался запеть:

*Родина, родниковая моя Русь,
Как хочу я, как хочу я припасть...*

Но язык уже изрядно заплетался.

Далее Вронский расплакался, стал просить помочь жене, когда он умрет...

Удачин пытался подбодрить друга. Но это никак не удавалось.

Полковнику пришлось изрядно постараться, дабы уложить друга просто спать...

Ермолай вышел во двор. Небо было затянуто плотной и низкой облачной пеленой. Не спеша он обошел и осмотрел машину.

Запрыгнул в кузов, осмотрел его. Все было на своих местах.

Затем, не раздеваясь, разместился на лежанке капитана Нарина. Сверху укрылся тулупом Урин.

В голову полезли разные мысли, но Ермолай попытался уснуть...

Он проснулся и понял, что по нему кто-то ходит. Осторожно откинул тулуп и увидел стоящего на нем большого кота. Их взгляды встретились. Но лишь на мгновения, кот тихо, почти беззвучно мяукнул и прыгнул на брезент. Затем сразу на борт машины, спрыгнул вовсе с машины и быстро исчез из вида.

Ермолай ощутил прохладу, взглянул на свои часы.

«Я спал где-то час, — прикинул, поежился. — Кажется, я замерзаю, — ругнулся. — Надо встать, иначе совсем околею».

Подивился, как Наран почти 12 часов просидел в кузове.

Ермолай поднялся, потянулся и спрыгнул на землю. Вернее, на снег.

«Надо подвигаться и разогреться», — решил и стал делать круги вокруг машины.

Подумал:

«Однако, кот вовремя меня разбудил. Спасибо тебе, бродяга...».

Тучки уже разбежались, в небе мерцали звезды...

Улан-Батор, усадьба Вронского...

Удачин внезапно проснулся, сразу взглянул на соседнюю лавку. В тусклом свете керосиновой лампы казалось, что Вронский лежит неподвижно как мумия с закрытыми глазами.

Удачин почувствовал какое-то беспокойство. Он поднялся, шагнул к соседней лавке.

«Да он не дышит!» — воскликнул и стал искать пульс на руке друга.

Но пульса не было, да и рука уже похолодела.

— Прощай, друг, — тихо выдавил полковник, склонил голову. — И прости, пожалуйста, меня, если сможешь, — сразу подумал о его жене, теперь вдове, и двоих детей.

«Вот как обернулось... — загоревал. — Пойду, сообщу вдове...» — решил вскоре...

Слома голову, полураздетая, вбежала жена штабс-капитана в баню. Удачин еле поспевал за женщиной. На удивление она не заголосила, не закричала и даже не заплакала. Просто подошла к скамейке, на которой лежал Вронский, встала на колени и, буквально впившись глазами в посеревшее лицо мертвеца, стала что-то тихо шептать по-монгольски.

«Шаманит по-своему», — подумал полковник, стал раздумывать, что будет докладывать атаману Семенову.

Через некоторое время женщина встала и взглянула на стоявшего у двери Удачина. От этого взгляда ему стало как-то не по себе.

— Это ты убил его, — сквозь зубы выдавила женщина.

— Ты что такое говоришь, Маня! Он мой друг! Мы с ним столько прошли! Не раз спасали друг друга!

— Мы хорошо жили, но пришел ты, — не слушая его, хмуро продолжала женщина. — И вот муж мертв.

— Так уж получилось. Я помогу тебе деньгам...

— Я не возьму твоих кровавых денег. Ненавижу тебя, убийца, и проклинаю. А теперь убирайся прочь.

— Я помогу...

— Вон!

«Да она прекрасна в гнев!» — любуясь огнедышащей женщиной, воскликнул полковник.

Внезапно нестерпимо захотелось овладеть ею!

Полковник шагнул к женщине и набросился на нее. Она сопротивлялась, кусалась, но силы были явно не равны...

Потом Удачин поднялся и задумался:

«Их нельзя так оставлять. Полиция начнет искать причины смерти Вронского... — взглянул на лежащую на лавке растерзанную женщину. — Женушка со злобы может ляпнуть все, что угодно... — подумал о детях Вронского. — Их воспитает сестра жены...».

Нагнулся и стал руками душить женщину. На удивление она не сопротивлялась.

Сделав дело, Удачин оделся и задумался.

Вскоре он аккуратно поджег деревянный стол. Когда огонь хорошо разгорелся, вышел из бани...

В дверном проеме забора показался силуэт человека. Сергеев в это время ходил вокруг машины и размахивал руками.

Человек этот оказался мужчиной. Он шагнул во двор.

— Ты что, больной? — грубым, прокуренным басом изрек незнакомец.

— Просто разогреваюсь, — ответил Ермолай.

— Ну-ну, — приближаясь к нему, выдавил незнакомец. — Дай хоть закурить.

Лыжная шапочка была спущена до его глаз, воротник полушубка прикрывал практически все оставшуюся часть лица.

— Не курю и тебе не советую, — ответил Ермолай.

— Праведника строишь. Деньги есть?

«Неприятный и наглый тип», — подумал Ермолай, рукой нащупал свой наган.

— Есть, но не про твою честь, паря.

В руке незнакомца сверкнуло лезвие ножа.

Ермолай быстро вытащил наган и направил на наглеца.

— Пошел своей дорогой. Быстро! Пока я не рассердился!

Незнакомец убрал нож.

Тихо-смирненно выдавил:

— Я пошутил, извини, друг, — стал медленно пятиться назад.

— Я тебе не друг, — зло отрезал Ермолай.

Пятясь, незнакомец быстро поравнялся с забором и... ментально исчез из вида.

Ермолай постоял некоторое время. Затем убрал наган и продолжил хождение вокруг машины...

Сергеев быстрым шагом ходил вокруг машины. Было холодно и, несмотря на физические упражнения, он уже достаточно промерз.

Дверь Дома приежжих со скрипом раскрылась, кто-то хуленький быстро из нее вышел.

«Ба! Да это Урин! — всматриваясь, воскликнул Ермолай. — Она раздетая? Точно, она же мне отдала свой тулуп. Ее тулуп в кузове».

Ермолай быстро запрыгнул в кузов машины, взял тулуп и крикнул:

— Урин, держи свой тулуп.

Напарница уже подошла к машине. Подняв руки, она взяла тулуп и быстро надела на себя.

Ермолай слез с кузова машины и спросил:

— Ты почему не спишь? — взглянул на свои часы. — Время только 3 часа ночи.

— Выспалась, — бросила напарница. — А ты почему не спишь?

- Тоже выспался.
- Тогда давай перекусим, да поедем домой.
- Давай...

Улан-Батор, конспиративная квартира японской разведки...

Подполковник Хираи пытался проанализировать неудачную операцию по завладению или хотя бы уничтожению перевозимых в СССР даров Монголии. Делал он это всегда, когда терпел неудачи, а они случались крайне редко.

Хираи сильно нервничал, ведь сейчас произошел особый случай. Провал провалом, без них в его работе не бывает. Но в ходе операции был убит Скала, резидент монгольской агентурной сети. О гибели резидента подполковник не решился сразу сообщить в центр генералу Янагиту. Хираи решил сначала во всем досконально разобраться, сгладить негативные последствия проваленной операции. Ведь, кроме Скалы, были убиты двое и ранены трое монголов из деревни Батсумбэр. Этих монголов за деньги удалось втянуть в операцию. Теперь надо было не допустить международного скандала. Хотя монгольская милиция и работает из рук вон плохо, но, тем не менее, она ведь может выйти на японский след. Поэтому, только после решения всех вопросов в Монголии, Хираи хотел явиться на доклад к всемогущему Янагиту...

Итак, для подполковника очевидно, что русские их переиграли. Это подтвердил и информатор из советского посольства. Он сообщил, что монгольские дары уже в СССР. О вывозе в посольстве никто не знал. Вывезены дары были на одиночной машине прибывшими для этого людьми из СССР. Приводились и номера этой злосчастной машины...

Они быстро покинули сонный, заснеженный городок и вышли на трассу. Урин уверенно вела машину. За окном было темно

и ветрено, дорогу слегка замело снегом, встречного транспорта не встречалось. Урин стала что-то тихо напевать.

Сергеев рассматривал карту. До Улан-Удэ было совсем недалеко, каких-то сто километров...

— Ермолай, ты знаешь, что означает мое имя? — спросила напарница.

Ермолай взглянул на девушку, она широко улыбалась.

— Нет.

— Урин — это значит нежная, ласковая, приветливая.

«Надо же? — удивился Ермолай. — Никогда бы не подумал о ней такое. Хотя, она молода, у нее все впереди», — вымолвил:

— В принципе, так оно и есть.

— Нечестно говоришь, — став серьезной, изрекла девушка. — Чтобы стать таковой, мне надо учиться и учиться.

— Чему учиться? — автоматически спросил Ермолай.

— Мудрости жизни. Только мудрый человек может быть по настоящему нежным, ласковым, приветливым.

Ермолай удивился такому ответу девчонки и не нашелся что-либо сказать в ответ. Дальше они ехали молча.

Вскоре Ермолая стало клонить ко сну...

Глава 7

– Подъезжаем к Улан-Удэ.

Ермолай встрепенулся от девичьего голоса и проснулся. Впереди показался стационарный пост ГАИ. У будки стояла женщина-милиционер. Вот она своим жезлом приказала остановиться.

– Да что же они в этом городе!?! – громко воскликнула Урин. – Докопались до нас!?

– Военное время, они проявляют бдительность, – спокойно вымолвил Ермолай. – Надо остановиться...

Улан-Удэ, городской отдел внутренних дел...

Капитан Галайба, вернее, уже лейтенант, вечер и ночь провел в своем кабинете. У него было койко-место в милицейском общежитии, но бывал он там редко. В основном пропадал в своем кабинете, здесь и многие свои вещи держал, продукты.

Во второй половине дня Галайба дооформил все свои служебные дела и передал в делопроизводство. В голове бродили самые различные, в основном, негативные мысли. Они, конечно же, были связаны с наказанием, понижением в звании и переводе в таежную Тмутаракань. Наказанием, безусловно, несправедливым!?! Что теперь его ждало впереди? Примитивная жизнь и работа в глухом поселке?..

Болела голова, и Галайба принимал свое «лекарство». Уже за полночь он привычно разлегся на стульях и заснул...

Галайба проснулся от звонка телефона. Тяжело поднялся, прошел к столу, поднял трубку и выслушал абонента.

Секунду-другую подумав, бросил:

— Придержите их, я скоро буду.

Галайба положил трубку, надел портупею, достал пистолет, подошел к зеркалу. Критически осмотрел себя, обычная темно-синяя милицмейская форма, галифе, китель, ремень, кобура... Но что-то екнуло в груди, большая скула заходила ходуном.

«Ведь я уже не капитан!?» — нервно воскликнул, дернулся телом, выругался.

Прошел к шкафу, открыл и рассмотрел свой гардероб. Достал штатское, коричневое пальто, которое покупала ему еще жена. Быстро набросил поверх формы...

Битый час Сергеев объяснял сержанту милиции, кто он и с какой целью въезжает в город Улан-Удэ. Но худая женщина, дежурная на посту ГАИ, словно его не слышала, пересматривала документы, переспрашивала, раздумывала...

Со стороны города показался мотоцикл с коляской. Он быстро подъехал к посту и затормозил, за рулем находился мужчина в шапке и коричневом пальто. Он спустился на землю и прошел к разговаривающим на повышенных тонах сержанту милиции и Сергееву.

— Сержант, свободна, — выдавил мужчина.

— Есть, товарищ капитан.

Сергеев слегка удивился, ведь мужчиной в гражданском пальто оказался знакомый милиционер, капитан Галайба.

Сержант стремительно удалилась в помещение поста милиции.

«Так это из-за него нас тут мурыжили?» — воскликнул Ермолай и напористо спросил:

— Капитан, вы же знаете, кто я. Почему меня задержали?

— Да вот, лейтенант, хочу посмотреть тебе в глаза, — пристально всматриваясь в него, выдавил Галайба.

— Некогда мне, капитан, смотрины устраивать, у меня срочное государственное задание.

— Вот ты меня капитаном называешь, — изрек Галайба, — а ведь я по твоей милости со вчерашнего дня — лейтенант, — задержался корпусом, неприятно задвигалась и скула.

«Что он несет? По моей милости... лейтенант? — удивился Ермолай и уловил запах спиртного. — Да он просто пьян и несет ахинею!?».

— Повторяю, у меня нет времени, — строго вымолвил Ермолай. — Я убываю к месту своего назначения. Все свои претензии пришлите в министерство обороны в письменном виде, — и развернулся на 180 градусов.

Он хотел уже идти к машине, как в его спину что-то уперлось.

— Не спеши, Сергеев, я еще не договорил, — прошипел Галайба. — Сейчас мы с тобой поедem в деревню Танхой к родителям парней, которых ты сделал инвалидами.

«Спокойно, спокойно! — сказал сам себе Ермолай. — На провокации не надо поддаваться».

Сделал шаг в сторону и повернулся на 90 градусов. Он увидел злое, перекошенное, крайне неприятное, трясущееся лицо Галайбы и пистолет в его руке.

— Пошел к мотоциклу, — прошипел Галайба. — Иначе я тебе продырявлю ногу и плечо, как ты сделал с деревенскими парнями.

«Пьяный и больной!? — воскликнул Ермолай. — Но он, похоже, не шутит. Ладно, посмотрим пока, — медленно пошел в сторону мотоцикла. — Потом что-нибудь придумаем. Физически он не сильнее меня...».

Внезапно раздался выстрел. Сергеев замер, в голове хаотично побежали мысли:

«Это в меня?.. Или нет... В воздух?..» — медленно повернулся.

Галайба с застывшими глазами опустился на колени, выронил пистолет. Голова безвольно упала на плечо...

— Ермолай, быстро в машину! — раздался крик Урин.

Напарница стояла недалеко от их машины с пистолетом в руке.

В голове Сергеева что-то сработало. Он быстро побежал. Машина рванула с места...

Улан-Удэ, пост ГАИ «Южный»...

Сержант милиции выбежала из помещения поста. Она подбежала к лежащему на земле Галайбе, встала на колени.

— Товарищ капитан, вы живы? — спросила, заглядывая в мужские глаза.

— Я живее всех живых, — тихо вымолвил Галайба, смачно сплюнул.

— Я сейчас вызову «скорую помощь»...

— Сначала, сержант, — выдавил Галайба, — срочно позвони на пост ГАИ «Западный», пусть они задержат и арестуют эту машину с лейтенантом. Вперед, бегом.

— А вы...

— Бегом!

— Есть, — поднимаясь, изрекла сержант.

Оказавшись в помещении поста, сержант сначала позвонила в «скорую помощь», затем на пост ГАИ «Западный». Немного подумав, решила позвонить в горотдел милиции и доложить начальнику о случившемся на посту инциденте со стрельбой.

Подполковник Ким невозмутимо все выслушал, задал пару уточняющих вопросов. Затем приказал оставаться на месте с Галайбой и ждать медиков...

Вцепившись в руль, Урин жала и жала на газ. Они уже отъехали на приличное расстояние от стационарного поста ГАИ при въезде в город. За окном мелькали улицы, перекрестки, дома, редкие пешеходы.

«Досталось ей», — бросая взгляды на напарницу, подумал Ермолай и вымолвил:

— Сбавь скорость. Иначе мы кого-нибудь задавим.

— Хорошо, — бросила Урин. — Как ты сам?
— Нормально. Как ты?
— Я как увидела, что капитан держит тебя на мушке, так обомлела. Решила спасти тебя.
— Молодец! — бросил Ермолай, хотя на самом деле так не думал.
— Что теперь будет? — жалобно спросила напарница.
— Уверяю, ничего плохого не будет. Мы просто должны делать свое дело.
— Меня не посадят?
Сергеев улыбнулся.
— Урин, не думай о плохом, просто смотри на дорогу.
Напарница неопределенно качала головой.
Сам Ермолай глубоко задумался о возможных последствиях их действий. В их правоте он не сомневался. Хотя на душе было как-то не спокойно. Определенно было видно, что нервничала и Урин...

Пошли небольшие частные домики. Вскоре впереди показался стационарный пост ГАИ при выезде из города. Возле него находились двое милиционеров с винтовками на плечах.

— Что будем делать? — спросила Урин. — Они наверняка потребуют остановиться.

Действительно, один из милиционеров жезлом приказал остановиться.

— Остановимся и разберемся на месте, — как можно беззаботнее изрек Ермолай.

Хотя на самом деле он сильно нервничал.

Урин хмыкнула и стала тормозить. Машина остановилась, милиционеры, мужчина и женщина, держали винтовки наперевес.

— Что дальше? — изрекла Урин.

— Сиди на месте, я разберусь, — бросил Ермолай и выпрыгнул из кабины.

Шагнул в сторону пожилого лейтенанта милиции.

— В чем дело, товарищ лейтенант? — строго бросил Сергеев. — Мы выполняем особо важное задание по линии Минобороны страны. Могу предъявить все необходимые документы. Хотя ваши коллеги уже нас досконально проверили.

— Что у вас произошло на посту ГАИ «Южный»? — спросил лейтенант милиции.

— Небольшое недоразумение, — ответил Сергеев. — Наши начальники, уверен, разберутся. Мы можем продолжать движение?

— Вы ранили офицера милиции...

— Совершенно верно. Он мешал выполнению нашего задания.

— Мы обязаны вас задержать до выяснения...

В это время к посту на большой скорости подъехал и резко затормозил легковой ГАЗон. Из него быстро выскочил подполковник милиции. Он стремительно проследовал к месту, где находилась машина, а также Ермолай и милиционеры.

«Это что еще за хрен? — недовольно подумал Ермолай. — Неужели по нашу душу?».

— Лейтенант Сергеев! — бросил на ходу подполковник.

— Я, — ответил Ермолай.

Подполковник подошел к нему, протянул руку для рукопожатия.

— Я подполковник Ким, начальник городского отдела милиции. Прошу принять мои извинения за неадекватные действия моих подчиненных на посту ГАИ «Южный». Вы можете продолжать свой путь.

Ермолай облегченно расслабился, пожал протянутую руку. Медленно выдавил:

— Извинения приняты. Надеюсь, вы понимаете, что некоторые наши действия и поступки были продиктованы исключительно служебной необходимостью.

— Да, конечно.

«Раз отношения с милицией наладились, — подумал Ермолай, — то неплохо было бы доложить по своей службе», — изрек:

— Товарищ подполковник, разрешите мне воспользоваться телефоном на посту и сделать звонок по линии ГРУ.

— Прошу, — показывая рукой на помещение поста ГАИ, ответил подполковник.

Он и следом Сергеев направились к зданию поста.

В помещение подполковник взял трубку и спросил:

— Вас соединить с капитаном Смеловым?

— Так точно.

Подполковник покрутил диск аппарата и передал трубку Ермолаю. Услышав в трубке мужской голос, он вымолвил:

— Здравия желаю, у аппарата лейтенант Сергеев.

— Это капитан Смелов, здравствуйте. Слушаю вас.

— Передайте в центр, что я сегодня утром благополучно прибыл в Улан-Удэ. В данный момент следую далее по заданному маршруту.

— Спасибо, лейтенант. Счастливой дороги.

— Спасибо, — ответил Ермолай, передал трубку подполковнику.

Они вышли на улицу. Подполковник явно хотел что-то сказать. Но Ермолай опередил:

— Я очень спешу. До свидания.

Пожал протянутую руку подполковника и быстро направился к своей машине. Подойдя, решительно заскочил в кабину, машина сразу тронулась с места...

На улице рассвело, из-за тучек несмело выглядывало солнце. Урин держала хорошую скорость. Вид у нее был серьезно-озабоченный.

— Меня точно не посадят? — спросила напарница.

Ермолай уже сообщил ей, что начальник горотдела милиции Улан-Удэ извинился за своих подчиненных.

— Милиционер, в которого ты стреляла, жив. Действовала ты правильно. Так что, точно не посадят, и прекрати эти переживания, — бодро ответил Сергеев. — Мы, считай, уже выполнили важное государственное задание. Уверен, что нас с тобой наградят.

— Тебя может и наградят, а меня...

— Урин, прекрати ты эти разговоры! Смотри, какая хорошая сегодня погода. Сегодня мы приедем домой, ты увидишь свою маму. Надо радоваться жизни!

— Я в Доме приезжих по радио слышала сводку Совинформбюро, положение на фронтах очень тяжелое. На отдельных участках наши оставили позиции, отступили.

— Идет страшная война, — вымолвил Ермолай. — Враг силен, его сразу не разбить. Мы должны сделать все, чтобы победа была за нами.

Слева по ходу движения стали появляться пригорки. Дорога то поднималась вверх, то шла вниз.

Внезапно справа на горизонте показалась удивительная и величественная сине-зеленая гладь.

— Великий и священный Байкал! — восхищенно вымолвил Ермолай. — Ваше море.

— Точно, начальник, — подтвердила Урин. — От него вся округа кормится рыбой.

Вскоре они оказались на берегу озера, шоссе проходило совсем близко от береговой линии. Рядом проходила железная дорога. Небольшие заснеженные горные склоны утопали в зеленой растительности — кедра, сосны, ели, лиственницы. Ермолай любовался изумительными видами.

«Какая здесь все же умиротворительная, гармоничная природа», — восхищенно раздумывал...

— Нам надо хорошо покушать, — вымолвила Урин, — предлагаю заехать в деревню Танхой, к моей бабушке.

Ермолай вспомнил, как в прошлый раз бабушка плотно и вкусно их накормила. Правда, сразу вспомнил и неприятный инцидент с местными парнями. Вымолвил:

— Можно. Только мы ее не сильно напрягаем?

— Однако нет, — впервые после инцидента на посту ГАИ улыбнулась напарница. — Она будет только рада нам.

— Тогда заедем.

Вот показалась и деревня Танхой.

Машина подъехала к уже знакомой изгороди из длинных жердей, миновала распахнутые ворота и остановилась возле небольшого деревянного дома.

— Я сбегая в дом, посмотрю, — бросила Урин. — Ты пока подожди, — вышла из кабины и направилась в дом.

Сергеев стал прикидывать, как лучше поставить машину, чтобы она была хорошо видна из окна дома.

«Надо для верности ворота забора прикрыть», — решил и вышел из кабины.

В это время из дома вышла хмурая на лицо Урин.

— Понимаешь, Ермолай, бабушка заболела, — выдавила напарница. — Там ее соседка, шаманка, ворожит, лечит. Тебе в дом никак нельзя.

«Шаманка лечит человека в наше время!?» — усмехнулся Сергеев и предложил:

— Давай тогда, Урин, прямо в машине и перекусим. Продуктовые запасы у нас еще есть.

— А ты не обидишься?

— Не говори глупостей. Давай передай бабушке наши приветы и пожелания быстреешего выздоровления. А я пока в кабине приготовлю наши съестные запасы.

Напарница улыбнулась, быстро подбежала, чмокнула-поцеловала Ермолая в щеку и затем быстро упорхнула в дом.

«Шальная девчонка», — усмехнулся Сергеев, снова забрался в кабину...

Маньчжоу-го, город Синьцзин, штаб Квантунской армии...

В кабинет начальника ИРУ, чеканя шаг, вошел в парадной форме подполковник Хираи. Сделал поклон и замер посередине помещения по стойке «смирно». Хозяин кабинета, генерал Янагиту, расположившись в кресле за рабочим столом, в это время сосредоточенно работал со служебными документами.

Генерал продолжал читать документы, подполковник смиренно ждал. Время тянулось томительно долго.

Вот хозяин кабинета поднял голову и сурово, вопросительно взглянул на вошедшего офицера.

Подполковник еще более подтянулся и изрек:

— Господин генерал, я подготовил обстоятельный доклад по операции в Улан-Баторе.

— Давайте.

Подполковник шагнул к столу и положил на него черную папку. Быстро отошел на прежнее место.

Генерал не спеша принялся читать находящийся в папке служебный рапорт.

Прошла минута, другая.

Наконец хозяин кабинета прочитал документ.

Он бросил сумрачный взгляд на подполковника и спокойно вымолвил:

— Итак, Хираи, вы не смогли правильно сориентироваться в Улан-Баторе. Не смогли наладить рабочий контакт с резидентом Скалой, равно как и с людьми атамана Семенова. Не смогли точно определить время и способ передвижения даров Монголии в СССР, — тембр голоса постепенно возрастал. — В результате проведенной бездарной операции вы потеряли людей и самого резидента Скалу. Вы запачкали честь императорской Японии! Русские обвели вас! Они наверняка смеются над нами! — крикнул и вскочил с места. — Вы, подполковник, полностью лишились моего доверия!! Видеть вас более не могу!!!

Хираи с невозмутимым лицом слушал начальника.

Когда взбешенный, покрасневший генерал закончил свою речь, подполковник правой рукой достал из ножен искривленный меч-джиуто. Секунда, и Хираи сделал себе харакири. Мечом решительно и быстро ударил по своему животу — сначала горизонтально от левого бока к правому, а потом вертикально от диафрагмы до пупка.

Обливаясь кровью, с выпученными глазами подполковник рухнул на пол. Безучастно наблюдавший за действиями подчиненного генерал безразлично поморщился и вызвал адъютанта...

Глава 8

Ермолай и Урин в кабине машины трапезничали своими запасами. Урин принесла бабушкиного кваса.

По улице проходил слегка сторбленный какой-то мужчина. Поравнявшись с воротами дома бабушки, он остановился, взглянул на дом и машину. Немного подумав, свернул в ворота и направился к машине.

Урин как-то настоужилась, слегка заерзала. Затем отложила еду и изрекла:

— Пойду, поговорю с мужчиной. Он, наверное, к бабушке.

Напарница выпрыгнула из машины, пошла навстречу незнакомцу. В трех шагах от машины они встретились, остановились и стали разговаривать, судя по всему, на бурятском языке.

Спокойный изначально разговор стал быстро накаляться, повышать голос стал мужчина. Он несколько раз резко кивнул в сторону машины, махнул и рукой.

«На меня кивает, — подумал Ермолай. — Похоже, придется выйти», — и вышел из кабины.

К нему стремительно подошел разговаривавший с Урин мужчина. Он оказался бурятом и уже в годах.

— Я отец парня, которого ты чуть не пристрелил, — хмуро вымолвил мужчина.

«Вот в чем дело!» — воскликнул Ермолай и спросил:

— Что он вам сказал, уважаемый?

— Он сказал, что просто говорил с Урин, а ты начал в него стрелять.

— Неправду он сказал, — громко вымолвил Ермолай. — Во-первых, он был пьян. Во-вторых, он с ножом пошел на меня. Скажи, уважаемый, что должен был делать я в той ситуации?

А их ведь было двое, двое молодых подвыпивших парней. Я же находился на служебном задании. Поэтому и нейтрализовал их обоих. Кстати, мог бы и убить, но я этого не сделал.

— Что же мне теперь тебе — в ножки поклониться? — крикнул мужчина.

— Кланяться не надо, надо правильно воспитывать своих детей, — как можно спокойнее, ответил Ермолай. — Кстати, почему они, здоровые лбы, не в армии? Ведь идет смертельная война!

— Они больные...

— Знаю я таких липовых больных, — резко перебил Ермолай. — Все, батя, разговор закончен. До свидания, — развернулся и пошел к машине.

Урин и мужчина обменялись еще несколькими словами.

Ругаясь, мужчина вышел со двора на улицу и вскоре пропал из вида. Урин заскочила в машину, они молча продолжили трапезничать.

— А здорово ты, Ермолай, старика этого отбрлил, — весело изрекла Урин.

Они уже покинули деревню Танхой и выехали на междугороднюю трассу. Погода радовала. По-прежнему из-за тучек несмело выглядывало солнце, ветра не ощущалось. Справа сверкал красавец Байкал. Слева засыпанные снегом и поросшие зелеными хвойными деревьями громоздились пологие отроги забайкальского хребта.

— Надеюсь, я его не сильно обидел, — вымолвил Ермолай.

— Да так им и надо! — воскликнула напарница. — Современная молодежь совсем обнаглела. Не хотят чтить старших, живут исключительно ради своих удовольствий. На родину им наплевать и на законы тоже. Родители покрывают свое чадо...

Ермолай невнимательно слушал болтовню напарницы. Его клонило ко сну...

— Начальник! Ермолай!

Сергеев встрепенулся и изрек:

— Что-то случилось?

— Пока ничего. Но вполне может случиться. Ты спишь и я, глядя на тебя, тоже засыпаю.

— Понял, Урин, и спать больше не буду, — отгоняя дремоту, бросил весело Ермолай. — Где мы едем?

Небо было голубое, ярко, определенно не по-осеннему светило солнце. Серебряные блики гуляли по водной байкальской глади.

— Подъезжаем к городу Слюдянке...

— Здесь слюду добывают и мрамор, — весело вставил Ермолай.

— Правильно. Слюдянка находится где-то примерно в 100 километрах от Иркутска.

Вот и город показался, совсем-совсем небольшой. Машина его быстро миновала...

— До свидания, любимый Байкал, — вымолвила Урин. — Однако, впереди у нас Култукский перевал.

— До свидания, Байкал, — любуясь видом водной глади, изрек и Ермолай.

Через несколько секунд машина приняла влево, водная гладь исчезла из вида. Дорога стала подниматься вверх, стало смеркаться.

— Будем одевать цепи на колеса? — спросил Ермолай.

— Однако у нас сейчас груз с полтонны в кузове, — вымолвила Урин. — Да и дневное солнце хорошо разогрело шоссе. Думаю, что заберемся на перевал без цепей.

Действительно, они достаточно легко заехали на высшую точку перевала. Стали спускаться вниз...

— Мне будет жаль с тобой расставаться, — всматриваясь в дорогу, с серьезным выражением лица сказала Урин.

Они спускались вниз с Култукского перевала.

— Честно говоря, мне тоже, — вымолвил Ермолай.

— Правда?

— Точно.

Напарница слегка улыбнулась.

— Ты мне напишешь письмо?
— Если ты, Урин, дашь адрес, то напишу.
— Считай, что адрес у тебя в кармане, — широко улыбалась девушка. — А ты, однако, дальше куда поедешь?

Сергеев усмехнулся.

— Ну... Урин. Куда прикажут, ведь идет война.
— Война, — зло вымолвила напарница. — У меня папа воюет, два старших брата, еще дядя...

За окном промелькнула, кажется, эвенкийская деревня Олха. На улице стало совсем темно. Урин тихо и как-то грустно запела...

Они двигались по шоссе на север. По обе стороны от дороги тянулась сибирская тайга. Изредка встречались встречные машины.

Впереди, едва различимо в темноте, показались очертания населенного пункта.

— Ура! — воскликнула Урин. — Показался мой дорогой Иркутск!

Вместе с облегчением, Ермолай почувствовал и большую усталость всего организма.

— Пока еще не верится, что мы уже дома, — весело бросила напарница. — Однако, мама меня наверняка уже заждалась. Ермолай, ты придешь к нам в гости?

«Какая она неугомонная», — подумал Сергеев, в тон ответил:

— Если это приглашение, то да.

— Конечно, приглашение.

— Тогда конечно, да...

Пошли полутемные пригородные поселения Иркутска. Урин уверенно вела машину.

«Молодец все же она, — изредка бросая взгляды на напарницу, подумал Ермолай. — Можно сказать, повезло мне с ней».

Вот уже и городские кварталы пошли.

— Еще с полкилометра, и будет наша контора Госбанка, — вымолвила Урин. — По правде говоря, я бы еще ехала и ехала...

Напарница оборвала фразу, вернее, не закончила.

— Ты большой молодец, — бросил Ермолай. — А я вот что-то за нашу поездку притомился, устал прилично.

— Что-то в это не верится, — усмехнулась Урин. — Ты, однако, такой большой и сильный, здорово действовал в ходе нашей операции. Да и вообще... — она не закончила фразу.

— Ой, только не надо меня хвалить! Я прекрасно знаю свои промахи.

— Я о них никому не скажу, — звонко рассмеялась напарница. — Осталось до конторы каких-то сто метров.

Внезапно она стала грустной и даже мрачной.

Как-то тяжело выдавила:

— Сердце ноет.

— Ты заболела? — удивленный перепадам настроения де-вушки спросил Ермолай.

— Нет. Просто сердце чувствует разлуку...

Иркутск...

В цокольном, полуподвальном помещении деревянного дома находилось двое вооруженных мужчин. Они буквально прилипли к небольшому раскрытому окну и наблюдали за проходившей в двух шагах, через узкий тротуар, проезжей части улицы.

В поздний час автомобильное движение по улице почти отсутствовало.

Показалась лошадиная повозка. Сани хорошо скользили по укатанному снегу, резво бежала и лошадка.

— Зря самогонки не взяли, — зябко поежившись, бросил один из мужчин. — Когда еще наша машинка придет.

— Не бреди душу, Гриб, — выдавил бородатый напарник.

Вот невдалеке загудел автомобильный мотор. Мужчины насторожились. В зоне видимости показалсядвигающийся грузовик.

— Посвети на номер, Гриб, — изрек бородатый.

— Он, наш номер, — наведя луч фонаря на приближающуюся машину, бросил напарник.

— Наконец-то. Значит, действуем. Огонь!..

Гулко и неожиданно прозвучала автоматная очередь в ночной тиши. Пули застучали по грузовику, зазвенели и разлетелись на осколки переднее и боковое стекло машины. Сергеев по звуку определил, что стреляли с его стороны улицы. Боковым зрением он заметил, откуда раздавалась огненная вспышка.

Ермолай моментально выхватил из кармана тулупа «лимонку», выдернул чеку и бросил в сторону подвала дома, откуда велся автоматный огонь. Раздался взрыв.

Машина меж тем задержалась из стороны в сторону.

— Помогите мне, — раздался крик Урин.

Ермолай перевел взгляд на напарницу. Она держала руль одной, левой рукой. Ближняя к нему ее правая рука висела как плеть, на рукаве тулупа в двух местах виднелись следы пуль.

«Кажется, Урин ранило в плечо и руку!» — воскликнул Ермолай, хватаясь руками за руль.

Так в три руки они стали рулить. Автоматных очередей не было слышно. Ермолай взглянул в зеркало заднего обзора, один из домов по его стороне улицы был объят пламенем.

«Сработала моя «лимонка!» — воскликнул Ермолай.

— Мы уже приехали, сворачиваем, — крикнула Урин.

Машина повернула направо и въехала в ворота забора. Замок отскочил в сторону, и они оказались во внутреннем дворе конторы Госбанка. Секунда-другая и машина носом уткнулась в деревянное здание гаража и остановилась...

Во двор выбежал охранник и, очевидно, дежурная по конторе Госбанка. Сергеев выскочил из машины и крикнул:

— Все нормально, товарищи, прибыли свои.

Охранник убрал пистолет и изрек:

— За вами гнались?

— И гнались, и стреляли, но это потом, — бросил Ермолай. — Урин ранена, ее надо срочно в больницу.

— Отправим ее на дежурной машине, — вымолвила женщина, дежурная по конторе Госбанка.

— Давайте, родные, быстрее-быстрее, — крикнул Ермолай женщине и, обращаясь к охраннику, изрек. — Быстро звоните управляющей конторой. Сообщите, что мы прибыли из Монголии и что надо организовать прием груза. Давай-давай, живее.

Сам он бросился в кабину машины, к месту водителя...

Маньчжоу-го, город Дайрене...

В кабинет вошел хмурый полковник Удачин. Атаман Семенов поднялся с кресла, пошел навстречу. На середине кабинета они встретились, атаман протянул руку. Всматриваясь в глаза полковника, крепко пожал его руку. Выдавил:

— Здравствуй. Пойдем, друг, в мой будуар.

Так атаман называл небольшую комнату за кабинетом. Хозяин кабинета, следом полковник прошли в небольшое помещение. Был накрыт небольшой стол, стояли два кресла. Определенно боясь прослушки японцев, Семенов сразу включил радиоприемник, раздавалась какая-то китайская музыкальная мелодия. Он взял бутылку водки, наполнил рюмки, изрек:

— За встречу, Иван.

Мужчины выпили. Атаман занюхал черным хлебом, Удачин взял соленый огурец.

— Знаю о неудаче в Улан-Баторе, — выдавил атаман, — гибели Вронского. Печально все это. Это не катастрофично, да и сам объем монгольских даров мизерный. Не переживай, друг, сильно, мы отыграемся на красных-большевиках в чем-нибудь другом. Нам непременно улыбнется удача. Ведь с нами бог.

Удачин неопределенно кивнул, атаман снова быстро наполнил рюмки.

— Мне, старый товарищ, — строго продолжал атаман, — придется сообщить тебе крайне неприятную информацию. В России НКВД арестовал твоего сына, Ивана.

Полковник спокойно выслушал, выпил и задумался.

— Арест, — это, разумеется, еще не конец, — хмуро продолжал атаман. — Но дело, как ты сам прекрасно понимаешь, очень и очень серьезное по части перспектив твоего сына, — тоже выпил.

У Удачина было каменное, неподвижное выражение лица.

— Ну, скажи, Иван, что-нибудь, не молчи.

— Не могу, — не разжимая губ, выдавил полковник. — Сердце разрывается в клочья, утрата за утратой. Как жить? Зачем жить?..

— Мы тебе поможем...

Урин отправили в городскую больницу. Сергеев три часа передавал и оформлял дары Монголии. Поскольку правый борт грузовика был изрешечен пулями, то досталось и лежащему у борта комбинезону с тугриками. Он оказался пробит в четырех местах, пострадали два десятка купюр.

Сергеев позвонил в ГРУ в Москву и кратко пообщался с серьезным полковником Селезневым.

Затем доложил о выполнении задания председателю Госбанка страны.

— Замечательно! — вымолвил Булганин. — Товарищ Сергеев, мы вас представим к награде. Пожалуйста, побыстрее возвращайтесь в Москву. У нас масса срочных и важнейших дел.

«В Москву!?» — воскликнул Ермолай, быстро спросил:

— А как же работа в хранилище на Урале?

— Там справятся без вас, вы нужны в Москве...

Ермолай хотел сказать председателю Госбанка об Урин и ее роли в операции «Тугрик». Но Булганин, сославшись на огромную занятость, быстро закончил разговор.

Сергеев зашел в больничную палату, где в ряд стояло три железных кровати, на которых лежали женщины. Резанул запах медикаментов и еще чего-то неприятного. Он выдавил:

— Здравствуйте.

Никто не ответил.

Ермолай поочередно взглянул на больных. Сразу определил из них Урин, укутанную одеялом по шею.

Прошел к ее кровати, улыбнувшись, вымолвил:

— Здравствуй, напарница. Как ты? — поставил на прикроватную тумбочку две банки сгущенки.

Врачи объяснили Ермолаю, что одна автоматная пуля разбила локоть правой руки Урин, вторая — предплечье. Обе раны оказались очень серьезные, были сильно раздроблены кости, разорваны сухожилия и нервные каналы. Поэтому девушке медикам пришлось почти по плечо ампутировать правую руку. Еще врачи установили, очевидно, от выпавших нагрузок, психическое истощение у Урин.

На болезненно-белых щеках девушки появился легкий румянец.

— Здравствуй, Ермолай. Я так рада, — тихо вымолвила Урин. — Как у тебя дела?

— У меня все нормально. Скажи, как ты себя чувствуешь?

— Уже гораздо лучше. Врачи сказали, что сейчас уже есть такие протезы, прямо как настоящая рука. Ну, точь-в-точь.

— Да-да, я тоже это слышал.

Урин слегка улыбнулась.

— Значит, я смогу водить машину.

— Конечно.

Урин достала из-под одеяла левую руку и передала записку.

— Это мой адрес. Если хочешь, напиши письмо.

— Конечно, напишу, — быстро беря клочок бумаги, твердо заверил Ермолай.

Нахлынули смешанные чувства. Ему хотелось сказать что-то теплое и ласковое, поддержать и приободрить девушку. Но... как назло, ничего такого не приходило в его голову.

— Тебя наградят правительственной наградой, — выдавил Ермолай.

— А тебя?

Ермолай неопределенно пожал плечами.

— Если тебя не наградят, то я откажусь от награды, — на удивление твердо вымолвила Урин.

Ермолай не знал, что и сказать на эти слова. Но в этот момент он твердо решил, что добьется, чтобы Урин действительно наградили.

— Ты сейчас куда? — спросила девушка.

— Э... понимаешь Урин, я не могу точно сказать... Приказали срочно убыть...

— Извини, это я не права, что задала такой вопрос. Счастливо тебе, прощай, Ермолай.

— До свидания, напарница, огромное тебе спасибо. И поправляйся побыстрее.

Урин, широко раскрыв глаза, смотрела на него, по девичьим щекам текли слезы. В груди Ермолая что-то защемило, в голове зашумело, нахлынула невероятная грусть.

— Все будет хорошо, — с трудом улыбаясь, вымолвил он. — А победим злейшего врага, станет еще лучше. Станет просто замечательно, — наклонился и поцеловал девушку в щеку.

Давясь слезами, она крепко обхватила его здоровой рукой, жарко расцеловала...

Содержание

Часть первая. ОПЕРАЦИЯ «ТЕАТР»

Глава 1	3
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	62
Глава 7	74
Глава 8	88
Глава 9	100
Глава 10	112
Глава 11	126
Глава 12	138
Глава 13	148
Глава 14	158
Глава 15	170
Глава 16	180

Часть вторая. ОПЕРАЦИЯ «ТУТРИК»

Глава 1	186
Глава 2	199
Глава 3	211
Глава 4	222
Глава 5	234
Глава 6	244
Глава 7	255
Глава 8	265

Художественное издание

Смирнов Михаил Михайлович

ОПЕРАЦИЯ «ТЕАТР»

Корректурa — Ю. Пиджакова

Верстка — И. Селезнева

Издательство ИП Пиджаков А.В.

www.пиджаков77.рф

Тел.: (343) 286-03-87, 8-950-634-59-80

Подписано в печать 13.04.2016. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 16,04. Тираж 60 экз. Заказ № 134

Отпечатано в ООО «Издательство
и типография "Альфа Принт"».

620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, дом 2.

Тел. 8 (800) 300-16-00

Смирнов Михаил Михайлович родился в 1953 году в Красноярском крае. Высшее образование получил в Ленинграде.

Трудовая и служебная деятельность проходила в Восточной Сибири, Центральном федеральном округе, Республике Афганистан, на Крайнем Севере и в Москве.

М.М. Смирнов является членом Союза писателей России.

Произведение является продолжением романов «Хранитель» («Операция "Элегия"») и «Операция "Призрак"».

Октябрь 1941 года. Жестокая, смертоносная война идет полным ходом. Несмотря на большие потери, немецко-фашистские войска наступают по всем фронтам, рвутся к Москве. Ленинград уже в полной блокаде...

Главный герой Ермолай Сергеев, сотрудник Госбанка СССР, залечив травмы и раны, становится участником спецоперации под кодовым названием «Театр».

Россия веками хранила и приумножала свои материальные и культурно-художественные ценности. В годы военного лихолетья многие хотели бы поживиться, заполучить художественные ценности страны. В тылу, как и на фронте, идет беспощадная, кровавая война, война разведок и контр-разведок. В нее неразрывно вовлечены многие и многие человеческие судьбы. Порой жажда наживы толкает людей на преступления...

Герою предстоят серьезные, порой смертельно опасные задания. Сумеет ли Ермолай преодолеть выпавшие на его долю испытания?..

А жестокая война продолжается, у героя новые особые задания...